

Баир Жамбалов

Империя предков

12+

Баир Жамбалов

Империя предков

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Жамбалов Б. В.

Империя предков / Б. В. Жамбалов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга "Империя предков" повествует о великом полководце Чингисхане, создавшем самую крупную в территориальном обозначении Монгольскую империю в мировой истории. В книге читатель узнает о талантливых, выдающихся полководцах Чингисхана, о высоком воинском искусстве монгольских воинов. Многих историков всегда восхищала удивительная маневренность и скорость передвижения монгольской конницы Чингисхана, что нередко сравнивают её с современной армией в условиях Средневековья. Исключительную тактику монгольской армии Чингисхана и поныне изучают во многих академиях армий современного мира.

© Жамбалов Б. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Введение.

В далёко дальних просторах вольных, в самой дико глубинной бездне сумрачно неведомой Азии во второй половине двенадцатого века, что есть времена столетий мрачного Средневековья, становилось беспокойно. В одной из центральных степных частей – с запада омываемой довольно таки широкой рекой Селенга, несущей ровно размеренные воды свои на север до лесов Баргуджин-Тукум и там свернув на запад, впадающей в лоно священного моря Байкал; с востока омываемой водами рек Онон и Керулен; с севера подпираемой теми же лесами Баргуджин-Тукум; с юга обдуваемая ветрами каменисто песчаной пустыни Гоби становились всё необузданнее, порывистее воинственные племена, говорящие на одном языке. Пассионарность, огонь пассионарности, как явление интересное, неординарное, необыкновенноевозникло, рождался в душах степных кочевников этих на данный момент чрезмерно воинственных племён. Но ведь было такое когда-то...

Примерно за восемьсот лет до описываемых событий из этих же степей Центральной Азии, от берегов Селенги в третьем, четвёртом веках нашей эры поднималисьвоинственные племена хуннуд –люди, тогда и ныне в переводе с монгольского, бурятского, калмыцкого, как называли себя сами, что на разных языках произносилось со схожим звучанием и транскрипцией: хунпен, сюнну, гунны..., что поднялись и пошли далеко на запад в сторону предзакатного солнца, переворошив там вековые устои, свершив такое Великое переселение народов, что старались укрыться народы западной стороны от неведомых воинов из Азии. И были тогда у них достойные вожди, и выделился тогда один выдающийся лидер – тот самый Аттила, что потряс самую великую державу – великую империю Рим. И увидели тогда, узнали тогда досель непобедимые римские легионы достойного противника в военном отношении и поразились.

Цикл в восемьсот лет определённый историком Львом Гумилёвым от одного пассионарного взрыва до последующего. И в этом двенадцатом веке по календарю григорианскому вожди, ханы достойные, посреди которых выделились Хабула-хан, Амбагай-хан, да и души других вождей уже подвергались огню энергии пассионарности. И прошла первая волна, будто предвестницей чего-то огромного, ошеломляющего, такого всесокрушительного цунами в мировой истории. И будто ждала земля этой части Центральной Азии какого-то ещё пока неведомого, пока таинственного лидера, вождя, хана в своей истории, что когда-то давно, давно и вздыбилась ураганным ветром сокрушительным на запад до самых, самых земель великой империи Рима.

В один из дней тех лет второй половины двенадцатого века в давящем пекле жаркого лета раскалённый зной простирался от горизонта к горизонту, там, где всегда смыкается иссиня лазурный купол с цветистыми холмами бескрайних степей. Зимой же другая противоположность, что всегда характерна бушующим холодным ветром, пургой снежною, что нещадно пронизывает до самых костей. Но, то в ночи и дни холодной зимы, а ныне, же, в самом зените знойного лета от жары попрячется в поисках тени всякая живность диких степей, и птицы не взлетят. И воздух вибрирует волнами, реющими волнами того же распалённого зноя, не щадящего, давящего. Но кого несёт в тишине истомлённой?

То спешит гонец Тогорил-хана – вождя племени кэрэитов к его анде, названному брату по имени Есуге-багатур, что ныне вождь племени тайчиут, ныне отважный воин из рода борджигин.

Скакун и всадник, как едино исторгающее пламя едино кровной сути, над расцветшими травами, цветами пёстро полевыми, посреди которых и отличится редкий улаалзай, цветок лилии, ясно багровым светом откровенности чисто первозданной. И вряд ли он предъявит аллюром в тишине пустынной степи чьему-либо восхищённому взору неистовый, но плавно

парящий полёт изысканных граций в искрах трепетно волнующих мгновений. О, бескрайность степей Центральной Азии!

Неказистый, но жилистый конь малого роста не искромётностью копыт над стелющимися травами, над пестротой цветов полевых подминает порывом упрямым травы за травами, приближая и приближая...

Уж сверкает синевой река Онон у урочища горы Делюн-Болдок, тихо течение его. И много юрт белеет, отливаясь волнами давящего зноя. И встречный всадник, кажется совсем ещё мальчонка, также переливается волнами, отражением распалённого зноя. Он приближается, он совсем близко.

Взбрыкивает вдруг неожиданно конь под седлом гонца Тогорил-хана, едва удержишься, будто и чует запах змеи – неотвратимо противоположного существа под покровом Вечного Синего Неба. Но ни одна змея не ужалит в степи пропахшего конским потом. Но видит он, гонец, устремлённый взгляд этого мальчонки, который, может, чуть и выше тележной оси. Вглядывается гонец. И вот он на пути его...

О, Вечное Синее Небо! Лучше бы не делать этого никогда...

То есть ли ответ от бездны ада? Он вглядывается в неё, он видит это, и потому дрожь ударит по телу заиндевавшему, и взбудоражит сердце, что и забудется, затрепыхается беспокойно, подобно птице крохотной от взгляда орлиного, и оцепенеет позже, подобно мыши полевой от глаза змеи. Зелёный ответ иного взора вонзится, пронизывает насквозь, будто и вывернет дух наизнанку.

То есть ли это сам зловещий блеск от лезвия истины таинственно непознанной, её сверкание страшное? Степь, земля уйдёт, уходит из-под ног, обдавая ознобом стылым в самом пекле тягуче давящего зноя. Уж лучше и убраться поскорее, унести пролётным облаком от неведомой долины ада, каковой и есть застылый взгляд мальчонки.

Потому и постарается проскочить быстрее, но наберётся решимости, обернётся и спросит:

- Я вижу юрты Есуге-багатура, вождя племени тайчиут?
- Да, – кивает в ответ мальчонка.
- Чей же ты сын будешь?
- Есуге-багатура.
- Как звать тебя, досточтимый сын вождя племени тайчиут?
- Темучин.

Неумолимое течение реки-времени образует то широкую реку, то небольшой ручеёк лишь всегда в одном направлении, которое мы знаем, которое почувствуем от далёких берегов прошлого через миг настоящего к неизведанным берегам будущего. То течёт неспешно плавно, то понесётся бурливо, да так, что выбросятся пены вниз, далеко вниз по течению, где упрятаны повороты неведомо предстоящих событий.

Но что такое тысячелетие в этом течении неумолимости реки-времени? По шкале абсолютной ядерной геохронологии представится совсем малой величиной, где в обиходе миллионы, миллиарды лет. А что же тогда одна жизнь человеческая? Лишь капля в океане, лишь песчинка в пустыне.

Но необозримо великим выглядит оно в глазах вот этой одной жизни человеческой. Взгляни пристальным взглядом в туманные берега будущности, посмотри с высоты сегодняшнего дня ещё вверх, в заоблачные выси неопределённости, куда и не постигнет да никакой взгляд предсказаний. Что там за сумрачно таинственным поворотом тысячи лет будущности?

Но взгляни назад на повороты, изгибы прошлых лет, где есть всё, же, известность. Разумы множества и множества жизней да сохранили, уберегли в памяти яркие, неяркие блики мигнов дней, лет, эпох прошедших. И не всегда спокойно было течение реки-времени, где порой было место и совсем бурливым волнам.

Тысячелетия за тысячелетием без всяких кипучих волн маленькое человечество жило, размножалось в едва тихом развитии, что дубинка да лежащий камень долго были единственным оружием того, кто и обрёл в этом вождельном мире великое сокровище, каковое и есть разум. Но и позже лук и стрелы не спешили расставаться от того, кто и вознамерился на высший престол. Но многое, многое изменилось лишь в одном последнем прошедшем, ушедшем тысячелетии, что отстоит от дней нынешних. Но, всё же, лук и стрелы не спешили расставаться ещё до середины этого ушедшего тысячелетия, продолжая оставаться на ролях неизменных спутников. Но затем покатилося, понеслось со второй половины, да так, что в последнем столетии, в последних десятилетиях последнего ушедшего века взлетело, что и завихрилось в неистовой скорости на высоты, невероятные высоты научного, технико-технологического могущества.

Вот тогда-то и решили на стыке второго и третьего тысячелетий по календарю григорианскому определить человека тысячелетия. Но разве приходило такое в голову на стыке первого и второго тысячелетия, на пороге 1000 года? Да, ни за что? Ибо тогда мир был разделён на множество пёстрых лоскутков-цивилизаций, ничего не знающих, не подозревающих друг о друге. И, конечно же, тогда и в помине не было такой научной дисциплины как мировая история, когда и довольствовались лишь фрагментами, лишь историей отдельно взятых народов, отдельно взятых империй.

Что ж, окинем беглым взглядом начало и конец последнего ушедшего тысячелетия, чтобы понять и оценить.

В начале его те же лук и стрелы, что несёт с собой человек с незапамятных времён, укрытых не одним тысячелетием. И полный мрак в Европе, что касательно в отношении наук, что даже и не возгорится искра. Полное отступление от света античности. Да и гуманность скромно стоит, притулилась на обочине истории, что никто и не призовет её. Вот такая картина, вот такое средневековье.

Население человечества составляло на том стыке тысячелетий примерно 400 миллионов человек.

Азия, именно Азия на этом стыке тысячелетий оказывается впереди в отношении технико-технологического развития, ибо здесь, в Китае, на том самом отрезке хронологии изобретают порох.

И всё же из Европы, именно из Европы на том, же, стыке тысячелетий, а примерно около 1000 года сын викинга Эрика Рыжего Лейф Эрикссон, сам ничуть не ведая того, за пять столетий до Христофора Колумба открывает Северную Америку, называя открытые земли Хеллюланд, Маркланд и Винланд.

В начале тысячелетия наступает кровавая эпоха противостояния христианского и мусульманского миров. Начало положено первым крестовым походом в 1095 году.

Говоря о начале тысячелетия не нужно упустить одно знаменательное событие. И в связи с этим можно сказать, что астрономия была и быть должна одним из важнейших наук у всех народов во все времена, а ныне и всего человечества в виду неизбежно случившейся глобализации, источник к которому проложил один человек из бездн Азии ещё задолго до этого достижения.

Тем знаменательным событием явились свидетельства взрыва сверхновой в глубинах Галактики, в регионе Крабовидной Туманности, записанные китайскими, японскими и арабскими астрономами в 1054 году. Китайский летописец Мин-Гуань-Линь оставил такую запись, датированной 4 июля 1054 года: «В первый год периода Чин-хо, в пятую луну, в пятый день Чи-Чу появилась звезда-гостья к юго-востоку от звезды Тиен-Куан и исчезла более чем через

год». К той же эпохе относится и такая запись: «Она была видна днём, как Венера, лучи света исходили из неё во все стороны, и цвет её был красновато-белый. Так была видна она 23 дня». Таким образом и был зафиксирован этот небесный феномен, дошедший до наблюдателя на самой предельно высокой скорости материального вещества, любых физических воздействий приблизительно в 300000 километров в секунду, каковым и является свет, за 6500 лет от места своего рождения. В истинном времени взрыва той сверхновой в этом мире наблюдателей ещё и не были построены те самые великие пирамиды Египта. Говоря же о скорости света, в разговорной речи можно не брать в расчёт минус 201 километр 542 метра. Но что скорости, равно и взрыву сверхновой до этого разума в отдельно взятом пространстве.

Чтобы понять последнее тысячелетие вполне уместно охватить его и с другого конца, каковым и является 20 век по григорианскому календарю, его последний век, в котором родилось большинство взрослого населения ныне живущего человечества на заре третьего тысячелетия. Но особенно вторая половина века, где и разыгрался непостижимо неистовый интеллект разума.

Концовка тысячелетия охарактеризовалась двумя мощными волнами в течении мировой истории, каковыми и явились две мировые войны. Вот где выливалась сполна грязь человеческой души. Но и всплеск благородства тоже.

16 июля 1945 года США испытывают первое ядерное взрывное устройство «Garget». И начинается новая эра, когда разум сам поставил себя на грань возможного самоуничтожения.

12 апреля 1961 года Юрий Гагарин первым из множества взглянул на родной мир, на планету со стороны. Человек ступил на территорию космоса. И начинается новая эра, когда человек может и возгордиться тем, что дано начало выхода в Мир, в котором его родной мир так крохотен, подобно песчинке в огромной пустыне, как капля в океане.

21 июля 1969 года ступив на Луну Нейл Армстронг, первый человек из будущего множества, с волнением произносит заранее выученную, но впоследствии вошедшие в историю слова: «Один небольшой шаг человека – огромный скачок для человечества».

Комета Шумейкеров-Леви была необычной, и вошла навсегда в историю благодаря необычайному для глаз наблюдателей случаю. Сила притяжения Юпитера – самой гигантской планеты Солнечной системы захватила эту комету на вытянутую орбиту и разорвала её на 20 с лишним кусков. В конце июля 1994 года все фрагменты врезались в Юпитер, производя фантастические эффекты в его атмосфере. Впервые астрономам удалось быть свидетелями столкновения кометы с планетой. Но напрашивается невольно вопрос: «Сколько же раз Юпитер принимая удар на себя, спас разум на уникальной планете, что так редко удачно вписалась в вожделенную зону Златовласки?» И стоит преклонить голову в знак благодарности.

Но есть ли дело космосу до жизни и страстей человеческих?

А жизнь на уникальной планете идёт своим чередом, вздымая пар самых, что ни на есть, разнообразных страстей да устремлений.

И стало как бы правилом, определять разуму лучшего из лучших в какой-то области или же за этап, отрезок времени прошедший. Вот так и с титулом человека тысячелетия.

В 90-х годах 20 века по инициативе ЮНЕСКО определили человека уходящего тысячелетия. Им стал безграмотный степняк, но гений, повернувший ход мировой истории, давший толчок к образованию нынешнего состояния всемирного человеческого общества, под которым подразумевается глобализация. И потому на данном отрезке реки-времени, несмотря на множественность и пестроту государственных образований, взглядов и философий, на арене Великого Пространства человечество предстаёт единой мировой цивилизацией, что и есть восхождение разума по лестнице, ведущей вверх.

Монгольский мир монгольских народов, как фрагмент мировой цивилизации, об этом не просил, за своего великого предка монгольский мир не настаивал. Но факт, есть факт.

Наречён обладатель данного незаурядного титула, имя его – Чингисхан.

Во времена довольно таки светлых страниц античности стоит особо отметить значение мысли древнеримского политического деятеля, оратора Марка Туллия Цицерона о гуманизме, основой которого явилось признание ценности человека как личности. Мысль высокой мудрости могла проявиться в античной цивилизации Древнего Рима, во многом впитавшей в себя от мудрости Великой Греции – Эллады. Проявилась, но не завладела умами всех.

Падение великого города Рима, равно западной Римской империи ознаменовало собой наступление мрака мрачного Средневековья на протяжении десяти веков, такое вот похолодание интеллектуального климата античности. Мировая культура, наука сиротливыми падчерницами надолго скромным образом притулились на обочине пути Истории, а гуманизм даже и не смел, ступить на обочину его.

В эпоху конца мрачного Средневековья, когда в той же Европе, но особенно в княжествах разрозненной земли Священной Римской империи германской нации с 5 декабря 1484 года по календарю григорианскому уже на заре эпохи Возрождения будут сжигаться на кострах инквизиции женщины, обвинённые в колдовстве, прозванные ведьмами, по указу папы Римского Иннокентия Восьмого. И это один пример из ряда многих, множества, что есть в арсенале мировой истории. Но ведь и пополнится. О, пороки жестокости природы человеческой! И это даже несмотря на восхождение разума...

Восхождение разума по лестнице, ведущей вверх на данном и последующем течении Реки Времени третьего тысячелетия в неведомые выси, повороты, извороты будущности. Но будет ли тогда воззрение таинственно будущей эпохи определять человека данного тысячелетия на последующем стыке? Но вряд ли какие-либо полководцы, да и политики продвинулись в ряды возможных претендентов. Скорее, и будут представители технократии.

Конструктор наноаппликатора, созидającego вечное изобилие? Автор термоядерного синтеза, когда и подчинится вечная энергия? Высокотемпературная сверхпроводимость, когда подчинится энергия гравитации? Или же конструктор варп-двигателя, такого двигателя по теории физика Алькубьере, что преодолимы станут и межзвёздные, и межгалактические расстояния вплоть до территорий сияний квазаров на окраинах Вселенной?

Возможно, разуму, достигающему таких высот, покажутся мелкими дела и суета ушедших тысячелетий. Как знать...

Продолжает и продолжает свой ход История, будто как мерное течение Реки Времени. И я верю, будет восхождение разума по лестнице, ведущей вверх на ступень цивилизации второго типа, когда и будет востребована энергия звёздной, в данном случае Солнечной системы. Да, я верю, что продолжится восхождение разума, ведущей вверх по лестнице уже на следующую ступень цивилизации третьего типа, когда и будет востребована энергия цивилизации третьего типа, когда и будет востребована энергия галактики, в данном случае Галактики Млечный Путь.

Не вижу, не чувствую сомнения в том, что будет преодолен барьер технологии управляемого термоядерного синтеза, как вечной энергии, черпаемой из среды вечного ли космоса, равно как и барьер высокотемпературной сверхпроводимости, что доступен будет иной род техники пока из территорий физики невозможного. Нет сомнения в том, что и будет создан наноаппликатор для созидания не оскудевающего вечного изобилия. И будет постижим потомками межзвёздный прямоточный двигатель Бассарда. И будет обойдён постулат общей теории относительности Эйнштейна, когда представится истиной конструкторское решение варп-двигателя, манящего «двигателя искривления», обгоняющего свет для поступательного освоения Галактики Млечный Путь. И устремится взгляд за горизонт великого события. И представятся истиной знания о возможности овладения волновой деформацией пространственного

континуума, созидającego пузырь искривления, сродни волшебству, перемещая пространство в Пространстве локальным искажением пространства-времени, искажением самой «геометрии» Вселенной от иного сильного поля тяготения, раскрывая, открывая путь к миллионам, миллиардам галактик на расстоянии в миллионы, миллиарды световых лет. И хочется верить, что устремится взгляд, и будет такая сила познания, а то и сила преодоления горизонта величайшего события, за которым и предстанет Мультиверс – величественная концепция разума.

И хочется верить, что в этой отдалённой таинственности таинственного будущего в поступательном пути истории уйдёт с его обочины и займёт по праву центральное место Гуманизм. Хочется верить...

Но о другом времени повествование, о другом, что осталось позади, и что представится всегда Историей.

Шёл восьмой век сумрачности мрачного Средневековья, отдалённых Востока и Запада, отсчитываемого от пятого века, от падения Западной Римской империи, когда и был прочно забыт свет античности, тот самый свет прошлого человечества, когда и свершилось это, взбодоражившее весь мир, развернувшее лихо колесо мировой истории, повернувшее её неспешный ход. Таинственным ли образом, из ничего ли объявилась, выросла, источающая грозную тень, размахнувшись широко, раздольно таинственная ли империя, по охвату территории своей взявшая пальму первенства в мировой истории. То была империя, начало которой положил Чингисхан. Тогда шёл тринадцатый век по григорианскому календарю.

Внук Чингисхана Хубилай-хан был правителем империи на одной пятой части суши от всей Земли: до открытия Америки Северной и Южной оставалось два с половиной столетия, до открытия Австралии более трёх веков, пустынной ледяной Антарктиды более шести веков. И учитывая то, что в Ойкумену цивилизаций человечества входила лишь северная Африка, тогда как подавляюще большая часть её оставалась землёй неизведанной, непознанной, то можно сказать, что Хубилай-хан был властелином большей части мира, чья невероятно огромная империя немного не дотянула до Западной Европы, которая, судя по хроникам, свидетельствам, документам тех времён, находилась в состоянии близком к панике. Да и Японию охватила нездоровая тревожность, что стоило уповать лишь на то, что эти монголы были далеко не мореходами, молясь, лелея надежду на спасительный плеск волн Тихого океана...

То была империя предков, как память отдалённым эхом голоса зовущего, незримым, но прочным мостом генетики...

То вставляли кентавры больших просторов...

То писалась одна из самых интригующих страниц мировой истории...

1

«Монголы – это солдаты Антихриста, которые пришли собирать последний, самый ужасный урожай», – изречение великого Роджера Бэкона, английского философа и естествоиспытателя, монаха-францисканца, профессора богословия в Оксфорде. Годы жизни 1214 – 1292 по календарю григорианскому.

«История каждого народа начинается только тогда, когда глухие, таящиеся в глубинах душ народных стремления находят какого-нибудь гениального выразителя, крупную личность, героя из его среды. Только тогда «племя», «род» становятся народом, только тогда с памятью об этом герое пробуждается в умах народа сознание о своём единстве в пространстве и во времени; эта память делает историю. Таким героем монгольского народа был Чингис-хан: до его появления монгольского народа как единого целого, каковым узнала его всемирная история, не было. Были роды и племена: растительно свежа, буйственна и богата была их жизнь. Страсти были первобытны, не стеснены, ярки как цветы, покрывающие весной монгольскую степь. Личность не играла роли, жили все родовой жизнью. С момента появления Чингис-хана

отдельные роды и племена монгольские, объединившись, стали народом историческим, а его герои пробудили у народов Азии и Европы, – у одних сочувственный, восхищённый отклик, у других – ужас и страдание, подобно тому, как клёкот орлиный заставляет волноваться мирный птичий двор», – российский историк Всеволод Иванов. «Мы. Харбин». 1926 г.

«Мы можем считать степных кочевников одним из самых значительных и зловещих сил в военной истории», – военный историк Джон Киган.

«Выдающийся учёный, академик Б.Я. Владимирцов сказал однажды: «Чингисхан был сыном своего времени, сыном своего народа, поэтому его надо рассматривать действующим в обстановке своего века и своей среды, а не переносить его в другие века и другие места земного шара». Прекрасные и правильные слова! Но давать такую оценку деятельности первого монгольского хана ещё до недавнего времени были готовы немногие.

Причины такого отношения, в общем-то, понятны. Воины Чингисхана прокатились губительной волной по Азии и половине Европы, всё, сметая на своём пути. «Они пришли, сломили, сожгли и убили» – такой образ монголо-татар и их предводителя надолго стал архетипом жестокости и варварства.

Почему же именно монголы стали «главными обидчиками» во времена, когда воевали все и повсюду? Потому что были сильнее и организованнее всех остальных, а возглавлял их выдающийся правитель.

Побеждённые никогда не любят победителей и с трудом признают их превосходство...» – российский историк Хорошевский А. Ю. в предисловии к книге – мировому бестселлеру профессора антропологии, историка Джеки Маклайна Уэзерфорда «Чингисхан и рождение современного мира».

Кони не фыркая, однако, довольные выскакивали из воды поскорее, и воины тут же спешившись, стаскивали со спин лошадей кожаные бурдюки, наполненные воздухом, что даже самый неопытный конь в таком деле, как переправа через реки, никак не сподобится пойти ко дну. И он также, как и его воины, освободил коня под ним от такой ноши, что не так тяжела, никак, тогда как три его заводных коня уж весело гарцевали рядом, стряхивая остатки капель. И с них он сам собственноручно снял воздушные бурдюки. Не так долга была переправа. Да, Ирпень, река Ирпень не так широка, как Днепр, не так раздольно полноводна. А сколько рек самых разных позади?

Давно нет в живых тех коней, его первых боевых коней, что, тогда, будучи совсем молодым он переплывал ох какую широко раздольную реку Хуанхэ, ту самую Жёлтую реку, что к югу от Великой китайской стены питает поля мирных крестьян, что долго кротко гнули спины на чжурчженей, которых раз за разом, однако с лёгкостью быстроты разбивали Джэбе, Мухали, Боорчу, Наян – ох шустро умелые полководцы их величайшего хана ханов, да и он сам также успешно приложил руку к такому делу.

Нет в живых и тех коней, с которыми он переправлялся через ту реку Амударья, одну из главных рек государства, империи Хорезм, что к востоку от моря Каспия, совсем на другой западной стороне от чжурчженской империи Китай династии Цзинь. Да, не так долга жизнь лошадей, не так долга. А что, жизнь воина так ли длинна под градом стрел, да в сечи яростно жестокой? А вот он дожил таки до преклонных лет, давно зажиты раны, полученные в те годы, когда в молодости и начинал постигать мудрость командира тысячи. Да, сразу таковым его и определил сам Чингисхан в награду ли за самоотверженную преданность с детских, с юных лет, когда был он рядом с ним плечом к плечу и в дни тягот, и в дни успеха. Перед самым походом на Китай династии Цзинь ему-то Чингисхан и вверил под командование тумен.

Так размышлял уж ныне для молодых воинов да командиров уж шибко шустрый старик Субудэй-багатур, чьи первые кони когда-то попили воды той Жёлтой реки Хуанхэ, что отсюда так далеко на востоке этой ох нескончаемо обширной земли под покровом Вечного Синего Неба. Что ж, он покажет молодым, без устали, на скаку сменяя заводных коней, поскачет, поведёт своих воинов до самых Карпат, чтобы там спешиться на долгий отдых до весны. Но сначала подождёт Бато – правителя улуса Джучи, улуса своего отца, который уж не в старческом, зрелом возрасте покинул их, отправившись в долины Вечного Неба. Как-то мрачен, задумчив он, однако, такое у него после того разговора с Гуюком, с этим несносным сыном Угэдэй-хана, которого Бато отстранил от командования, отправив того домой аж до самого Каракорума – до столицы всей Монгольской империи, что ныне на берегу Орхона, возведённая дочерью Чингисхана Алангаа – принцессой, правительницей Тору дзасагчи гунджи.

Да, задумчив был Бато – правитель улуса Джучи, которого в Европе будут именовать Батием, потрясшим Старый Свет, ещё как задумаешься. И всё после того разговора с Гуюком, что произошёл на том левом берегу широкого Днепра. Так и стояли они друг перед другом: молчали все, кони не шелохнутся, будто догадались, что сошлись лбами два внука Чингисхана. Понимали все от десятника, от сотника до командиров, нойонов тумена, что самим Угэдэй-ханом в походе на запад, на предзакатную сторону солнца поставлен верховенствующим командующим его племянник Бато, именно он на правах самого старшего внука великого деда. Да, великий хан не доверил такое высотой важное дело своему сыну Гуюку, которого более отличает высокомерная заносчивость, чем приспособленность разума к военному делу. И быть бы перепалке, да притом на глазах у всех, не вмешайся в такое тонкое ли дело двоюродных братьев ханских кровей сам старик Субудай-багатур, к которому ох как прислушивается сам Угэдэй-хан, равно как и остальные сыновья Чингисхана от его первой жены Борте, которым и были уделены каждому по улусу от обширно нарастающей Монгольской империи. И было решено послать гонцов аж до самой ставки великого хана в Хара-Хоруме. Пусть оттуда рассудит, а они тем временем, переправившись на правый берег Днепра, на том берегу дождутся его решающего слова.

И поскакали гонцы по дорогам от Днепра аж до самых глубин Азии, по дорогам, уж давно очищенным от всяких разбойников, на ходу сменяя и сменяя заводных коней, а в ямских уртонах, станциях, что основали недавно, каждого гонца будут поджидать свежие кони приготовленные ямщиками, горячая пища, ночлег, чтобы поутру, как побелеет рассвет на востоке, скакать что есть прыти, на ходу сменяя и сменяя заводных коней, и так до следующего уртона.

Прошло двадцать пять восходов луны и солнца, как прибыли гонцы с вестью от великого хана. И читали приказное письмо от Угудэй-хана, что писано было твёрдой рукой ханского писца эдакой вязью сверху вниз по всей изящной правильности уйгурского письма, в которых так и выразились крепостью слова монгольским языком, что так и выразили гнев Угэдэй-хана к своему несносному сыну. И чтобы он далее не мешался, не путался меж конских копыт, да призвал сына немедля явиться к нему в ставку в Хара-Хоруме. Тогда вроде отлегло от сердца Бато, но тревожность осталась.

И всё же весело поскакал он, ибо некому уж теперь мешаться, путаться под ногами, а когда уж стремглав и перемахнул Ирпень, на том берегу дав указание Субудэй-багатуру да Байдару – командиру тумена, то стоило немного перевести дух, да оглянуться вокруг.

Леса, поля равнинные, кое-где вспаханные, и взгляд его устремлённый уж будто упёрся в Карпатские горы, на перевал, куда он загодя послал в неведомые страны своих разведчиков шустро глазастых с отменной памятью, так порядка двух десятков вездесущих юртаджи.

Заметил посреди них и одного такого молодого юртаджи, и он, оказывается, ох какого высокого рода, ему даже родственником приходится. А как же, сын племянницы самого Исунке-багатура такого крепко сложенного статью богатырской, которому на всём белом свете, может, и не сыскалось равных выносливостью. И он, Исунке-багатур, к тому же доводился пле-

мянником самому Чингисхану, ибо и был сыном Хасара – его младшего брата. Что же говорить об отце этого юного юртаджи, то слышал, что родом он из лесного края Баргуджин-Тукум, из племени хори. У порывисто неустоимого темника Джэбе воевал отец этого разведчика, когда его тумен через пустыни Алашань да Гоби взял, да обогнул тогда Великую китайскую стену, тем самым подготовив его великому деду Чингисхану переход через неё. То были славные времена...

И далее раздумья, но уже о будущем, что всегда и заманчиво, и сумрачно таинственно. А что же его ожидает весной за перевалом Карпатских гор?

Взгляд пристально упёрся на запад дугой более к югу. Там венгерские равнины, как доложили ему юртаджи, где у короля Белу укрылся половецкий хан Котян со своими сорока тысячами воинами половецких степей. Что ж, он догонит, достанет этого убегающего хана и его воинов у долин Дуная, у реки, про которую он уже знает от посланий разведчиков-юртаджи, но ведь доведётся увидеть...

Взглядом повёл немного вправо. Там земли Польши. Туда он пошлёт младшего двоюродного брата Байдара – как и он, внука Чингисхана, сына дяди Чагатая, третьего сына великого деда от жены, его бабушки Борте. Талантлив он, очень талантлив в военном деле, чего никак не скажешь о другом двоюродном брате именем Гуюк, но разногласие с ним уже началось. Ну что ж, а пока пусть насытятся кони за зиму, что не так крепка, сурова как там у родных берегов Онона, Керулена, Орхона, Селенги...

Да, какой же всполох судьбы ожидает его от неведомых изворотов будущего за тем перевалом заснежено Карпатских гор? Что ж, он терпелив, он подождёт до весны...

«Я не был так счастлив, как Чингисхан», – Наполеон, император Франции.

«...величайший военный гений и вождь в истории, в сравнении с которым Александр Македонский и Цезарь кажутся незначительными», – Джавахарлал Неру, первый премьер-министр Индии, один из самых видных политических деятелей мира в XX веке. «Взгляд на всемирную историю». Лондон. 1948 г.

«Небо не поднесло Чингисхану высокую судьбу, – он сам выковал её для себя. Когда он родился, никому бы в голову не пришло, что у него когда-нибудь будет столько коней, чтобы можно было сделать Духовное Знамя, и уж точно никто бы не поверил, что он пронесёт его по всему известному миру. Мальчик, который потом стал Чингисханом, вырос в жестоком мире межплеменных войн, он рано узнал, что такое убийство, предательство и рабство. Сыну в семье изгнанников, брошенных на медленную смерть в степи, за первые годы жизни ему встретилась едва ли сотня-другая человек. Суровая жизнь рано обучила его самым сильным человеческим устремлениям в этом мире: страсти, гордыне и жестокости», – профессор антропологии Джек Макайвер Уэзерфорд «Чингисхан и рождение современного мира».

«Неожиданно для европейцев и китайцев, по обе стороны Евразии, монголы буквально выскочили из темноты, ведомые своим лидером. ...То, что они смогли вырваться из родных степей, стало заслугой их лидера, одного из самых удивительных личностей в мировой истории. Когда-то историки спорили, какая сила стоит за необратимыми изменениями в мировой цивилизации: социальные условия, климатические изменения или личности. ...Некоторые, подобно английскому философу XIX века Томасу Карлайлу, считали, что «история человечества – это история великих людей», для них Чингисхан был основным примером», – британский историк Джон Мэн «Секреты лидерства Чингисхана».

«Следующими после хешигтенов выстроились члены монгольского правительства. ...

После рукопожатия с членами монгольского правительства Владимир Путин поднялся по высокой широкой мраморной лестнице к статуе Чингисхана. Издалека это смотрелось дей-

ствительно как поклонение сидящему на троне «Потрясателю Вселенной». Не хватало только двух очистительных костров по бокам. Известно, что во времена Монгольской империи через очистительный огонь проводили не только гостей, но и их подарки», – российский журналист Андрей Ян. Газета «Информ-Полис». Республика Бурятия. Сентябрь. 2014 г. (О чём мог подумать тогда один из великих людей современности, один из великих людей двадцать первого века, в раздумье, стоя перед памятником человеку тысячелетия?)

Холодная вода небольшой речушки впадающей в Онон сковала, будто давила льдом, резала холодом, что обдавалось тихой дрожью, но сильнее пробивалась дрожь от страха, от страха быть пойманным, а значит или, же, быть убитым, как дикое животное на заклатие, или, же, снова быть обращённым в рабство. При мысли о рабстве деревянная колодка, что была накрепко надета на шею, да скреплена китайским замком, ещё более стиснула горло, вокруг шеи, как бы в напоминание о том, что ты и есть раб, беглый раб.

Ещё днём он с тяжёлой деревянной кангой, колодкой на шее прислуживал гостям дальнего родственника Таргутай-Кирилтуха, подавая им молочный архи в честь удачной охоты. Ох, насмешливы были взгляды гостей, ибо знали все, чей сын прислуживает им. Видел ли тогда его отец, умерший от коварной отравы, с густой вышины Вечного Синего Неба, видит ли сейчас, что происходит с его семьёй после того, как он покинул их в этом бренном мире.

Далеко после полудня, когда многие уж захмелели на пиру от крепкого молочного архи, когда не было необходимости в его прислуживании гостям, отвели его в одну неказистую юрту на окраине, мол, подальше от глаз долой, и так уже насмеялись, посмеялись все, как следует. Приставили к нему одного юнца постеречь зорко. Хотя и деревянная колодка у него на шее, а кто ж его знает, ведь знают, прознали все, чей сын. И правильно сделано со стороны Таргутай-Кирилтуха, предосторожность никому никогда не была помехой.

В один момент, когда юноша тщедушный видом зазевался было, утерев бдительность, он с разворота ударил того деревянной колодкой по голове, да так, что тот оглушенный временно впал в беспамятство, привалившись у очага, ибо силен был удар. Переступив через него, он рванулся к выходу, но не выскочил сразу, а задёрнув войлок, служащей дверью, огляделся кругом. Рядом нет никого. Да, окраинная юрта ныне оказалась преимуществом. И потому побежал в степь незамеченный никем, понимая, что так ненадолго, ибо заметят пропажу имущества, каковым и является раб, да и нерасторопный стражник очухается, и поднимет тревогу.

Он бежал едва ль пригибаемый тяжестью деревянной колодки на шее, бежал прерывисто тяжело, ибо колодка не давала простор горлу набрать свежего степного воздуха, бежал и успевал судорожно рыскать глазами хоть какого-либо убежища в ровной степи. Сколько бежал, сколь времени прошло, но увидел обрывистый берег небольшой речушки, поросший небольшим кустарником. Ринулся туда, дабы отдышаться там.

Уже свечерело, наступали сумерки, ещё время и сгушались сумерки. Это могло обрадовать его тем, что темнота ночи послужит ему в союзники. Но вдруг такое блаженство тишины нарушили тихие звуки, которых он опасался более всего. Прислушался обострённым слухом. Звуки повторились. Так и должно было случиться. Как тихо монотонная дробь, барабанная дробь цокотом копыт, что нарастала, приближаясь. Ржание коней внесло в эту зловеще очарованную музыку её истинность в страшной сути. То был бег погони, его неистовость.

Они приблизились к самому отрывистому берегу. Повсюду уже хмельные голоса, крики зычные: «Он не мог далеко убежать! Берег обрывист – вот это самое место укрыться! Факелы сюда! Осветите!»

Холодная вода давила будто льдом, резала холодом, обдаваясь дрожью судорожной, голоса наверху, то стихали, то крепчали в хмельной тональности. И вроде стихло, вроде стали

удаляться, не найдя его посреди кустарников обрывистого берега. Но он побудет в стылой воде, не выйдет сразу, терпеть и терпеть. И думай, думай не о спасении от погони, думай о другом, что было так дорого тебе, вспоминая светлость детства, что оборвалась...

Одинокая неказистая юрта, кое-где оборван войлок, едва ль спасёт от дождя, подгибающийся в пургу в долгую зимнюю ночь, дуновение изо-всех сил на сухой аргал, дабы уберечь тепло, которого едва ль хватает. И всё ж их много для такой юрты, братья, младшая сестра – сыновья, дочь матери Оэлун – вдовы Есуге-багатура, что был при жизни вождём племени тайчиут. И бесконечная борьба против голода за выживание. Пригнуться бы, прижаться комочком, но ни дня не даёт покоя мать Оэлун, борясь и борясь, более не за себя, за них, за детей, рождённых от вождя племени тайчиут. И потому всегда и всегда повторяет одно и то же: «Вы дети вашего отца, вы дети самого Есуге-багатура – вождя племени. Вы потомки великих ханов по отцовской линии. В вас течёт кровь Кабул-хана, в вас течёт кровь Амбагай-хана. Его распяли в Китае, распяли чжурчжени, так говорили старики, так говорил ваш отец. Дети мои, сыновья мои – вы должны подняться, вы подниметесь, и вы подхватите бунчужное знамя отца. Мы голодаем сегодня, завтра может, будет полегче, но пройдут дни, пройдут холодные зимы, пройдут знойные лета, и наступит время, когда будем все мы сыты. Я не могу своих детей оделить красивой одеждой. Да что одежда, когда мы днями рыщем в поисках пищи, что укрывается в сусличьих норах, каковыми могут довольствоваться самые обездоленные, нищие в степи, ибо боимся мы, что заметят нас не дикие звери, что уж отныне для нас намного лучше людей, а именно люди. Но живу, надеюсь, что вы – сыновья своего отца Есуге-багатура когда-нибудь воспрянете и поднимете его бунчужное знамя», – говорила всегда так, будто кричит ли, аль шепчет молитву, взывая к Вечному Синему Небу.

Да и ныне говорит, и смотрит прежде на него, на своего, на их с отцом первенца, и будто видит в глазах её сияние огня надежды, что возложила она на него, самого старшего из детей вождя племени тайчиут и её. И потому ль старается изо всех женских сил выдержать жестокий удар судьбы, что так обрушился неожиданно, неожиданно. Да, подобно тростинке, что выворачивается от напорного ветра.

Говорила так, надеждой его осеняя, и брала в руки его ладонь правой руки, распрямляла и говорила:

– Когда ты родился, рядом женщины вскрикнули. Затем вошёл твой отец, и он также был как-то изумлён. Когда тебе разжали кулачок, у тебя на ладони был спёкшийся сгусток крови. И думаю всегда, неужто какой-то знак от Вечного Синего Неба...

– Я знаю, мне говорил отец... – и также присматривался к чистой ладони, стараясь увидеть ли, вообразить сгусток спёкшейся крови.

Мать, о мать! Она не знает, не видит, как на первенца её надета деревянная колодка, что он в эти знойные дни не мог самостоятельно даже воды испить, муху с лица согнать. Она не видела его в эти дни, сына своего, первенца своего, обращённого в рабство. Нет, при встрече, а будет ли встреча, не скажет, ни разу не обмолвится словом, что был в рабстве, и на последнего раба не наденут кангу – деревянную колодку, а на его шею воздели за то, что не упал, не пригнулся. Да, его пытались, как следует, пригнуть к земле и за то, что от его взгляда и конь взбрыкнет судорогой, и змея свернёт, уползёт. И как-то слышал однажды опять же разговор про его сгусток спёкшейся крови на ладони.

Тело его совсем уж окоченело в холодной воде, но потерпеть, выждать. Уж какая светлость детства. Никак не сцепить памятью. Но..., будто озарение некое, и память выставила ясно отчётливо тот день...

С самых малых лет сполна счастливое детство, что и может выпасть мальчику степей, ибо рождён он сыном, первенцем вождя племени тайчиут рода борджигин, самого Есуге-багатура. Какого ещё счастья пожелать, когда оно само по себе подарено тебе с рождения повелением Вечного Синего Неба. Озарением память выдаёт напоенный безмерной радостью и полным

счастьем тот самый день, что держал он в себе, в своём сердце, ныне боясь вспоминать, вынуть из кладовой памяти.

Вдвоём, отец и сын, вышли в открытую степь, что была тогда всегда приветлива к нему. Багряно-красное зарево заката было красиво, что, казалось, от лучей огромно красного шара и травы озарились в красный цвет.

– Завтра мы поедem с тобой в земли племени унгират. Так мы с твоей матерью решили. Я часто с ней советуясь.

– Зачем?

– Искать тебе невесту в этом племени.

Казалось, не будет предела расширенным глазам его от удивления неожиданного, но понимал он, понимал в свои девять лет.

– А где она, эта земля племени унгират? – спросил он первым делом тогда.

– Там, – показал отец рукой туда, где и могла найтись для него невеста.

– А что тогда там? – показывал он в свою очередь на закат, на уходящий диск.

– Там земли найманов, кэрэитов.

– А там? – указал он на север.

– Баргуджин-Тукум.

– А там? – рука непроизвольно указала не строго на восток, а на юго-восток.

– Там земля наших врагов, земля империи Цзинь. Них говорили тогда, что они казнили нашего предка Амбагай-хана, приколотив руки к деревянному ослу.

– Про них.

– Мы должны им отомстить по закону степей. Так положено. Все так говорят, что месть превыше всего.

– Знаешь, сынок. Мы не достаточно набрали сил, чтобы отомстить за предка. Империя Алтан-хана, империя Цзинь – могущественная империя, и смотрит свысока на племена степей, считая нас просто горстью песка перед огромным морем.

– Это так и есть?

– Так и есть. Но не в этом ещё наша беда.

– В чём?

– Междоусобная вражда племён, говорящих на языке степи. Вот эта разобщённость.

– Всегда так было?

– Доводилось слышать мне от стариков – были славные времена.

– Одной ордой поднимались с наших степей бесстрашные воины. И пошли они на запад в земли предзакатного солнца...

– Туда, где кэрэиты и найманы?

– Дальше, намного дальше, к последнему морю.

– Не знаю. Но говорят, что многие народы потревожили тогда, что поднялись они на великое переселение.

– И кто они были?

– Они называли себя хунн, хуннуд.

– Человек? Люди? Так мы же все люди. Тайчиуты, и эти кэрэиты, найманы, и эти унгират, куда мы собираемся.

– Ну вот, они так себя называли. Хочу я верить, что проснётся степь наша когда-нибудь, как в те славные времена, и встрепенётся на зависть тем, кто смотрит на нас, задираясь с орлиной высоты. И увидит Вечное Синее Небо настоящего орла. Смогу ли я на такое или нет, но есть у меня надежда на тебя.

– Почему я?

– Ты родился, когда я победил воинственное племя татар. И был среди них сильный воин. Я взял его в плен. И я назвал тебя, нашего первенца его именем Темучин, ибо от имени

сильного воина и сила его, и слава его переходит к тому, кто понесёт его имя. Но не только имя вселяет в меня надежду.

– А что ещё?

– Когда ты родился, я увидел, все увидели в твоей ладони сгусток крови, твёрдый, как камень. Сколько рождается в степи, но такого никогда не было, никогда. И знаешь что это?

– Что?

– Знак Вечного Синего Неба.

В тот год, спустя совсем немного времени, отца не стало. И наступило лихолетье.

Тело его, привыкшее к холодам, как и к знойной жаре, коченело в холодной воде в ожидании, когда удалятся от этого места преследователи, подобные неотступным волкам за обречённой добычей удалятся, как можно, дальше от этого места. Пока слышны их голоса чуть в отдалении.

И вдруг будто и заиндевевшей кожей, и сердцем пылкого ли юноши, что как-то утих погружённым в холодную воду, и разумом ли, пытающимся удержать то светлое мгновение детства, но почувствовал на себе что-то такое. Да, этого он сейчас в пике заострённого мига своей пока совсем юной жизни, когда и жизнь, и свобода пока порывом беглеца висит на тонком волоске. То был взгляд, зорко пронизывающий внимательный взгляд. Вот она – сила Зла! Но, неужто, совсем от него, от его семьи отвернулось Вечное Синее Небо?!

Над обрывом берега речушки, впадающей в Онон, в темени густых сумерек стоял человек, заметивший беглеца, так и выразились глаза остротой пристальности...

2

«Возможно ли, что мы переживаем «сумерки Западного мира», наступление которых возвестил немецкий философ Освальд Шпенглер?

Может ли стать, что Европа будет низведена к роли небольшого мыса огромного Азиатского материка, как вопрошал себя недавно французский поэт Поль Валери?

Нам скажут, что это химера. Однако я сейчас скажу, что уже был такой момент, когда Запад был покорён политическим и военным гением, о существовании которого он и не подозревал», – французский военный историк, подполковник Рэнк. «Паназиатизм в XIII веке при Чингисхане и его полководцах».

«Семьсот лет тому назад один человек завоевал почти весь известный мир.

...Он исполнил человечество ужасом, продолжавшимся в течение многих поколений.

...Чингис-хан был завоевателем более крупного масштаба, чем все известные деятели на европейской арене. Его нельзя мерить общим аршином. Переходы его армии измеряются не вёрстами, а градусами широты и долготы.

...такое нагромождение ошеломляющих событий могло быть уделом рук только сверхъестественного существа.

...казалось, что доподлинно наступил конец света.

...страшные монгольские владыки после смерти Чингис-хана пронесли над Западной Европой.

...В церквах пели молебны об избавлении от ярости монголов. Кочевник, круг занятий которого исчерпывался охотой и пастьбой скота, сокрушил могущество трёх империй,

...никогда не выдавший городской жизни и незнакомый с письменами, составил кодекс законов для пятидесяти народов», – немецкий востоковед, профессор Гейдельбергского и Гёттингенского университетов Краузе Фридрих Эрнст Август. «Cingis Han. Die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen – Чингис-хан. История его жизни по китайским государственным летописям». Гейдельберг 1922 г.

«От начала мира варвары никогда не были столько сильны, как ныне монголы. Уничтожают царства подобно как былинку исторгают! До толикой степени возвысилось могущество их», – русский путешественник, учёный, востоковед, китаевед (впервые в мировой синологии указавший важность китайских источников для изучения всемирной истории), трёхкратный обладатель полной Демидовской премии (1835, 1839 и 1849 годов) и одной половинной (1841), член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук Иакинф (Бичурин Никита Сергеевич). Годы жизни 29 августа 1777 – 11 мая 1853 по календарю григорианскому. «История первых четырёх ханов из дома Чингисова». Санкт-Петербург. 1829 г.

«За двадцать пять лет армия монголов покорила больше царств и народов, чем Римская империя за четыре столетия. Чингисхан со своими сыновьями и внуками подчинили себе самые густонаселённые страны тринадцатого века.

Чингисхан более чем вдвое превосходит любого другого завоевателя в истории. Кони монгольских воинов пили из каждой реки и озера от побережья Тихого океана до Средиземного моря», – профессор антропологии Джек Макайвер Уэзерфорд «Чингисхан и рождение современного мира».

Ядвига Силезская, урождённая Гедвига Диссен Меранская – баварская графиня Андекской династии, ныне княгиня Силезии молча, в тревожных раздумьях прохаживалась по огромному залу рыцарского замка, что явственно отличалась от всех остальных замков Лигницы своими размерами, основательной монументальностью, этакой прочностью, что выражалось массивностью стен, в которых ступенчатые порталы да узкие проёмы окон едва давали пробиваться просторному свету. Было, отчего встревожиться да надолго.

Силезия, как и вся Польша, да и соседствующие земли Священной Римской империи германской нации, равно как и её родная Бавария, не знавала таких уж больших войн. В давно давние времена романтической античности на эти земли никогда не ступали ноги солдат римских легионов, что, прежде чем вымостить удобные римские дороги, овеванные вечностью, проходили через новые для великой империи земли всегда с огнём да мечом. Однако, воинственность да самоотверженность германских племён, этих диких варваров не позволила просвещённым римлянам продвинуться в земли, прилежащие к востоку от земли тех же воинственных варваров, каковыми были галлы – предки ныне ох как поднявшейся, взлетевшей, расцветшей империи франков.

Да, в землях Силезии, как равно и по всей Европе, то и дело вспыхивали такие, мелкие междоусобные войны, в которых оттачивались боевая выучка, военное мастерство рыцарей, и, конечно же, высокая аристократичность рыцарского духа. Но, то мелкие войны, никак не сподобленные сокрушительному смерчу. Но что, же, творится ныне? Неужто сбываются самые мрачные предсказания иных оракулов о неизбежном пришествии антихриста, что, явившись из ада, взял, да направил на земли старой доброй Европы своих кровожадно алчных воинов из бездны неведомой Азии.

Такого нашествия Польша никогда не знала, не испытывала. Сравнимо ли было это с нашествием орд саранчи или с бушеванием неукротимосметающего урагана. Всё было непривычно, незнакомо населению, видевшему, знающему рыцарский строй, тактику. Конница пришельцев с Азии сновала везде и повсюду, да так, что будто известны ей все потайные тропы. Да, тактика этого воинства была нова, незнакома напоминанием орлиного ли полёта, его стремительности нападения на какую-либо живность, зазевавшуюся в поле, как взметнувшимся камнем полёта до самой, самой земли, ибо также стремительно быстра, легка, летуча была эта конница азиатов – монгольская конница. И впору было заговорить о пришествии воинов Антихриста, о наступлении конца света. Ибо города-крепости, крепостные замки брались, захватывались

легко руками побеждённого населения, сзади понукаемого вот этими воинами сатаны. Такого ещё с расцвета и упадка Римской империи никогда не видывали в Европе. Сумрак надвигался над белым светом. Доводом к такому рассуждению, приближённом к панике, послужило взятие и сожжение сильно крепкого города-крепости Кракова. Но знать бы им и одну деталь, что такие слухи о конце света усиленно питались некими источниками, к каковым причислялись монгольские разведчики-юртаджи со знанием языков, да обычаев местного населения, с успехом применявшие такой приём в землях азиатской империи Хорезм ещё за двадцать лет до этих мрачных событий, что нависали, сгущались чёрной тучей до самой Западной Европы.

Некогда баварская графиня, отныне же княгиня Ядвига Силезская волновалась помимо раздумий о конце света думала в эти дни более всего о своём сыне, князе Генрихе Втором Благочестивом, ушедшем за подмогой в германские земли к рыцарству Тевтонского ордена. Мать многих своих детей, рождённых от высокородного князя Генриха Первого Бородатого, что к счастью ли его, не дожил до сумрачных дней, овеванных печатями беспросветной тоски да печали в волновалась за этого сына, гордости её, сполна унаследовавшему высокий титул отца.

Тем временем сын её – князь Генрих Благочестивый, как можно быстро спешно, пробираясь по неказистым дорогам (далеко не мощённые дороги Римской империи) посреди девственно густых лесов германской земли. Он заранее отправил гонцов в земли франков к самому Арману де Перигору – великому магистру рыцарского ордена тамплиеров. Эти некогда самые воинственные рыцари, после того как 4 июля 1187 года от Рождества Христова потерпели поражение на Святой земле от Саладина, как уважительно до сих пор отзываются в Европе об этом султани Египта, Сирии и других арабских земель – талантливом полководце сарацинов. Да, было так, что с Саладином за его отвагу и благородство был дружен сам король Англии Ричард Львиное Сердце. После того поражения занялись тамплиеры успешно торговлей да более финансовыми услугами, таким ремеслом ростовщичества, что повелось ещё с тех античных времён в самой Великой Греции – Элладе, колыбели высоких культур и такой же ступени философии. Отправляя гонцов к Великому Магистру ордена тамплиеров он, прежде всего, уповал на истинный дух рыцарского братства перед угрозой неведомых воинов, однако ль, и воинов самого Антихриста, но и, между делом, не преминул намекнуть о кое-какой денежной составляющей в качестве вознаграждения. Сам же собственной персоной да отправился в германские земли братства рыцарей ордена Тевтонского.

Ему несомненно нужна была поддержка, непосредственно идущая из города Эшенбах земли Бавария – родины его матери ныне, как пятьдесят четыре года, польской княгини Ядвиги Силезской, тогда уж непременно поднимутся и все до единого тевтонские рыцари, обосновавшиеся в землях Польши на правом берегу Вислы.

Далеко на юге едва приметно очертились заснеженные пики альпийских гор. Вовсю зазеленело в начале марта в речных долинах, равнины и леса преобразились от совсем короткой зимней спячки, вовсю набухали синим окрасом первые подснежники, дабу далее уступить всей многообразной пестроте цветов да трав этой изумительной земли, которую он узнавал, ибо когда-то в далёкой юности пришлось ему навестить, побывать на родине предков по материнской линии. То была, начиналась земля Баварии...

«И вдруг всё изменилось в тридцатых годах XII в. У монголов появились и богатыри, и руководители куреней, и талантливый вождь – Хабул-хан. Сначала активных людей было мало, но число их росло, и к концу века Монголия превратилась в котёл, кипящий страстями.

И как только пассионарность возросла до оптимума, монгольские женщины перестали пополнять гаремы чжурчженьских вельмож и китайских богатеев, а монгольские мальчишки – гнуть спину на рисовых плантациях Шаньдуна и Хэнани. Появилась позитивная сила, спас-

шая этнос монголов от гибели. Так начался новый пассионарный взрыв, новый зигзаг истории в Великой степи», – советский и российский учёный, археолог, географ, историк. писатель Гумилёв Лев Николаевич(дворянского происхождения, сын поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилёва). «Тысячелетие вокруг Каспия».

«Монголы сами четко отделяли себя от тюрков и татар. Они возводят свою генеалогию к гуннам, которые основали первую большую степную империю в третьем веке. «Хун» – монгольское слово, обозначающее человека, а своих предков они зовут «хун-ну» – народ солнца. В IV–V вв. гунны вышли из монгольских степей и покорили множество стран от Индии до Рима, но не смогли сохранить связи между разными кланами и были быстро ассимилированы завоеванными народами», – профессор антропологии Джеки Уэзерфорд «Чингисхан и рождение современного мира».

Дым от затухающего костра в степи в безветренной ночной тишине протянулся прямо ввысь в черноту звёздного неба, что обернётся днём вечной синевой. Долгий разговор, кажется, уже подходил к концу. Старый вождь племени унгират Дэй-сэцен лишь поворошил головешками, отчего они на время озарились яркими огнями и не более того.

– Сорок два года назад уехал обратно домой мой сват, оставляя у меня своего девятилетнего первенца Темучина, сосватав его за мою несравненно любимую дочь Борте. Кто бы мог подумать, что его дорога домой и есть его последний путь. А ведь дорога лежала через земли племени татар, его злейших врагов. И как ни старался проскользнуть незаметно, но встретил он тогда нескольких из этого племени, задумавших обед в степи. Конечно, как и положено, по обычаям степей, спешиться ему с коня, да отобедать с ними. Но кто бы мог подумать, что может быть такое вероломство. Отобедал с ними и поскакал дальше своей дорогой всадник совсем мирных устремлений, что были у бесстрашного воина в те дни. И занемог на коне. Так и добрался до своей земли, до порога родной юрты на пороге смерти. Но успел сообщить про такое коварное злодеяние. Не погиб он от стрелы или сабли, а умер отравленный врагами. Конечно, и тебе придётся ехать через эти земли, но ты не встретишь там никаких врагов, никаких воинов. Совсем другие времена теперь. Единая властная рука простирается над степями, прекращая всякие племенные междоусобные войны. Сам знаешь – заслуга моего несравненного зятя в этом великом деле всех степей. Там на истоке реки Онон состоится необычный по величию Курултай. Там собираются вожди и знать степных племён. Там будут все командиры его нового войска, которого по мощи и непобедимости и не видела никогда необозримая степь. Будь там представителем унгират. И если надо, послужи великому хану то ли верным воином, то ли ещё кем-то на любой должности, – говорил тихо старый вождь унгират своему племяннику Жаргалтэ, двоюродному брату его дочери Борте, пока уж единственной жене будущего хана всех степей, (когда это было видано) освещаемый огнём ночного костра.

– Я, как можно, с достоинством пронесу эту великую честь, оказанную мне, – говорил с нескрываемым волнением совсем уж молодой человек, что и не приходилось сомневаться, с какой трепетно дрожащей ответственностью пронесёт он эту весьма почётную миссию, вот так и свалившуюся на его молодые плечи.

На следующий день, после того как старый вождь Дэй-сэцен, огласил перед всеми вот такое решение, он отправился вместе с двумя нукерами в те края истока Онона, где и состоится Курултай, небывалый курултай для всех степей. Потому и распирала неимоверно гордость от этого.

Полдня верховой езды и они достигли земли племени татар, что в данные времена едва принадлежала этому племени в виду их полного поражения. Поэтому опасений не было никаких, да и племя унгиратов не враждовало с ними, как некогда Есугей, отец Темучина, а позже

и сам Темучин. Да и перевелись нынче вольные всадники «длинной воли», шатавшиеся по степи, где попало и как попало. Все нынче под властной рукой одного человека, которого и возведут на курултае единым ханом всех степных и лесных племён. Когда такое было?

Потому и не выразил он никакого беспокойства, когда вдалеке, из-за округлой горы навстречу показались всадники, которых насчитал зорким взглядом порядка десяти человек. Приглядевшись внимательно, он не мог не заметить среди них одного странного всадника, который скакал не сам по себе. И заключалась вот эта странность в том, что у этого всадника была повязка на глазах, а руки связаны за спиной. Пока догадки выстраивались в какой-нибудь порядок, всадники были уже рядом, совсем рядом.

– Сайн-байна, – приветствовал его тот, кто выдвинулся вперёд всех. – Куда путь держите?

То был дородный мужчина в самом расцвете сил. И видать, главенствовал он среди них, потому как остальные и не спешили открывать рты и кланяться в должном приветствии по негласным обычаям степных просторов.

– Сайн-байна, добрые люди. Я и мои нукеры спешим на Курултай, что состоится у истока реки Онон. А вы куда путь держите, добрые люди, – в ответ приветствовал и он, успев заметить, что при словах Курултай, пробежала по лицам их слегка тревожная рябь.

– Какие там добрые люди. Жалкие конокрады. Вон позади мои лошади, – за всех ответил вот этот всадник с повязкой на глазах, в голосе которого так и просквозила сама дерзость.

И вправду из-за лысеющей горы показались лошади и два погонщика вслед за ними. Удар кнутом по спине этому связанному всаднику стало ещё одним подтверждением тому, что происходило когда-то повсеместно по степным просторам, но было пресечено недавно, кажется, под корень самим Темучином. Но неужели остался кто-то, кто пренебрёг таким правилом великого воина, слава о непобедимости которого всеильным ветром разносится по всем степным просторам. И это стоит удивления.

– Убить их, и нет свидетелей, – выкрикнул какой-то удалец из-за спин передовых всадников, что он и не высмотрел его лица.

– Убить всегда успеем. На трёх рабов больше, больше выгоды, – тут же выкрикнул тот самый передовой, что и вправду явился таким главенствующим среди этих степных шакалов.

Вмиг были накинута на них арканы, а затем и связаны их руки позади спины. Двоим его нукерам были уже повязаны глаза. Несмотря на все его уговоры, объяснения и проклятия, собирались было повязать и ему глаза, но замешкались немного в поисках повязки, которого и не оказалось под рукой.

– Да, ладно, – усмехаясь, говорил предводитель, – и так у него руки связаны. Никуда не денется. Что ж воздадим почёт этому племяннику самого вождя унгиратов. Видишь, как уважаем твоё знатное происхождение.

Дружный смех негодяев прокатился громко по пустынной степи, где и не найдётся ни одного свидетеля этого события, сравнимого со всякой гнусностью.

Изменился их маршрут совсем не в сторону Онона. Неизвестные края замаячили унылой перспективой. И пошли долгие утомительные часы неволи, в которой впервые оказался Жаргалтэ, совсем недавно пребывавшим вполне счастливым человеком. Ох, как переменчива судьба!

Справа, далеко на западе красным заревом поклонился на закат огромный шар, предвещающий в скором времени сумерки, предвестников чёрной ночи. Захватившие в рабство спешили, не сделав ни одного перевала, в сторону, что была далеко слева от заката, на юго-восток. «В Цзиньскую империю. Где-то на границе продадут их чжурчженям, и всё тогда, пропал песчинкой в океане великой империи. А как был счастлив утром одним только тем, что едет от унгиратов на этот необычный курултай. А сейчас совсем как барашек беспомощный», – мысли тоски совсем заволокли несчастную голову. «Нет, всё же, не буду я барашком на закланье. Чтобы тянуть тяжёлый воз раба? Да ни за что. Как только при продаже развяжут руки, возьму

всё, что попадётся под руки и буду биться насмерть. Так намного лучше. Скорей героем попаду в просторы Вечного Синего Неба, чем жалким рабом», – потеснили совсем уж пропащие думы мысли от истинных глубин благородного духа.

И жизнь показалась ему намного веселее от сознания того, что предстанет он там, где всегда ждут, в самом, что ни на есть, должном виде. Ох, и покажет он всем на самом конце своего пути под Вечным небом.

Огромный шар уже исчез за горизонт, и сумерки приготовились потеснить остатки света, когда на вершине невысокого лысого холма показался одинокий всадник. Почему один? А он, заметив их, приостановил коня, дабы подождать их. Ещё один будущий раб.

– Предупредишь его, убью твоих нукеров, – будто предвосхищая нежелательный оборот, предупредил его предводитель вольных всадников, уподобленных ветрам степным.

Время неспешно сокращало расстояние между ними и этим одиноким всадником. Остановились тогда, когда кони вольных всадников в два прыжка достанут того, кто и повстречался им навстречу на этом гребне света и нарастающих сумерек.

– Все едут на курултай, а вы куда собрались негодники. Как вижу, повели кого-то продавать в земли наших извечных врагов? – без никакого приветствия, с весьма грозным оттенком, говорил первым этот таинственно одинокий всадник в степи, что немного опешили вольные всадники.

– Кто ж ты такой, оседлавший коня дерзости? Хочешь составить им компанию? – отвечал в том же духе главенствующий, всё же, быстро пришедший в себя, указывая на связанных Жаргалтэ, двоих его нукеров, и этого незнакомого парня, захваченного немного ранее.

– Я – Джиргуадай. А вы кто такие, шатающиеся по тёмным делам? – дерзость и грозный тон продолжали нарастать от этого одинокого всадника.

– Какой там Джиргуадай? – будто удивлённо продолжал спрашивать главенствующий, видать не до конца оправившийся от этого потока, навеваемого одиноким всадником.

– Джиргуадай, скачи прочь. Перед тобой жалкие конокрады. Как только развяжутся мои руки, я непременно возьму с собой одного из них в просторы Вечного Неба! – прокричал этот парень в повязке на глазах, захваченный ранее Жаргалтэ и его нукеров.

Ох, и не один оказывается он в думах своих, и этот парень уж давно оседлал коня бесстрашия. Но вольные всадники не слишком стали напрягать внимание на него, тогда как взгляды их были устремлены на того, кто продолжал оставаться на свободе, ведя самый дерзкий образ поведения. И это стоило размышлений.

– Я знал, что вот это моё имя ничего не скажет вам, воздевшим пустые головы, хотя, кто-то из вас в скором времени и лишится его. Я – Джэбе! И это имя дал мне хан всех степных и лесных племён – Темучин, посланник Вечного Синего Неба.

Настоящий гром разразился в сумеречной степи, хотя и не было чёрных туч. Опешили, огорошенные внезапным страхом всадники, уподобленные вольным ветрам. Ну как не знать в степях героев всесильного хана всех степей, этого непобедимого воина от Вечного Синего Неба.

Наконец-то постарался прийти в себя этот главный, видя совсем плохую перспективу, от которой невольно и раззудилась шея, не желающая расстаться с отчаянной башкой, что и весь холод по мерзкому сердцу, и от спины до самых пят.

– Он один. Пустите стрелы в него, – выкрикнул он в диком отчаянии, что остальные будто и встrepенулись немного.

За первым громом последует и второй. Джэбе, слава которого также проносилась ветром по степи, поднял правую руку с открытой ладонью. И этого было достаточно – на вершине лысеющего холма вмиг образовались всадники, которых ни за что не сосчитать одним лишь взглядом. Какое там стрелять, так и онемели руки вольных конокрадов, и не больше того. Так

всё, будто взмахом сабли, перевернулось в этом мире. Торжество души отразилось в глазах Жаргалтэ, равно как в усмешке этого неизвестного парня с повязкой на глазах.

Через мгновения за спиной Джэбе гарцевала лёгкая конница, что будто ветром образовалась в сумеречной степи.

– Этого казнить, – говорил Джэбе, указывая на главенствующего вольной шайки, (мгновенно аркан встрепенулся на шее после этого приказа и свалил того с седла) может, самой последней шайки конокрадов и всяких вольных устремлений, ибо наступала совсем другая эпоха, эпоха железной дисциплины совершенно нового государственного образования, где и не будет воли вольных устремлений, но великая эпоха. – Его парней собрать в одном месте. Их развязать. Кто такие?

Так закончилась маленькая эпопея последней банды вольных конокрадов степей. Так закончилась большая эпопея «длинной воли».

– Моё имя – Жаргалтэ. Являюсь племянником вождя унгиратов Дэй-Сэчена, двоюродным братом Бортэ, жены Тэмучина. Я и со мной два нукера направляемся на Курултай у истоков Онона.

– А ты кто, откуда и куда? – спрашивал Джэбе вот этого парня, видать, однако, дерзкого парня, что и с завязанными глазами успел предупредить его об опасности, которая истинно не могла ходить рядом с Джэбе в этой сумеречной степи, да разве что, стрела шальная от безрассудной руки могла угодить в него.

– Я из Баргуджин-Тукум. (Все удивлённо переглянулись при упоминании этого края) Из племени хори. Лошади мои оказались в степи. Я отправился за ними, – говорил весьма спокойно этот парень лесного племени.

– Далеко же ты оказался. Это твои лошади?

– Мои. Достались от отца и матери.

– Если достались, значит...

– Умерли.

И вновь поменялся маршрут, на этот раз в верном направлении. Ночью расположились там, где и остановились. Спали, прислонившись к тёплому брюху коней. А что ещё надо степняку?

С утра двинулись дальше. Жаргалтэ обернулся вокруг, дабы разглядеть вчерашних любителей вольницы. Но не увидел их. Растворились посреди лёгкой конницы Джэбе. Но этот парень из северных краёв скакал неподалёку. Хотел было поговорить с ним, но кони взяли ускоренный марш. Что ж, поговорит потом.

На исходе дня кони по приказу остановились.

– Вас зовёт Джэбе, – выразил такое требование подскакавший воин.

Командир тумена, выделившись, стоял впереди марша, в некотором отдалении, взором устремившись вперёд. И не шелохнулся, и конь под ним не шелохнулся, не повернулся, когда они затормозили резко за его спиной, что кони вздыбились слегка.

Молчание продолжалось. Да и Жаргалтэ с двумя нукерами, и этот парень из Баргуджин-Тукум не спешили выражать нетерпение перед освободителем. Наконец, он обернулся и заговорил, окинув взглядом:

– Тебя и твоих нукеров завтра представлю хану Темучину. Как встретишься с его женой Борте, твоей двоюродной сестрой – это не моё дело. Всё. Ступайте.

Все они обернулись и направились по своим местам. И этот из лесного племени тоже.

– Эй, парень! А тебя я не отпускал. Остановись! – обратился он к этому парню из Баргуджин-Тукум.

Жаргалтэ, да и нукеры его, чуть притормозили ход скакунов, дабы любопытным слухом уловить слова прославленного воина.

– Как зовут тебя, парень? – спрашивал Джэбе.

– Баяр-Туяа.
– Тебя ждут дома?
– Не могу сказать точно.
– Ты предупредил меня об опасности, не боясь за свою жизнь. Я всегда помню добро, как и мой хан Темучин. Будешь воином моего тумена?
– Я почту за честь послужить моему освободителю! – в голосе юноши с севера так и прозвучали заливисто и радостно нотки некогда бравых парней «длинной воли».
Не зная почему, но обрадовался Жаргалтэ за этого парня. И нукеры тоже.
Перед сумерками показалась с округлого холма синева изгибающей лентой, что и может представлять собой река в степи. Это и есть Онон.

3

«Средневековые хроники склоняются к вере в сатанинскую силу, вселившуюся в монголов и нашедшую выход в Европе», – американский сценарист, писатель, историк Гарольд Лэмб. «Чингис-хан. Император всего человечества». Лондон. 1928 г.

«Впечатление, произведённое на Европу «татарами», как называли монголов её народы, было ужасно. Нашествие их было относимо к величайшим бедствиям, когда-либо постигавшим человеческий род. У MatieuParis есть трогательный рассказ о том, с какой чисто христианской покорностью некоторые из западных владык готовы были принять это наказание свыше. ...В Париже, как и по всем городам Европы, служили молебны об отвращении страшной опасности. В 1245 г. папа Иннокентий IV собрал совещание в Лионе, где было решено послать монгольскому императору посольство во главе с 65-летним монахом Плано Карпини. ...» – калмыцкий общественный деятель, доктор Эренжен Хара-Даван. Годы жизни 1883 – 17 ноября 1941 по календарю григорианскому. «Чингис-хан. Как полководец и его наследие». Белград. 1926 г.

«Когда сей ужасный поток гнева Господня господствовал над нами, – королева Бланш (мать короля Франции) вскричала, слушая эти новости: «Король Людовик, сын мой, где вы?» Он подойдя, спросил: «Мать моя, что вам угодно?» Тогда она, испуская глубокие вздохи и разражаясь потоками слёз, сказала ему в рассуждении опасности сей как женщина, но с решительностью незаурядной дамы: «Что же делать, сын мой, при сем ужасном обстоятельстве, невыносимый шум от которого доносится до нас? Мы все, как и святая блаженная церковь, осуждены на общую погибель от сих татар!» На эти слова король ответил печально, но не без божественного вдохновения: «Небесное утешение поддерживает нас! Ибо, если эти татары, как они себя именуют, дойдут до нас, или мы пойдём за ними в те места, где они живут, то всё равно пойдём на небеса». Таким образом, он сказал: «Побьём ли мы их или сами будем побиты ими, мы всё равно пойдём к Богу, как верующие ли, как мученики». И замечательное слово это ободрило и воодушевило не только дворян Франции, но и простых горожан всех городов», – русский путешественник, специалист по географической истории Грум-Гржимайло Григорий Ефимович. (17 февраля 1860, Санкт-Петербург – 3 марта 1936. Ленинград. Похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища). «Западная Монголия и Урянхайский край». Ленинград. 1927 г.

«Не имея ни малейшего представления о том, где должны лежать пределы их господства, монголы не сомневались в том, что весь мир, в конце концов, признает их власть», – британский историк Джон Мэн «Секреты лидерства Чингисхана».

Он не застал Шестого Великого магистра Герхарда фон Мальберга, отбывшего в замок Монфор в Верхней Галилее – резиденции великих магистров Тевтонского ордена в палестинском направлении, что к северу от земли Израиля возвысился мощью крепостных стен. Ему доложили, что взял он с собой кое-какие архивы, но и без сокровищ ордена не обошлось. Ох, долог путь до Галилеи, до Ливана, до долины Иорданской.

В небольшом городке Вольфрамс-Эшенбах отвели Генриха Благочестивого в этакое неказистое трёхэтажное здание Германского Тевтонского ордена, уж далеко не величественный замок Монфор, да и замок Мариенбург, как и замок Кёнигсберг, что возведены будут орденом за неведомым изгибом будущего, что так упрятан от разума пытливого. Ох, как величественны будут эти первые замки стилем готики! Но какие могут быть думы о будущем, когда отныне в эти дни вступили ох мрачно тяжёлые времена, вот-вот промчится, уже мчится смерчем по Европе неведомое воинство, неся с собой кончину света, не это ли воинство направил сам Антихрист, возвестив о своём кровавом пришествии, напуская мрак идущего конца света.

За переговорным столом его встречали двое из благородных происхождений, обладатели многих доблестных качеств – то были барон Карл-Хайнц Прозорливый и рыцарь Конрад Доблестный. И если рыцарь более был отмечен печатью некоего угрюмого молчания, то барон, напротив, оказался говорлив, словоохотлив. Конечно же, принимающая сторона была хорошо осведомлена, кто прибыл, кто перед ним восседает за весьма массивным дубовым столом. А как же, мать польского князя сама из этих благоприятных долин земли Баварии – славная дочь Андекской династии, что являлась родственницей многим правящим семьям в Европе: в Чехии, в Моравии, в Богемии и особенно во Франции, что делало её сына – князя Генриха Благочестивого в глазах остальных такой же весьма влиятельной фигурой. Да и отец его именем Генрих Первый Бородатый – князь великопольский также пользовался в Европе славной репутацией.

– Знаком искренности уважения просим Вас, князь всегда высокой благой чести, отве-
дать, разделить с нами скромную трапезу, – говорил учтиво словоохотливый барон, тогда как угрюмый ли рыцарь продолжал хранить молчание, что, однако, украшало его как, именно, германского воина высокой доблести, как знал про это польский князь.

Тем временем на широкий дубовый стол обслуга подавала хлеб из пшеницы, нежное телячье мясо, на огне вертелом закопчённого поросёнка, да и мясо птицы, всё приправленное специями из восточных стран, в жарком виде. Да, такая обильная еда поднеслась, весьма кстати, после такого спешного перехода из Силезии в баварские земли ради одной цели, какой явилась просьба за подмогой. И вино подалось в больших кубках, что глотнув, польский князь тут же оценил высоко: «О, славно благородное вино из Бургундии...»

За столом, в котором во время, однако, обильной трапезы, едва ль разбавленной редким разговором, не преминул спросить более говорливый, несмотря на это обозначенный эдакой мудрой прозорливостью об истинной цели такого уж редкого визита, вопросом, в котором более проявилось нетерпеливое любопытство, нежели скромность означенного этикета. Польский князь, не откладывая в долгий ящик, отвечал, призвав не красноречие, скорей, пылкость сердца сложившимся трагическим обстоятельством, что касательно не только земли польской, силезской, но и всей Европы:

– Никогда наш благородный мир не видывал такой войны, опустошительной войны, будто пришествие конца света, более не скажешь о том, что сотворилось в восточных границах.

– И как понимаю, тебе нужна подмога, – вставил слово дотол молчавший рыцарь Конрад Бесстрашный.

– Да, мне нужна помощь всей Европы, если так могу выразиться, ибо перед всеми нами общий враг, неведомый враг.

– Так уж неведом, хотя, Вы – князь высокой благой чести, отчасти правы, что можем сказать об этом враге, но заговорили будто, мол, они и есть воинство Антихриста, сошедшего с

небес для ниспослания всем нам конца света, – опять говорил барон, слова его будто покрыты вуалью тревожности.

– Я спешно направлялся к вам в земли баварские, но в один миг показалось мне, что висит на моём плече чей-то остро внимающий взгляд, что словно ужалил меня, будто чья-то пара зорких глаз проследила весь путь...

– Свита прочувствовала это? – барон также оставался тем же тревожным, ибо прослышан был о некоем качестве этого польского князя таким оракулом улавливать, предчувствовать некую неведомость, даже возможно, исходящую из будущего, говорили, что у него для этого на его теле даже какая-то печать свыше.

– Я спросил у своих слуг про это, нет, им неведом был чей-то следящий взгляд, но на мне так и продолжает висеть этот заострённый взгляд от неизвестного обладателя. И скажу ещё одно, у меня такое чувство, даже знаю я, может каким-то наитием, но ведаю, что они знают всё про нас, но мы так и остаёмся в неведомости, кто, же, перед нами. Неужто, они и есть дьяволы из преисподней?

Тягостное молчание воцарилось за столом. Да, не каждый день подумаешь, рассуждаешь о пришествии Антихриста, о неизбежности конца света. Через какое-то время и вымолвил слово, однако, с твёрдостью голоса изрёк всегда ль молчаливый рыцарь Конрад Доблестный слова, что и выразили торжественную решимость, что ранее было редко слышимо от него:

– Мы – рыцари доблестного ордена Тевтонского последуем, строим единым встанем на защиту земли польской и не только, кто бы, не стоял против нас, да последуют за нами рыцари Европы. Да вдохновит нас отныне общее знамя за наше право жизни, свободы под солнцем.

«Компетентный учёный не преминет поразиться «зловещей личности Чингисхана, в конечном счёте мы могли бы объяснить не более, чем гениальность Шекспира». ...человек, поднявший монголов от уровня никому неизвестного племени до властителей мира. Мы не можем оценивать его по меркам современной цивилизации. Мы должны рассматривать его согласно воззрениям сурового мира степей, населённого охотниками, кочевниками, скачущими на лошадях и использующими как средство транспорта оленей.

Темучин научился избегать засад и прорываться сквозь цепи воинов, устраивающих на него облавы. За ним охотились, и с каждым разом он становился хитрее. Очевидно, что второй раз он пойман не был», – американский сценарист, писатель, историк Гарольд Лэмб. «Чингис-хан. Император человечества». Лондон. 1928 г.

«Охотники его, тронутые таковым гостеприимством, говорили между собою: «Тайчиут хотя в родстве с нами, но часто отбивает у нас телят с лошадьми и отнимает съестные запасы, он не имеет качеств, свойственных владетелю. Темуджин, напротив, подлинно обладает качествами, свойственными владетелю». ...

В это время слава подвигов Чингисхановых день ото дня возрастала, между тем, как колено Тайчиут страдало от несправедливости своего владетеля. Оно восхищалось, видя, что Чингисхан был милостив, человеколюбив и временами дарил своих людей шубами и лошадьми», – русский путешественник, учёный, востоковед, китаевед (впервые в мировой синологии указавший важность китайских источников для изучения всемирной истории), трёхкратный обладатель полной Демидовской премии (1835, 1839 и 1849 годов) и одной половинной (1841), член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук Иак-инф (Бичурин Никита Яковлевич). Годы жизни 29 августа 1777 – 11 мая 1853 по календарю григорианскому. «История первых четырёх ханов из дома Чингисова». Санкт-Петербург. 1829 г.

«...слово Чингис считают равнозначным понятию «непреклонный», которое, правда, близко подходит к характеру Темучина, но всегда представляется односторонним, так как заключает в себе идею твёрдости только воли, не касаясь ума и физической стороны человека. Если примем во внимание, что среди монгольской аристократии того времени существовали титулы: «багатур» (для физически сильных, храбрых), сэцен (для мудрых), то имя Чингис, данное Темучину, вполне соответствует своему всестороннему значению. Темучин помимо своих выдающихся физических качеств, был одарён редким умом, твёрдой волей, военным и организаторским талантами, красноречием, совокупность всех этих качеств в одном человеке можно определить словом чингис», – калмыцкий общественный деятель, доктор Эренжен-Хара-Даван. «Чингис-хан. Как полководец и его наследие». Белград. 1926 г.

Над обрывом берега речушки, впадающей в Онон, в темени густых сумерек стоял человек, заметивший деревянную колодку над водой, заодно и голову беглеца, так и выразились глаза остротой пристальности...

Тело его коченело в холодной воде, намокшая деревянная колодка совсем стеснила шею, горло. Пристальный взгляд человека в темени густых сумерек продолжал разглядывать его беспомощного, как вдруг близко раздался голос, обращённый к этому человеку:

– Ты нашёл его?

– Нет, никого здесь нет, – ответил твёрдо уверенно этот человек, что над обрывом берега речушки, впадающего в Онон.

Шаги спросившего удалялись, как и отдалились голоса остальных преследователей. Когда утихло, говорил этот человек голосом тихим, в котором выразились отчётливо тона, выражавшие уважение, именно уважение к нему:

– Вот почему тебя так боятся, а ведь ты вроде юно зелёный отрок всего лишь.

Но что ответить ему на слова похвалы ли, участия ли, после смерти отца он только от матери Оэлун слышит слова одобрения, но более слова наставлений. А тем временем человек на берегу продолжал говорить всё тем же тихим тоном голоса:

– Ты можешь выйти из воды, ушли все, но пока не высовывайся, подожди немного, а затем иди к урочищу с восточной стороны горы Бурхан-Халдун. Там стоит одна юрта, там живу я с семьёй. Приди туда отогрейся.

Тогда он, выждав время, направился к той юрте, куда указал этот человек, увидевший, заметивший его, стоя над обрывом берега в темени сгустивших сумерек, но не выдавший его. Потому он, к тому времени никому не доверявший, решил доверить свою судьбу этому человеку, продрогшим придя к нему в юрту за убежищем, чтобы отсохнуть, отогреться. Звали этого человека Сорган-Шира. Сыновья его именами Чимбай да Чилаун тут же, не имея ключа к замку колодки, сожгли его на огне, приговаривая, мол никогда им, мол доводилось в своей юной жизни видеть рабов, но никогда не видели раба в колодке, но ничего, они помогут ему, что более он никогда не испытает такой доли.

На следующий день прискакали те самые преследователи, однако, заподозрили неладное, ибо стали обыскивать и юрту, несмотря на уговоры хозяина, и все прилегающие участки вокруг. Тогда его, увидев издали всадников, заблаговременно спрятали в повозке с шерстью, а рядом находилась дочь хозяина именем Хадан, будто за делом перебирая шерсть.

И будто снова оказался, как в той воде речушки, впадающей в Онон. Также затаив дыхание, лежал он, весь недвижим, под гнётом больших охапок шерсти, боясь чихнуть ненароком. Не холодно стылая вода, удушливая жара нависала над ним. И как в той речной заводи он слышал голоса вблизи, шаги преследователей. Но не стесняла на этот раз деревянная колодка. И молил он про себя Вечное Синее Небо о спасении, не видя синевы Неба, но представив

ясно его вышины, иссиня синюю глубину выси, молил о спасении, успевший хоть ненадолго, но успевший вдохнуть глотка именно свободы. Ибо знал, представил отчётливо, что будет пойман, и всё, конец его думам, его мечтам, равно как и жизни. И слышались шаги приближающиеся к повозке, на дне которой под шерстью и притаился он, опасаясь шелохнуться хоть одним пальцем.

– Придётся твою шерсть перевероршить, – совсем вблизи рядом он услышал голос одного из подошедших.

– Что ж, ворошите, – услышал он звонко твёрдый голос девчонки, дочери Сорган-Шира, – да вот кто ж так долго усидит в шерсти не дыша, это ж точно, как вечно окунуться в воду, камнем сгинуть на дне...

– Да, кто же усидит, и я бы не усидел, – то раздался голос другого из подошедших.

Удалялись шаги подошедших, а затем и вовсе услышал цокот копыт коней усакавших.

«Сорган-Шира, который спас жизнь новому императору, когда тот был в тайчиутском плену, стал ханским советником вместе со своими сыновьями», – британский историк Джон Мэн. «Секреты лидерства Чингисхана».

Память перевероршит многое из прошлого сплошь из страданий перенесённых, сплошь из битв, из сечи яростных, в которых бывал он ранен, сплошь из обманов и предательств, но и надежд, мечты неугасимой покончить, навсегда покончить с враждой по степи меж племенами, говорящими на одном языке. Но память перед этим торжественным днём, что наступит завтра, взяла да выпетила именно те мгновения из его жизни, когда он был на всего на волосок от смерти. Что ж, может и стоит вспомнить такие мгновения бедствия, которых у него, однако, было очень много до этого дня, невиданного, неслыханного дня для всей степи. Да от лесов Баргуджин-Тукум на севере до пустынь Гоби на юге, от Селенги, несущей спокойные воды в само священное море Байкал на западе до Онона, до святой горы Бурхан-Халдун на востоке такого не было никогда. Да, такого не видывали и его славные предки Кабул-хан да Амбагай-хан, такое не случалось, не свершалось никогда под высоким куполом Вечного Синего Неба.

Завтра он наградит девяносто пять человек за помощь, оказанную ему когда-то, за верность ему, пронесшую в лихие годы подъёма от низины угнетения, ежедневных страхов за семью, когда многодневно и прятались по степи, будто загнанные звери. И потому среди них он в первую очередь наградит Сорган-Шира, назначив его командиром тысячи, и сыновья его будут возведены в нойоны, и дочь его Хадан он отблагодарит, воздав за то участие в его судьбе, ибо будет у неё особенное покровительство от него. Уговаривал он её стать одной из его жён, как отказалась она. И не смог, не стал перечить её воле, какой уж там укор иль неповиновение ему, ныне всевластному по всей степи, нет, и ещё раз нет, ибо её воля, тогда спасшей его свободу, его жизнь для него превыше всего. И потому и будет у неё особое положение, в котором она никогда более не испытает какого-либо недостатка. Так будет решено завтра. С такими думами он выходил из юрты, вдохнуть воздух степной ночи.

«Его революция развалила существовавшую систему племён и кланов и вознаградила людей, невзирая на статус в племенной иерархии, а за оказанные услуги. Многие стали его нойонами, товарищами, близкими соратниками, они жили одной жизнью, служили, защищали, советовали ему, но всегда на одну ступень ниже», – британский историк Джон Мэн. «Секреты лидерства Чингисхана».

Раскинулись широко в ночи кошечные кибитки и юрты от всех степей. Разгорелись по степи ночные костры, числом сравнимые с мерцающими звёздами в чёрную безоблачную ночь. У одного костра, у другого костра слышен смех и долгие рассказы о боевых походах плечом к плечу рядом с тем, ради кого и собрались со всех степей. Завтра с утра Великий Курултай.

Он начинал не то, что с нуля, он начинал с глубокой пропасти, ощутив на себе все тяготы раба, ощутив сполна сужающие тиски деревянной колодки на шее, которая надевалась далеко

не на всех рабов. И это была грязная гнусность в степи. Ни поесть, ни попить самостоятельно, даже муху не согнать с лица. Вот так начинал он, будущий сотрясатель вселенной, может, и зачинатель единой планетарной цивилизации, в отдалённом будущем человек тысячелетия, о звании которого не могли и подумать, предположить его потомки. И это единственный пример в истории.

С самого рождения Александр Македонский был предназначен в цари династии Аргеадов. Значило не то, что многое, значило всё родиться сыном македонского царя Филиппа Второго и матери Олимпиады, урождённой дочери эпирского царя земли-прародины греческих племён. От отца достались ему царство в пору расцвета, боеспособная армия и план похода на Персию.

Ганнибал Барка, этот выдающийся «дар Бала» в переводе с финикийского, родился в семье карфагенского полководца Гамилькара Барка. И потому его славная карьера началась сразу с командующего карфагенской конницей в Иберии.

Юлий Цезарь происходил из знатного патрицианского рода. Отец – претор римской республики, затем стал проконсулом Азии. Мать происходила из знатного плебейского рода Аврелиев. Сестра его отца, Юлия, была замужем за Гаем Марием, фактически единоличным правителем Рима, а первая жена Цезаря, Корнелия, была дочерью Цинны, преемника Мария. Семейные связи молодого Цезаря определили его положение в политическом мире, куда он вступил с триумфом с весьма высокой платформы.

Он же, сам вырвавшись из рабства, вытащив самого себя из пропасти, начинал карьеру с одной уздечки для коня, да с собственной головой на плечах, что и явилась вместилищем мудрости от вершин гениальности. И потому увеличивается уважение, когда знаешь, что ни у одного из великих мира сего не было в друзьях и военачальниках столько выходцев из простого люда, как у этого человека, которого именуют тогда на Великом Курултае Чингисханом.

И вот наступило утро. Красным огненным шаром озарило солнце едва зеленеющие травы, что поспешили взамен блекло-жёлтым травам прошедшего года, чтобы догнать со временем и обогнать во всю расцветших подснежников, чей век, к сожалению короток. Но будут другие цветы, что превратят степь в ярко-пёстрый ковёр, что и возрадуется взор.

Гул нарастал в проснувшейся степи. То выстраивалась знать от всех степных племён, тогда как командиры и кешиктены давно стояли наизготовку к предстоящему событию, которого и не знали никогда необъятные степи. И стихло, предваряясь в тишину торжественную, когда и вышел из юрты он, ради кого и собрана степь.

Высоко над головами поднимают кешиктены незатейливый ковёр, сотканный из множества войлоков, на котором богатырской статью во весь рост возвышается он – многолетний «собиратель степи». И понесли его на возвышение под барабанные мерные дробы, под литавры, труб чарующие звуки. Когда такое было?

Медленно, торжественно, будто мимо берегов у плавного течения большой реки, проносят его мимо лиц от знати по обе стороны длинного ряда, многих из которых он знает, многих из которых он узнает. В них представлены степные племена, в них он видит тайчиут, унгират, найман, сульдуз, джаджират, онгут, олхонут, ойрот, кэрэит, икерэс, курылас, дорбэн, хатакин, чонос, уйгур, дорбэн, джалаир, урянхай...

Здесь его друзья: вчерашний пастух Боорчу, помогший ему в тяжёлые часы лихолетий; сын кузнеца Джэлме, спасший его от наступающей смерти; его спаситель Сорган-Шира и его сыновья Чимбай и Чилаун, и его дочь Хидаун, также его спасительница. Здесь его славные командиры Субудай – младший брат Джэлме, меткий мэргэн Джэбе, однажды удививший и обрадовавший. Рядом с ним кто-то из лесного племени, неужто из земли Баргуджин-Тукум, из племени хори. И это тоже хороший знак для торжества. В глазах юноши восхищение. Он запомнит. Здесь его кешиктены и те воины, превозносящие боевые заслуги прошлых лет, но и готовые на взлёт, что в будущем могут и затмить прошедшие эпохи. Здесь и его братья, и

его сыновья, и сама мать сыновей – наречённая жена Борте, наконец, здесь его мать Оэлун – его вдохновительница на это невиданное возвышение, на эту победу над тогда над всей семьёй нависшим роком тяжёло злой судьбы. Она, мать, и удостоена, как никто по большей части, этого торжества в несравнимой мере. И потому на самом почётном месте мать Оэлун, не терявшая ни разу надежду в самую горестную пору тяжёлых лихолетий, что и было главным для семьи, оставшейся без отца. О, справедливость воздаяния Вечного Синего Неба за все лишения, терпения и преодоления! Прими же благодарность от верных сыновей и дочерей своих!

Бассалы, подвластные люди и даже родственники отложились, перекочевали от вдовы вождя. Вместе со старшим сыном Темучином поскакала она за всеми теми, что недавно проживали в полной безопасности под сильной рукой тогда ещё живого Есуге – предводителя племени тайчиут рода борджигин.

– Как можете бросить вы семью своего вождя после всего того, что сделал он для вас? – справедливый укор её не смог остановить тех, кто, по сути, и предавал своего вождя, пусть даже и отбывшего в просторы вечных небес, обрекая тем самым семью его на лихолетье посреди враждебных степей.

– Даже самые глубокие колодцы высыхают, самые твёрдые камни рассыпаются. Почему мы должны оставаться верными тебе? Не дело нам идти под знаменем женщины, пусть и вдовы вождя племени, а что до сыновей, и этого старшего, то не доросли они указывать нам, – вот таковым и был ответ вождей родов на её укор.

Оседала пыль от копыт усакавших коней бросивших их на произвол жестокой судьбы, когда он и заметил в первый раз слёзы матери.

Не обошлось лишь одной бедой морального характера. Почти весь скот был угнан вот этими, вставшими на весьма позорный путь. И началась тогда охота на сурков, барсуков и прочих живностей степи. В ход пошли коренья трав, что считалось в степи самым краем пропасти, признаком бедности безысходной. То была жизнь самой незащитной семьи во всех просторах дикой степи. Но ладно бы так, но были и вероломства, от которых памятью и не уйти.

Убожество и пропитание на запас не подорвало душевных сил матери.

«Вы пока как маленькие щенята. Но помните всегда – вы потомки славного Кабул-хана, его сына всем известного сына Кабул-хана, которому ваш отец Есуге-багатур, вождь племени тайчиут, доводился племянником» – не раз обращалась она к его младшим братьям.

– Все эти наши бедствия – временное наше положение. Ты поднимешь знамя отца и поведешь за собой многих багатуров степей. Я верю. Да воздаст Вечное Синее Небо за всё по справедливости, – обращалась она уже к нему, подрастающему первенцу.

Второй раз он увидел слёзы матери, когда неизвестные конокрады угнали восемь лошадей-аргамаков, что взрастили бережно, что составляли в ту пору настоящее богатство.

– Я верну их, – сказал он тогда твёрдо и вскочил решительно на единственного коня.

– Ты один в опасной степи, – только и вымолвила мать.

Поскакал он быстро за округлую сопку и скрылся из виду. Но что-то заставило остановиться его. То был горький комок, застрявший в горле, и впервые слёзы, что явились самой большой неожиданностью. И повернул коня обратно. Мать всё продолжала стоять на том же месте, провожая тем же взглядом сквозь слёзы. Он остановил коня в нескольких шагах от неё.

– Мать, будет время, и я подарю тебе десять тысяч юрт, – почти крик вырвался из раненой юной души, над которой в миг тот всколыхнулось всё же не отчаяние, а огонь надежды неугасимой.

Мать Оэлун лишь кивнула сквозь слёзы. Она увидела в подрастающем сыне мужчину – опору семьи.

Развернул резко коня и скрылся за сопкой. Не знал он тогда, что он не только вернёт лошадей, но найдёт бесценное сокровище – друга на всю жизнь.

Взгляд тут же в воодушевлённой толпе посреди передовых военачальников нашёл Богурчи.

Высоко над головами несут кешиктены незатейливый ковёр, сотканный из множества войлоков, на котором богатырской статью во весь рост возвышается он – многолетний «собираатель степи».

Вот и возвышение, на котором водружено девятихвостое, почётного цвета белокошное бунчужное знамя на древке о девяти ногах. Взлетевший кречет изображён на знамени.

Вот и возвышение, на которое он восходит под барабанные мерные дробы, под литавры, труб чарующие звуки. Когда такое было?

Разом прекратилась музыка, стихла степь, как и все те, что добирались в этот год тигра на исток Онона со всех просторов степных племён: из Керулена, из Уды и Селенги, из долин Байкала, из Хубсугула, из южного Гоби, из Саян и Алтая, из самого Онона...

Торжественно открывает эту церемонию в ореоле магического великолепия возвышенный его повелением шаман Кэкчу-Тэб-Тэнгри, сын Мунлика:

– Волей Мунке-Куке-Тэнгри, волей Вечного Синего Неба даруется тебе ханство лица земного. Теперь, когда побеждены твоей десницей владыки этих земель, называемые каждый Гур-ханом, и их земли достались тебе, то будет имя тебе по велению Вечного Синего Неба, что сомкнулось с желанием всех твоих сподвижников, то пусть будет тебе имя – Чингис. Ты стал владыкой владык и повелевает Мунке-Куке-Тэнгри, чтобы звание твоё было Чингисхан. И достанутся тебе сила и могущество высшие, и будешь принадлежать к держателям мира всего.

В этом бурливом океане жизни на самый гребень великой волны вынесло его, из всех обладающего рассудительностью, именно рассудительностью и далёким взглядом.

Его отец высокий ростом да телом крепкой стати носил титул «багатур», его ныне здравствующий тесть именем Дэй носит титул «сэчен», что вполне соответствует его мудрости. У него ж и сила природная, и стать богатырская, и ясно мудрое рассуждение, и терпеливость, и воля непреклонная. В этот весенний день года 1206-го, в год тигра по календарю восточному его на Великом Курултае объединённого народа нарекут именем, титулом Чингисхан. Никогда ни до него, ни после него никто не носил такого титула, каковым он и вошёл в мировую историю.

Он не узнает, что через семь, восемь столетий в монгольских, бурятских, калмыцких семьях, не вдаваясь особенно в сути и значения этого слова чингис, будут называть сыновей именем Чингис в его честь, именно его, великого предка монгольского народов. Но будет это в отдалённо отдалённом будущем, куда и взор не посмеет устремиться. А сейчас идёт курултай, Великий Курултай. Представители племён ждут его слова.

Он скажет эти слова в этой застывшей тишине. О них он думал столько дней, столько лет, которые выросли когда-то в тайниках души, и которые пронёс он в сердце нетленной надеждой и непоколебимой верой до этого самого дня.

Он называл себя и всех примкнувших к нему людей из разных племён целым народом, новоявленным народом «биде», что являлось лишь местоимением степного языка степных и лесных племён, включая и все его наречия, что переводится на все остальные языки местоимением – «мы». Его воины, десятники, сотники, тысячники, командиры туменов, его кешиктены, его четыре «пса», его друг Боорчу, его братья и сестра, его мать Оэлун, его семья, созданная им и наречённой женой Борте, равно как и все семьи к нему примкнувших, назывались народом «биде», новоявленным народом «мы». Но разве можно вечно называться местоимением степного языка?

– «Монгол» – долина Вселенной, «монгол» – вселенская долина. Этот народ биде, который несмотря на все страдания и опасности, которым я подвергался, с храбростью, упорством и приверженностью примкнул ко мне, который, с равнодушием перенося радость и горе, умножал мои силы, я хочу, чтобы этот, подобный благородному горному хрусталию народ «биде»,

который во всякой опасности оказывал мне глубочайшую верность, вплоть до достижения цели моих стремлений, – носил имя «монгол». Да покроется имя его ореолом благородства и седой славы от непреклонной воли Вечного Синего Неба.

И услышали все, и возгорелись души воинов, командиров, представленной знати от множества племён степного языка, от этих слов, от этого утверждения, что и явилось приказом на все времена. Отныне все они одной крови, отныне они носители высокого звания степей. Монгол!!!

Такого Курултая, определяющего жизнь степей на времена, меняющего круто установленную судьбу, как будто дар непререкаемый от Вечного Синего Неба, одним лишь человеком, не было никогда, не вспомнят старики. Затаив дыхание, слушали посланцы всех племён, что и ветер весенний давно утомился, и солнце, казалось, замедлило свой ход, дабы не упустить каждое слово, что говорил вдохновенно этот великий воин богатырской стати, носитель кладези высокой мудрости, носитель высокого мастерства ораторского искусства. «Что за «Джасак» вознёсся над степями?» – могло подумать не только вездесущее светило, но и застывшее небо, это Вечное Синее Небо, что не нахмурилось нисколько, устремив один лишь ясный взор. То был свод небывалых для степей законов, которые вынашивал годами, на которых отложились печатями лишения и тяготы, вероломства и крушения надежд, искренности и благородства, стойкости и вдохновенных подъёмов, и взглядов, устремлённых в будущее, вынашивал сердцем и разумом этот человек, которому и пришлось испытать такого, что и не дано многим сразу.

Через сорок лет после пылко изречённых слов во имя утверждения «Джасака» от огненного сердца в тот волнительно важный миг, что определил дальнейшую судьбу степей, да и мира всего, напишет итальянский францисканец Джованни Плано Карпини – первый европеец, посетивший Монгольскую империю: «Между ними (монголами) не было ссор, драк и убийств; друг к другу они относились дружески и потому тяжбы между ними заводились редко; жёны их были целомудренны; грабежи и воровство среди них неизвестны».

И возглас восхищения вознесётся ввысь, что и заставит улыбнуться вездесущее светило и больше озариться ясным взором нависшее над всеми величественное небо, это Вечное Синее Небо. Ведь на небывалом, необыкновенном, но Великом Курултае сплошь и есть люди благородных сердец, потому, как и позиция того, ради кого этот Курултай, и устремлена именно на такое качество. Потому они и здесь. Но как много их? То будет это исполнение обещания – 10 тысяч юрт матери Оэлун, когда и возрадуются искренне благородные сердца во имя торжества сыновней благодарности. О, Вечное Небо!

Вмиг память матери возвратила тот день, когда старший сын, совсем ещё подросток, развернув коня, скроется за округлой сопкой, дабы вернуть тех лошадей-аргамаков, что он и сделал, по пути обретя сокровище ценное – друга. Потом друзей будет во множестве, потому как помимо жестокого нрава, что было обычной нормой жестоких степей той эпохи, в нём было вот это удивительное качество, ввергающее в веру и преданность, что и пошли за ним под его знаменем люди разных сословий и характеров, но, прежде всего, вот эти удалые парни «длинной воли», что и отказались впоследствии, опять же в силу непреклонной веры в него и преданности от привычной вольной стези, войдя уверенно на территорию самой твёрдой дисциплины, неповторимой во все времена. И навернулись невольно слёзы.

Будут подарки, будут награды на первом Курултае новоявленного народа, что вздыбился воодушевлёнными страстями пылких сердец, что положит начало новому первому государству степей.

Великий Курултай, проходящий в год тигра по восточному календарю, в году 1206 по календарю григорианскому будет началом Монгольского государства, что ведётся и поныне. Он решил построить государство согласно своим жизненным воззрениям и мечтаниям, которые и пронёс с далёкого детства, познав все горькости, лихости жизни, начатые с великого

горя, каковым и явилась потеря в девятилетнем возрасте своего отца. Как первенцу, все боли по большей части достались ему и матери Оэлун, самой несчастной женщины в ту пору, но духом стойкой непоколебимо. Скорее, создание государства по его усмотрению и жизненному воззрению и было осуществлением его мечты, пронесённой через всю жизнь.

Остальной мир не знает, не подозревает, что здесь, у истока Онона, зарождается коренной поворот его судьбы. Свидетель – Вечное Синее Небо. И покровитель.

Бурлящий котёл степей над пассионарным огнём кипел, и пар исходил от него, чтобы выплеснуться...

И встанут наизготовку кентавры больших просторов! И напишется одна из самых интригующих страниц мировой истории!

4

«Следует обратить внимание на то широкое применение, которое получала у монголов в области военного дела тайная разведка, посредством которой задолго до открытия враждебных действий изучаются до мельчайших подробностей местность и средства будущего театра войны, вооружение, тактика, настроение неприятельской армии и так далее. Эта предварительная разведка вероятных противников, которая в Европе стала систематически применяться лишь в новейшие исторические времена в связи с учреждением в армиях специального корпуса генерального штаба, Чингис-ханом была поставлена на необычайную высоту...

В результате такой постановки разведывательной службы, например, в войну против государства Цзинь монгольские вожди нередко проявляли лучшие знания местных географических условий, чем их противники, действовавшие в своей собственной стране. Такая осведомлённость являлась для монголов крупным шансом на успех. Точно так же во время средне-европейского похода Батыя монголы изумляли поляков, немцев и венгров своим знакомством с европейскими условиями, в то время как в европейских войсках о монголах не имели почти никакого представления», – калмыцкий общественный деятель, доктор Эренжен Хара-Даван. «Чингис-хан. Как полководец и его наследие». Белград. 1926 г.

Строй монгольской конницы в шеренгу, будто стеной единой не шелохнувшись, выстроилась тысяча взором вперёд на запад, где возвысились горы Карпаты. Сам Бато – главнокомандующий всем войском в предстоящем западном походе вплоть до берегов последнего моря осматривал тумен Байдара, что ранней весной устремится до земель Польши. Молчалив был правитель улуса Джучи, изучающим пронзительным взглядом осматривал он тумен Байдара, с которым ему доведётся расстаться весной, отправив в Польшу, ибо самому предстоит совершить быстрый марш-бросок до равнин Венгрии вместе с туменом Субудай-багатура. За ним, но не свитой, на низкорослых конях, что так непринуждённо выносили, следовали недавно прибывшие разведчики-юртаджи, которых главнокомандующий отправит на запад в земли предзакатного солнца, не дожидаясь весны.

Один из разведчиков, что был молод, показался Элбэгу – старому разведчику-юртаджи, что находился рядом с самим Бандаром, как-то знаком, будто видел когда-то. О, неужто, сын его друга Баяр-Туяа, того самого парня из берегов Уды земли Баргуджин-Тукум, того самого парня из племени хори! Однако, они будут приданы ему под его командование. Что ж, тогда он у него спросит...

То было тогда глубокой осенью перед наступающей зимой, когда главнокомандующий Бато дал команду темникам да тысячникам на долгий, долгий привал до весны, дабы откормить как следует боевых коней, которым предстоят весной одни лишь многодневные марш-броски

да наскоки со стремительностью жалящих пчёл. Ныне же по ранней весне Элбэг, взяв с собой ещё троих юртаджи, посреди которых был тот самый молодой юртаджи – точно, как и есть, оказавшийся сыном его друга Баяр-Туяа из племени хори земли Баргуджин-Тукум. Талантлив парень оказался, ничего не скажешь, хотя, все талантливы. В разведку именно таких берут. Сам великий Чингисхан говаривал, что целому тумену равна голова одного юртаджи.

Издревле монгольские племена занимались облавной охотой. И всегда вперёд высылались юртаджи, чтобы выследить каждого ли зверя. Но то умение применялось для нужд облавной охоты, но не в военном деле, когда племена всегда сходились стеной на стену в жестокой сече. Ох, как прямы были тогда воины степей, какая уж там изворотливость, гибкость, хитрость разума. Но так было до поры, до времени, пока Темучин – будущий Чингисхан не стал применять по степи это умение юртаджи, возведя до виртуозного мастерства, будто какой-то ювелир столь высоко искусно ограняет сей драгоценный камень. Да, всё перевернулось, переменилось в степи. И нет более дикой разгульности необузданный племён, как нет и войн межплеменных, когда и есть единый народ – монголы.

Да, дремучи леса Баварии, что и есть раздолье для юртаджи. Мирным обывателям, крестьянам невдомёк, по весне иногда собираясь в лес, что помимо разного зверья отныне повелись и иные звери, каковых и не узреть. Ибо наделены они разумом ловко и упрятаться в чаще непроходимой, и убежать скольльзящим бегом, и следы замести, что едва ль один прозрачный воздух свидетель. И подмечают всё, что творится в округе.

Было подмечено, как выходил со свитой из баварского городка польский князь Генрих Благочестивый, а спустя день оттуда едва ли строем был замечен довольно таки солидный числом отряд немецких рыцарей Тевтонского ордена, вбирающего, набравшего могущественность в Европе. И подсчитаны были они числом от неведомых взглядов, упрятанных в зарослях вдоль дорог, и понятен был им смысл похода, передвижения, и тихо говорил Элбэг своим юртаджи: «Я скажу Байдару, когда вызвать их на битву, и где, в какой долине...»

«Его люди были в состоянии «опьянения тропой войны», по словам Джона Кигана. Они были героями войны, уважали друг друга и наслаждались своим общим презрением к остальному миру, деля нехитрый комфорт походов и соревнуясь в выносливости. Это было больше, чем армия: это была целая нация, которую сначала заставили, затем уговорили принять общее видение. ...В то время и во многие последующие времена люди чутко воспринимали слова своих лидеров. Они были, как куски железа, спаянные воедино магнетизмом Чингисхана. Каждый нёс ответственность за выполнение своей части сделки со своим лидером, все соглашались с необходимостью самодисциплины и общей жёсткой дисциплины, применяемой по всей иерархии. Гоулмэн оценивает это так: «Когда основные ценности и нормы становятся понятными людям, лидеру даже не нужно физически присутствовать в команде, чтобы эффективно управлять».

Это была страна мирных кочевников, которые могли в один миг стать воинами: настроенными и подготовленными к старту и ожидающими взрыва, как гунны 800 лет назад, ни в коей степени непоколебимые в вопросах морали по отношению к другим народам. Но монголы имели то, чего у гуннов не было: идеологию», – британский историк Джон Мэн «Секреты лидерства Чингисхана».

Для него начиналась совсем новая жизнь, к которой он не был привычен никогда. Но, всё же, по сути это лучше любого рабства, на которое он обрёкся в течение нескольких суток,

когда лишь по ночам развязывали ему глаза. И могла эта участь тяжёлым ярмом повиснуть на весь остаток жизни, и так ничем не примечательной, если бы не это удивительное спасение. Для него начиналась жизнь воина.

На следующее утро после освобождения его, когда огненно красный шар лишь вздымался над дальним горизонтом, освободитель, этот Джиргуадай, но все его зовут другим именем – Джэбе, (вечная благодарность ему от парня с берегов Уды) подскакал к нему, что вызвалось удивлением окружающих, и не то, что приказал, но сказал:

– Сегодня на Великом Курултае все представляют свои племена. И ты представишь своё племя.

– Я не из знати.

– Верно послужишь, то мой хан произведёт тебя в нойоны, а я в командиры.

На подходе к Курултаю он увидел немного в отдалении того парня, что вместе с нукерами составил ему компанию для рабства. Он запомнил его, когда сняли с него повязку. Парень кивнул приветливо, что и он ответил ему тем же.

Слышал Баяр-Туяа об этом воине ореола непобедимости, которого нарекли торжественно Чингисханом на невиданно Великом Курултае. «Страшно стало ездить по южным степям. Кругом племена враждуют друг с другом. Если нет войны, то есть опасность от людей «длинной воли», не признающих никаких законов. Да конокрадства стало побольше. Зазевался и самого угонят в рабство...» – говорили и взрослые, и старики, и родители его, тогда ещё живые, о южных степях, навевая на те просторы вот такой устрашающий ореол из одних опасностей. Был он тогда совсем ещё мал, не выше тележной оси. Вот потому и боялись без всякой нужды соваться в южные степи. Но по мере подрастания, слухи стали немного меняться. Заговорили о каком-то воине, который собирает вокруг себя вроде бы парней «длинной воли». Позже стали называть его и по имени. Темучин. А степные войны, как были, так и продолжали распалиться эдаким пожаром сухого травостоя по весне. А потом стали, как будто, ещё жарче, ещё огромное, от которых так загудели южные степи, что отдалось и в лесах Баргуджин-Тукум. Да ладно один герой, а то их двое, ворошили давние устои. И имя второго стало известно к северу от слияния Уды с Селенгой. Джамуха – звали второго воина большой силы. Совсем интересные новости обретались там, доходя, обрастая до лесных краёв возвеличенным ореолом. Достигли они пика своего тогда, когда заговорили о победе одного героя и поражении другого. А потом будто и укоротились вездесущие ноги новостей. Позже заговорили о какой-то тишине в южных степях, говорили, будто парни длинной воли больше не скачут подобно ветру по необъятным просторам от Онона, Керулена до Хубсугула, от низовьев Селенги до самых адски устроенных мест Гоби. Вот он и сунулся в южные степи в поисках пропавших лошадей. Да откуда знать, что набредёт он на остатки некогда вольных конокрадов. По, всему видать, они и были самыми последними из людей вольных устремлений разбойничьего порядка. Так говорят воины этого Джэбе, его освободителя, когда определили его в десятку, которой командует Одон из племени олхонут. И понимает Баяр-Туяа, всем нутром понимает, что начинается для него совсем другая жизнь. Но какая?

Высоко над головами несут кешиктены незатейливый ковёр, сотканный из множества войлоков, на котором богатырской статью во весь рост возвышается он – многолетний «собиратель степи». Насыщенный о нём много раз, как о воине невероятно богатырской силы, невероятно дьявольских возможностей (пройдёт немного лет, и весь остальной мир будет с трепетом и дрожью думать так, но пойдёт и дальше в своём воображении, создав из него страшный образ – «бич божий») он видит его в первый раз. В затаённом дыхании он слышит волнительный гул своего сердца, тогда как глаза его изрыгают огненно пламя восхищения. И понимает он – не одинок он таким воззрением в этом бушующем пожаре восхищения и преданности во всём. Таковым он запомнит этот день, сам не понимая, что этот день и есть день знаменательный в мировой истории.

После Курултая со сдвоенным чувством отправился Жаргалтэ в новое расположение. Радость составляло то, что сам Великий хан встретил его радушно. Уж от этого-то ноги у него подкосились. Но вот второе чувство, что сдавила радость неумную, так это то, что назначил его сам хан командиром десятки. Он как совсем близкий родственник его жены рассчитывал на большее, намного большее. Тысячник на самый малый случай. Как в глаза смотреть? Но глянула в глаза его близкая родственница, сама жена великого хана и поняла сразу.

– Не расстраивайся Жаргалтэ, не расстраивайся. Когда Темучин начинал, то всё войско его состояло из одного Богурчи. Это сейчас он выше командиров тумена. А тогда, когда он вместе с Темучином отбил украденных лошадей, то был всего лишь погонщиком собственных лошадей, которых и было-то, что пальцы на руках. Настанет время, и ты будешь большим командиром. Вот так-то, – постаралась успокоить его Борте.

Из всего этого следовало то, что все командиры на своих местах. Какая там тысяча, не говоря о тумене. Десятка, так десятка.

– Сайн-байна, – услышал вдруг чей-то радостный, но знакомый голос.

То был тот самый парень из Баргуджин-Тукум, подскакавший незаметно сбоку. Хотя, он и был весь в раздумье, что и не увидит никого как следует.

– Сайн-байна, – ответил он ему не так уж радостно, всё ещё подгоняемый ветром тихой грусти.

– Меня определили воином в десятку Одона. Он из племени олхонут. А ты домой?

– Нет, я тоже в войско.

– А не к Джэбе ли ты попал? – кажется, этот парень именем Баяр-Туяа родом с берегов Уды – реки племени хори земли Баргуджин-Тукум при рождении не заплакал, увидев белый свет, а громко рассмеялся, вон какие радостные лучи так и брызгают из глаз, точное отображение его имени.

– Нет. Буду у Джучи командиром десятки, – отвечал он немного с грустью.

– Вот это да! – восхитился этот парень с северных краёв, совершенно не замечая никакого подобия на грусть. – А кто этот Джучи?

От его восхищения, может, немного и повеселело на душе. Откуда знать ему, что он из знати племени унгират, очень близкий родственник жены самого хана ханов, а удостоен всего лишь командира десятки и не больше того. Что понимает этот парень с Баргуджин-Тукум, с краёв, которых степные войны последних десятилетий обходили далеко стороной.

– Джучи – старший сын великого хана, – просвещал он этого тёмного парня, чья доблесть выражается пока лишь в одной безмерной радости, хотя, отчего и не радоваться, когда вместо беспросветного рабства оказываешься в войске непобедимого хана, хотя и сам он мог разделить вместе с этим парнем эту далеко не завидную участь.

– Сайн-байна. Дорогу ищите? Могу подсказать, – раздался сбоку чей-то бойкий возглас.

Оба разом повернулись от неожиданности. «Ещё один такой же радостный...» – подумал без всякой злости Жаргалтэ.

– Покажи, раз такой, а то сомневаюсь я, – ответил всё так же знатный родственник Борте.

– Я в расположение Мухали. Не туда ли вы?

– Нет, – ответили разом и Жаргалтэ, и Баяр-Туяа.

По дороге пришлось разговориться, ибо этот парень пребывал в таком же бодром расположении и был столь же словоохотлив, как и этот парень, ставший воином Джебе. Звали этого парня Элбэг. То-то вот такое изобилие радости. Но когда ещё дальше разговорились, то и вовсе повеселел Жаргалтэ. Оказывается, этот парень тоже из знати, из племени олхонут. Но радость вселила не это, другое. Он, также из знати, тоже назначен командиром десятки. Но ничего. Сам Чингисхан начинал с того, что в его войске и был один воин, его первый нукер именем Боорчу. По дороге узнали также, что у этого парня именем Элбэг совсем уж исключительная память. Что увидел, то и запомнил.

Так эти трое юношей и поскакали навстречу новой жизни.

Спустя день для Баяр-Туяа началась совсем новая жизнь, которую он никогда не мог бы представить в родной долине у берегов Уда земли Баргуджин-Тукум.

Десятка к десятке и так все десять десятков, составляющие сотню, выстроились перед человеком до того жилистым, что и никакие доспехи, казалось не укроют вот эти жилы, неукротимые жилы, что они отразились и в характере его, и в мыслях его. Ростом превыше среднего, и никак не тучен, ибо тучность тоже накладывает отпечаток на характер эдаким спокойствием, этот человек, больше склонный даже к сухопарости, обладал огромной силой, что и не требовался никакой наметанный глаз. Легко было сравнить его с костром на ветру, с таким огнём, что понесёт в степь лишь один пожар ветровой. То был обладателем таких достоинств, нежели недостатков, отважный сотник Исунке-багатур, близкий родственник самого Чингисхана.

Говорили, что стрелы, пущенные его руками, разят цель через все триста алда и больше, где один алда составляет размах рук взрослого человека. Но, ведь, и размах взрослого человека бывает разным. Но говорили, что если определять дальность полётов, пущенных вот этим командиром сотни, то надо определять её при помощи алда верзилы. Да кто бы знал из них всех, но пока никто не знает, что лет через двадцать, по возвращении из победоносного западного похода на империю Хорезма, Чингисхан у берегов Онона, не так уж далеко от того места, где и проходил Великий Курултай, устроит игры. Вот тогда-то полёт стрелы Исунке и пролетит сквозь эпохи этим расстоянием в триста тридцать пять алда, что отразится в табличке, найденной недалеко от Нерчинска, что и поныне хранится в Эрмитаже. И все тогда могли подумать, ибо мысли такие вполне были достойны такого зарождения, что этот сотник неукротимой энергии, и тем более родственник хана ханов, вполне мог бы командовать туменом, самое меньшее, тысячей, а ему доверили всего лишь сотню.

Так мог подумать разве что простой воин, да командиры десятков и сотен, а может и тысячи. Но вот то, что знали там, наверху, куда и совершили взлёт командиры туменов, знали причину этого невысокого полёта пускателя самых дальних стрел, по разумению уж слишком любознательных голов, не дано было знать простому воину, исполнителю приказов. А она, причина эта, состояла в том, что когда-то сам Чингисхан сказал: «Равного не найти моему родственнику в воинских делах. Однако, так как он не знает усталости и тягости похода, не чувствует ни жажды, ни голода, он и других людей из нукеров и воинов, которые будут вместе с ним, всех считает подобными себе в перенесении трудностей, а они не представляют силы и твёрдости перенесений. По этой причине не подобает ему начальствовать над войском. Подобает начальствовать тому, кто сам чувствует жажду и голод, и соразмеряет с этим положением положение других и идёт в дороге с расчётом и не допустит, чтобы войско испытывало голод и жажду и четвероногие кони отощали. — На этом смысл указывает путь и работа по слабейшему из вас».

Через шесть с половиной столетий русский путешественник, историк, востоковед, монголист, тайный советник, орденоносец, заслуженный профессор Петербургского университета Березин Илья Николаевич сделает перевод этого изречения Чингисхана. И потому не удивительно восхищение калмыцкого общественного деятеля, доктора Эренжен Хара-Давана в своей книге «Чингис-хан. Как полководец и его наследие» взглядом из стороны монгольского мира вот такой постановке дела: «Положительно изумляешься, как в ту младенческую, с нашей точки зрения, эпоху, когда в войне, независимо от его ранга, ценились почти исключительно индивидуальные боевые качества — храбрость, удасть, отвага, выносливость, физическая сила — качества, которыми, помимо прав по рождению, обыкновенно вполне определялась годность того или другого воина на роль вождя (например, в среде европейского феодального рыцарства) — как в ту эпоху могла быть высказана мысль, положенная в основание следующего изречения Чингис-хана...» В современной армии это сравнимо с зачётом подразделения по последнему солдату.

Вот к такому командиру сотни и попал совсем зелёным юнцом Баяр-Туяа, этот парень с севера, с долин земли Баргуджин-Тукум к востоку от берегов Байкала, с берегов Уды – реки племени хори, чтобы на собственной шкуре испытать все «прелести» военной службы под командованием Исунке-багатура. Что он, когда все степи подпали под мобилизацию в новую регулярную армию Чингисхана. Но, держись сотня!

А сотня стояла к сотне, и так по десять сотен, составляющие тысячу. В свою очередь тысяча стояла к тысяче, составляя тумен. До каждого воина доходило то, что сулит предстоящее. Перед новым, недавно образованным туменом представал и новый командир. Ходила молва (но то была истина), что этот новый командир нового тумена когда-то попал стрелой и ранил самого хана ханов. Но после пришёл и сам признался в этом, обрекая себя на неминуемую казнь по разумению многих. Но каково было изумление, когда узнавали, что хан ханов не только не казнил этого меткого стрелка, но и взял на службу. Ладно бы на службу рядовым воином. Но ведь и повыше. И вот он предстаёт перед ними командиром тумена. Были тайчиуты среди десяти тысяч, которые ещё юнцами воевали у Таргутай-Кирилтуха против собирателя степи. И радость приободрила их, узнавших о таком решении хана ханов. Уж не им ли знать достоинства нового командира, что некогда и воевал бок о бок с ними против того, кто и назначил его вот этим новым командиром нового тумена.

Взвился гибко статно всадник над неказистым конём степи, что превзойдёт выносливостью всех остальных собратьев на долгом длинном пути от Великой стены до побережья Адриатического моря. Но не пронёсся вскачь, а тихо, и не тихой иноходью, совсем уж пеше, проходилась он, несущий командира, чья доблесть и слава переживут века. И вот уж кто бы мог помериться с самим Исунке-багатуром в выносливости да напористости неугомонного тела, равно как и характера. Но было одно отличие, что и сыграло решающую роль. Взвился гибко статно и разум его, подобный и сути, и телу одновременно, что редко сравнимо, но если так, то доблесть и достоинство от этого намного выше. И этим всадником представал перед туменом Джэбе – наконецник копья хана ханов. Это потом к напористой энергии Джэбе Чингисхан добавит рассудительность Субудэй-багатура, что и выразится в непревзойдённо гениальной связке, что и войдут ведомые им два тумена далеко-далеко на западе вместе с одарёнными полководцами в мировую историю. Неисчерпаемая глубина исследований для историков и аналитиков в области военного искусства. Но это будет потом, а сейчас он на смотре своего тумена, тогда, как и сам, предстаёт перед ним. Но был и ещё один восхищённый взгляд, и он относился не к тайчиуту, а к тому паренюку, которого он и вызволил из плена последних парней длинной воли, последних, кто и шатался вольно по степи. Среди тысяч он увидел его, заметил, но не кивнул.

Джэбе остановил коня перед строем тумена. Ему есть, что сказать десяти тысячам воинам. То будут слова Чингисхана, сказанные накануне на очередном курултае. И он скажет, доведёт до сердца каждого:

– Великий хан сказал, что дети его, внуки его, как и сыновья командиров туменов, сыновья нойонов, как и приёмный брат Шихи-Хуттугу из племени татар, учатся уйгурской грамоте. Говоря так, сказал Чингисхан, что и все монголы будут учиться грамоте. Но другой грамоте. И вместе с вами будут учиться грамоте и монгольские кони – лучшие друзья монгольского воина. Они будут учиться расписывать самые сложные иероглифы на бумагах степей, гор, излучин рек, цветистых долин. Но для начала они научатся сложной росписи у берегов Онона и Керулена, Селенги и Хубсугула. Вы будете изо дня в день делать одно и то же. Вы будете днём скакать на полном скаку и рассеиваться в ту пору, на которую укажет флаг командира. Вы будете скакать на полном скаку и ночью, и рассеиваться в ту пору, на которую укажет горящая стрела, факел или же ночной фонарь командира. Десять коней, сто коней, тысяча коней, тумен коней будут скакать на полном скаку и в едином порыве должны будут повернуть в раз на обратную сторону, как будто это и есть один воин, воплощённый в тысячи душ. Лёгкая конница будет учиться своим манёврам, тогда как у тяжёлой кавалерии свои манёвры. Каждодневные

манёвры, каждодневные ходы и переходы наложат в ваших головах такие иероглифы, что когда и будет нужно сделать неожиданно непредсказуемый ход, то голова ваша сможет быстро перестроить ваши мысли на этот неожиданно непредсказуемый ход, нежели чем тот, кто никогда и не вдавался в сложные сплетения разных комбинаций. И потому будете тысяча как один, и один как тысяча.

Говорил Джэбе вдохновенно, но с расстановкой, только и успевай говорить за ним, передавать по длинному строю тумена до ушей каждого воина. Психическая реальность единого экстаза молчания была таковой, что слово темника ложилось ровно, но глубоко до каждого разума, до каждого сердца, что и готовы они на этот порыв большого, очень большого труда, что и выльется когда-нибудь на воинственные просторы...

Остальной Мир пока не знает.

Лишь через века, когда улягутся ветры бушующей эпохи и придёт время её анализа, так и напишет о монголах французский военачальник Рэнк: «Если они всегда оказывались непобедимы, то этим были обязаны смелости стратегических замыслов и отчётливости тактических действий. В лице Чингисхана и его полководцев военное искусство достигло одной из своих высочайших вершин». Но пока остальной Мир не знает, не подозревает.

Накануне Баяр-Туяа подвели ещё двух коней, тогда как его лошади, но по истине лошади хозяина, за которыми он и помчался на поиски в саму степь, уже распределены были по степи, а точнее у Джэбе. Удивился немного, но спросил:

– А зачем они мне? У меня и мой вороной Халзан дороже всех. Не надо мне их.

– О-о, какой же гордый этот парень с севера, – усмехнулся не зло воин, решительно приставляя коней к нему, – у всех три лошади, и у тебя будут три. Так положено.

– Поди же, от страха сбежит этот парень с севера в первом же бою, и тогда казнят всю десятку. – усмехнулся, но уже зло другой воин, которого звали Ото Радна, высокий Радна, из племени тайчиутов.

Вскинулся было Баяр-Туяа, чтобы в жестокой борьбе выяснить, кто есть кто, и если надо, то бороться до самого ломания хребта, чтобы и лежал обладатель таких мерзких слов неподвижно в степи, а душа убралась бы в небеса, но был вовремя остановлен другими воинами. Зычный окрик тут же заставил обернуться всех:

– Десять плетей Ото Радна за такие слова и ещё десять плетей за то, что сказаны были эти слова при мне.

То голос этот, заставивший вздрогнуть всех, принадлежал Одону, командиру десятки. Но спустя другое мгновение воины немедленно исполнили сей приказ десятника. Быстро был повержен этот Ото Радна пузом вниз, и на оголённую спину вот уже готовы были обрушиться первые удары плетью, когда и хмыкнул злорадно Баяр-Туяа. Нет, не остановились совсем воины, но чуть замедлили исполнение. Тот же голос грозных повелений заставил всех обернуться к тому, к кому и направился он тем же тоном всеисильной власти:

– Двадцать плетей этому парню за его злорадство.

И не потребовалось долгого времени, чтобы и его повергнуть на землю со спиной оголённой. Спустя ещё немного и двадцать плетей со свистом были отпущены ему как самое лучшее воспитание. Пусть дойдёт до мозгов и сердца. Но не до конца проделало свой путь до мозгов гибких, не гибких, но до сердца отважного точно, когда один из наказанных повторил только что совершённую глупость другого. То им оказался тайчиут Ото Радна, не удержавшийся от такого же проявления радости за то, что и не один был удостоен такой «честь». И опять голос грозного повеления:

– Ещё десять плетей.

И опять же остальными воинами было проделано прежнее действие, и опять же, но уже в одиночестве этот тайчиут получил следующую порцию лучшего воспитания. Наконец-то оно проделало путь до мозга не очень гибкого, но до сердца отважного. Теперь-то уж точно лицо

этого Ото Радна приобрело каменное выражение как и всех остальных. А этот сметливый парень с севера давно и сразу предстал как все. И знать бы ему, что зоркий взгляд десятника приметил это. И надолго зазвенели спины, как напоминание о, весьма, должном поведении.

Да, сразу стал понимать Баяр-Туяа, что в этом небольшом пространстве десятки этот Одон, командир десятки и есть хан, судья и отец родной одновременно. И никогда не возникнет в голове и в сердце такое кошунство как послушание приказа. А что если...? Но тогда и не удостоишься смерти аристократа как ломание хребта без пролития крови. Голова с плеч и только.

Через много веков в начале третьего тысячелетия напишет историк Дмитрий Чулов, что опубликует журнал «Вокруг света»: «Командира каждого подразделения выбирали, исходя из его инициативы и храбрости, проявленных в бою. В подчинённом ему отряде он пользовался исключительной властью – его приказы выполнялись немедленно и беспрекословно, такой жестокой дисциплины не знало ни одно средневековое войско».

Смотр был закончен. Но потом уж началось это, завертелось, завихрилось.

Баяр-Туяа дали новый лук, изъязв прежний. Конечно, после надлежащего воспитания он принял молча новый лук, которого уже в руках оценил его достоинство. Он лучше его прежнего, намного лучше. Не успел выстрелить, но понял чутьём охотника лесного племени. Но кроме лука он стал обладателем пики, которого у него никогда и не было. Вот уж радость, но которую он скрыл в душе на всякий случай, приняв его с тем же каменным выражением лица, как и у всех остальных воинов. А потом уж и понеслось. Пошло исполнение слов Чингисхана, переданных торжественно Джэбе.

Десять сотен, одна к другому, наострились в едином порыве. Тысяча взоров устремились туда, где и взмахнёт флажок Доржитая, командира тысячи. Тысячи монгольских коней взвились в такой же напряжении, как и хозяева, опытные воины межплеменных войн и совсем ещё зелёные юнцы, к которым и относился Баяр-Туяа. Но вот поднялся высоко вымпел тысячника и стремительно взмахнулся вниз.

– Урагшаа!!! – крик Исунке-багатура всё же опережал в напористости такие же крики остальных сотников.

Клич был подхвачен всеми в самом яростном стремлении. Уж сейчас-то Баяр-Туяа и дал волю своим молодым лёгким.

И тысяча монгольских коней в порыве едином устремилась в степь. Цветущие травы, цветы полевые пока не раздавались вздыбленной пылью при первых натисках искромётных копыт. Но спустя время она, вот эта пыль лёгким облачком следовала за каждой атакой тысячи, ибо от трав и цветов полевых не осталось ничего, кроме раскромсанной земли.

Атакуя враспынную, пустив в порыве едином тучи стрел в пустоту степи, тысяча в таком же порядке как бы разваливалась в обратный путь таким дождём, тогда как другая тысяча меж рядами прежней тысячи вырывалась на передовую с диким криком «урагша». И те же тучи стрел вонзались далеко в той же пустоте степи. Каждая стрела с меткой хозяина. Их будут подбирать, чтобы потом опять пустить в ту же пустоту степи. Кто бы знал, что этот монотонный военный труд и перевернёт весь мир. Но пока остальной мир не знает, не подозревает. Так и варится, кипит в степи под знойным солнцем военный труд, тактика и стратегия новой армии будущей империи Чингисхана.

«Глазами представьте, головой вообразите врагов в едином строю и пускайте стрелы, дабы точно сразить наповал», – напутствовал перед манёврами сам Джэбе, задумку, исходящую от самого хана ханов.

И было что представить бывалым воинам. Тайчиут мог представить строй племени кият и наоборот. Строй татар, меркитов, найманов и других племён легко могли всколыхнуться памятью от тех бесчисленных войн племенных, которых было в изобилии, ох как в изобилии по

всей степи. Вот откуда опыт да сноровка воина! А кого представить Баяр-Туяа? Но вот другие воины из запредельных территорий и не представляли в воображении. Пока.

Всегда бывало так, что в следующую атаку бросались на другом заводном скакуне, чтобы и их натаскать в сражении.

В яростном скаку по возвращении Баяр-Туяа всматривался в строй коней, выискивая тех новых двоих, что приданы ему в придачу родному Халзану. И те, как будто также выискивали его, узнавая в тысяче воинов. В глазах их так и излучались надежда и преданность.

О, монгольские кони! Знать бы им, что придётся испить воды из рек, озёр от Тихого океана до рек Вислы и Дуная, до морей Адриатического и Средиземного.

И так изо дня в день до обеденной поры. И так изо дня в день клич командиров «Урагша!», из которых уж сильно выделялся один, врезаюсь в уши Баяр-Туяа и остальных тоже. Голос командира сотни Исунке-багатура был куда уж раскатистее громом да надрывнее чем голос того же Одона, да и остальных командиров десятков, сотен вместе взятых. Вот уж ярость и энергия десятерых в одном разуме да в теле. А то и сотни.

В полуденную жару, когда отпускались кони на время пастись, дабы потом воины вновь вскинулись на их выносливые спины, ибо на то и есть монгольский конь, подкатывали к ним обозы с провизией. Горы баранины. Реки свежего молока. Но были и коренья, придающие свежесть, да бодрость, будто кумыс. Откуда знать им, воинам простым, что когда-то семья самого хана ханов, как и он сам мальчонкой, выжили за счёт этих кореньев со свойствами целебного характера. Вот где пригодились знания матери Оэлун.

Только и слышен хруст по степи.

Задумался однажды за чашкой молока Баяр-Туяа, сидя на травах берегов Онона. Всколыхнулась памятью долина детства, тогда как помыслы устремлены всегда на атаку, на разворот, смену ритма, на единую согласованность действий. И больше ничего. А два заводных коня у него ещё без имени. А они стали для него такими родными, как и Халзан. Присмотрелся пристально на гнедого, что пощипывает мирно траву сам по себе, но готового в миг подменить и умчаться в очередную атаку. Назовёт его «Уда». И вмиг представилась ему река детства. У каждого есть она – своя река детства. Присмотрелся пристально он на другого, вороного скакуна, что также мирно пощипывает траву сам по себе, но готового в миг подменить и умчаться в очередную атаку. И в миг представилась ему долина детства. У каждого своя долина детства.

– Чего ты не ешь? Или так много сил, что пустишь стрелу через всю степь, – услышал он неожиданно звонкий возглас над головой.

Вскинул вверх, как тетиву, недоуменный взгляд, в котором одно лишь любопытство, да больше ничего. Ох, сердце молодости! Одна лишь устремлённость на сражение, да и только. Но ведь не только. Но откуда знать?

В ответ он увидел то же любопытство, в котором так и заискрились искры озорства. И светлый лик. Ох, степи! Какие сокровища носите вы? Но это миг мыслей, не вложенных ни в какую философию. Как есть.

Девушка совсем ещё юных лет стояла перед ним, но что стояла, когда дело было в другом, что и не сможет он просто так вернуться губами к чашке молока, а мыслями и думами в ту память детства, что, да всколыхнут немного сердце некогда сироты из северного племени. Устремлён был на него в данный миг сверху вниз обжигающе насмешливый взгляд, что и просверлит насквозь подобно стреле отравленной. Так и есть. Глаза отлили чёрные огни, что и выбьет сердце из седла. И вот эта улыбка превосходства довершили своё дело. Но ведь прекрасна bestия степей! И сколько же таких в войсках тылового обозначения?

– Откуда ж ты такой, задумчивый? – звонкий тон зазвенел в его ушах, но всё же приятный, что и не отмахнёшься как от мух надоедливых, и уж намного приятнее, чем голос, больше окрик Исунке-багатура, грубостью превосходящее всё вокруг.

– Баргуджин-Тукум, – неожиданно тихо для себя ответил он.

– Это края на севере? – ох глаза расширились у этой бестии, тогда как голос так и зазвенел пуще прежнего, в котором однако недавняя насмешливость уступила место любопытству.

– Отсюда северо-запад.

– А какая разница... – и тут же огни в глазах степной красавицы всколыхнулись ещё сильнее, так и ош9зарив всё вокруг озорным сиянием, – скажи, ты видел медведя, ты подстрелил его?

– Целый тумен, – ответил он в её же тоне, вызвав удивление, а то и восхищение сидящих рядом суровых воинов.

– А может, этот тумен был медвежонком? – постаралась она не упустить инициативу (ох, и бестия настоящая), вызвав, куда уж, громкий смех воинов всей десятки.

Мыслями разбежался он, чего бы такого придумать, чтобы осадить эту явно зарвавшуюся девчонку. Но вдали раздались раскаты грома, приближаясь, нарастая. То обозначилось приближение Исунке-багатура, что и означило, что приближается конец всякому отдыху. Девушка повернулась, уходя, унося посуду.

– Стой! – успел крикнуть Баяр-Туяа напоследок, дабы перехватить инициативу.

Повернулась она, опять же устремив тот самый обжигающе насмешливый взгляд. Но ничего, сейчас получишь.

– Принеси-ка в следующий раз кумыс, – не попросил, а как-то постарался сказать в тоне приказном, но в котором постарался разбавить вот эту насмешливость.

– Крепкий кумыс? – лукавые огоньки изрыгались из глаз озорных, но до того прекрасных, что и выбьют любого из седла.

– Очень крепкого. А то не подобает орлу степей пить одно лишь молоко.

– Орлы степей не просят кумыс, они пьют молоко, прибавляя в силе. Неужто орлёнок опередил их в полёте? – ответила эта совсем уж дерзкая девчонка, от слов которой от смеха громогласного так и вздыбилась вся десятка и сам Одон в том числе, оставив таки концовку за собой.

– Из рода исут она, – говорил, спустя немного времени, Ото Радна, в голосе которого и не прослеживалось никакое злорадство, кивая вслед уходящей девушке.

– И что тогда? – спрашивал, не задумываясь ни о чём Баяр-Туяа.

– А то, что она племянница самого сотника Исунке-багатура, – ответил за него другой воин по имени Алдар из племени унгират.

Вот так да! Оставалось лишь почесать задумчивый затылок.

Не быть бы этому разговору, если бы не сотник Исунке-багатур с его неугомонным нравом, поев баранины в большом объёме и выпив столько же молока, прикусив как следует трав целебных, что и без того придали огня под кипящий котёл безмерных энергий, без всякого передыха отправился осматривать следующий плацдарм тренировок. Он бы и сотню поднял бы на дыбы для такого дела, но к его сожалению, тысячник Доржитай не давал такого приказа. А тысячник неукоснительно придерживался графика, отпущенного Джэбе. А тот в свою очередь придерживался того, чего ему до самых мельчайших деталей изложил сам Чингисхан. И потому разум гибкий, но высоты неимоверной, и давал передых всему тумену, тогда как суть его давно просилась на простор бушующих пожаров. Но разум и был у него как железная узда.

До заката солнца тумен распределился на следующее занятие, в котором сосредоточилось оттачивание мастерства на точность стрельбы из лука на полном скаку. Там, вдали, что едва увидит зоркий глаз, раскинулись по степи мишени – кожаные мешки – сур.

Отдохнувший Халзан легко и сразу взял галоп в три темпа с без опорной фазой, и вот таким аллюром помчался вместе с другими конями десятки Одона, ибо занятие это проводилось десятками, над которыми иногда и раздавался громовым раскатом нетерпеливый окрик сотника Исунке-багатура. Скакун лёгкой конницы, а Халзан теперь и причислялся к таковым, без всякой команды своего хозяина, подражая, дабы не отстать от остальных скакунов, взял по

ходу очень быстрый галоп, и таким карьером помчал Баяр-Туяа раскинутым по степи мишеням. Никогда прежде не приходилось ему так на полном скаку, ещё мальчонкой, в лесах на правом берегу Уды стрелять в зверей, которых он, скорее, поджидал. Кожаные мешки – сур возникали, разрастаясь по мере приближения, но не до того, чтоб до весьма больших размеров. Никак нет.

По ходу, на полном скаку, пока копыта Халзана не чиркнули искромётно по степи, находясь в полёте над летними травами, он, Баяр-Туяа, в едином движении со всей десяткой обретается на изготовку. Сколько было их, вот этих стрельб, с Великого Курултая, с того момента смотря, где и объяснил им Джэбе, освободитель от плена, но тогда и не увидел он его, не заметил. Поначалу он и отставал, немного отставал, ибо кровь охотника не давала, не могла дать уж слишком много форы воинам из степи. Хотя, они тоже охотники, но в лесах намного больше дичи. А Халзан уже перешёл на самый пик карьера.

Очередной полёт копыт. И вывернулся левый бок воина вперёд в боковой изготовке по движению с одновременным натяжением лука, как и есть. Удержи тетиву на самом уровне груди у сердца затрепетавшего. Редко у кого тетива под самой челюстью от полёта к полёту, в момент аллюра, в момент карьера. Поймай свою устойчивость, поймай свой миг! Воин – лук – монгольский конь в один момент одна суть. Затаённое дыхание. Прицельный глаз – сур в степи – одна суть. Движение пальца. И спуск тетивы. И полёт стрелы. И вот он – харбан на полном скаку!

И так раз за разом, и тогда умение превратится в искусство, в котором для начала разум и сердце как согласованное единство. И так раз за разом, когда, наконец, искусство уже идёт от сердца. Стрелок и выстрел – единая реальность в единой сути. Пришедшее мастерство – воин и мыслит, и не мыслит. Он как падающий дождь, как ветер в степи, как тихое течение воды Онона. И тогда он гений нужного момента!

Мастерство приходило к каждому своим путём. И у него оно проделало свой путь. Со временем перестал думать о выстреле. Правая рука разжималась сама собой, будто и не принадлежала ему. И она при этом отскакивала назад плавно. И такой же выдох без усилий. О, как прекрасен белый свет! И сердце, как тихая рябь на ровной глади спокойного озера. Вот она – кровь охотника лесного племени!

О, монгольский лук! В военной истории он войдёт как одно из самых эффективных оружий в мировой истории по определению историков и специалистов военного дела.

А степь кипит, бурлит, но это другое кипение, другое бурление, совсем не то, когда и сходились племена в едином порыве на самоуничтожение. Здесь и сейчас другое варево, где и готовится под особым соусом тактика и стратегия новой армии Чингисхана, что и подадут изысканным блюдом на стол мировой истории.

Мир пока не знает, что затаили в глубинных просторах вот эти самые степи Центральной Азии. Пока не знает, но узнает. Жестокая эпоха, как и все остальные, на которых и есть отпечаток разума. Но всегда ли и везде ли жизнь имеет первоначально агрессивные наклонности?

О, Мать Природа!

Так и прошло лето. Травы степей утрачивали былую зелень, готовясь к стылým ветрам. Но так и продолжалось то действо всегда под палящими лучами знойного солнца, что и началось в конце весны. Огромное скопление коней и всадников продолжали по степи расписывать особенные иероглифы, иероглифы войны. Проникал слух, что с наступлением холодов начнётся облавная охота на зверей. И потому кровь охотников заждалась этой поры, этих студёных холодов, ветров зимы, что и проберут насквозь. Но защищают меха из этих самых шкур зверей, да кожаные сапоги с войлочными носками. Так ждёт весны всякое живое в степи да в лесах, что раскинуты широко в низовьях Селенги и дальше на север.

За это лето молодые организмы воинов окрепли, да и души возмужали от каждодневных настроев на будущую битву, от выполнения самих действий, направленных на поражение

будущего противника, и, скорее, противника, который и не догадывается об этом. Ну, а бывалые воины к опыту, накопленному от межплеменных войн степи добавили совершенно новое, неведомое раньше мастерство от того самого военного искусства, о котором заговорит весь мир, а отдалённом будущем и станет оно пристальным объектом военных академий мира. Но откуда знать про это воинам, которым сегодня, как всегда, доставили обозы с бараниной и свежим молоком.

Часто стали приходиться разные думы за чашкой молока. Вот и сейчас. Каждый день он смотрит на обоз, в надежде увидеть ту бойкую девчонку, с которой и продолжил бы тот разговор, что закончился так быстро. Взглянуть бы ещё раз в эти огненные глаза, которые и обожгли его когда-то. «Забудь. Она из высокого рода», – сказал как-то Алдар из племени унгират, ставший за эти дни его другом. Да и тайчиут Ото Радна стал надёжным товарищем. Давно отзвенели от плетей их спины. «Она из высокого рода...» – и этим сказано всё. А кто он? Брошенный камень – этот парень с севера. Кто вспомнит сироту? Вот и сегодня он увидел издали Джэбе на вороном скакуне. Не один он был. Разговаривал с кем-то. И стал доходить до него смысл вот такого неожиданного усердия десятника Одона, других десятников, сотника Исунке-багатура, других сотников, самого тысячника Доржитая. И до остальных дошёл смысл. И вдохновилась тысяча. Сам хан ханов посетил учения.

Вдали застыл стройный ряд статных воинов. «Кешиктены – гвардия Чингисхана», – донеслось до разума каждого, удвоив и так вдохновлённое усердие. В какой-то миг показалось Баяр-Туяа, что взгляды темника Джэбе и хана ханов кА-то устремились в него. На полном скаку лишь повернул быстро голову и отвернул. Так и было.

. Сам хан ханов посетил учения.

– Это тот самый парень с севера, как подумал я тогда по одежде его? Ты поставил знатного человека простым воином? – спрашивал Чингисхан своего темника, одарённого в военном искусстве, хотя, яркая, ярчайшая звезда его впереди, что и возгорится на все времена не только на стороне восходе солнца, но и далеко на закатной стороне.

– Он не из знати, – говорил Джэбе, чем вызвал удивление Чингисхана, – но я подумал тогда – пусть представит своё племя на Курултае, – и подробно рассказал тот случай встречи, вызвав у хана ханов лишь одобрение.

Знает Джэбе, что он, Чингисхан, строит ханство людей благородных духом. Тогда не знал, но какой-то голос говорил изнутри, что победивший враг совсем других достоинств, нежели этот Таргутай-Кирилтух, уж донельзя превозносящий себя над воинами. Такой высокой меры о себе не видывал, не замечал он ни у кого никогда. Служба такому становилось для него одним лишь омерзением. Но не поражение заставило его окончательно уйти от него. Другое. В том сражении его стрела пронзила какого-то воина высокого роста и телосложения статного. Подумал тогда, что этот воин и есть тот самый Темучин, слава о котором разнеслась по степи. И не ошибся. Дошёл до него слух о том, что ранен был этот победитель Таргутай-Кирилтуха. Стрел много в сражении. Но его стрелы помечены. Хотя, с его подвижность сердца, души и тела он сможет скрыться хоть в самом аду шолмоса, в самых дебрях дьявола. Но зачем это? Но ведь прознав его, удостоят казни. Какое там ломание хребта. Голова с плеч. Вот так в раздумье и застал его тогда Сорган-Шира. И каково же было удивление его, когда он рассказал о спасении Темучина в пору ещё далёкого отрочества. «Иди и признайся, и увидишь...» говорил так напутственно тогда Сорган-Шира, некогда спаситель самого Чингисхана. И он пошёл. А дальше стало известно всем, так и войдя в историю. И приобрёл Чингисхан одарённого, гениального полководца.

Думал Джэбе и про этого паренька с севера. Не побоялся тогда предупредить его. Потому и определил его в тысячу Доржитая, поставив того в известность про этот случай. А он в свою очередь поставил в известность Одона. И выходило так, что этот парень с севера, такой «брошенный камень» по убеждению его, и был единственным воином с привилегией, с кого и не

спускал глаз Джэбе, делая при этом вид, что и вовсе не замечает его. «Не выдержит, отправлю домой в Баргуджин-Тукум», – так и думал Джэбе. И про наказание плетьюми он был осведомлён, ибо Одон говорил ему и про это. Выдержал. И подтянулся к остальным воинам. И стреляет хорошо. Так он же из лесного племени. Но теперь-то уж, когда и сам хан ханов знает про него, то уж служить ему до самого конца. А каков конец, так это ведомо лишь Вечному Синему Небу.

И сегодня поев, как следует баранины, призадумался он за чашкой молока.

– Я вижу, орлёнок вырастает в орла, – раздался неожиданно звонкий голос, что и поперхнулся, и встрепенулся, будто и сигнал тревоги услышал.

В застылой осени так и обожгли его обжигающие лучи от огненного взгляда, в которых и заискрились неприкрыто и озорство, и ещё что-то такое, отчего и встрепенётся сердце юноши. То была она из высокого рода, пронзившая в сердце этого парня с севера.

– Я принесла тебе кумыс, – так и источал её голос саму нежность помимо всякого озорства, что сродни кокетству, да и только.

Улыбки озарились на суровых лицах воинов в радости за своего товарища. Он один из них.

5

«Монголы. Ни одна армия в истории не выигрывала столько сражений и не захватила столь обширных территорий. Ни одна другая армия не была способна принять и затем осуществить столь грандиозных стратегических планов, как принятые на Курултае 1235 г. планы одновременного нападения на Польшу и Корею», – член Великого государственного Хурала Монгольской республики Энхбаяр Жадамбын в предисловии к книге Чойсомба Чойнжинжавын «Завоевательные походы Батухана».

«Какая армия в мире сравнится с монгольской армией?» – персидский государственный деятель и историк Джувейни. Годы жизни 1226 – 6 марта 1283 по календарю григорианскому. «Чингисхан. История Завоевателя Мира».

Военный поход рыцарей Тевтонского ордена возглавил Конрад Доблестный, находящийся в оппозиции Великому Магистру Герхарду фон Мальбергу, который уже как год занимал такой вершинный пост ордена. Росло недовольство многих рыцарей политикой нового магистра, что, являясь представителем так называемой «палестинской фракции» ордена, прельстившись, вероятнее всего, деньгами рыцарей орденатамплиеров, к коим принадлежали его родственники, старался изменить экспансию Тевтонского ордена в палестинском направлении, а не в сторону Пруссии и далее на восток. Он же был ярым последователем, приверженцем идей прежних Великих Магистров, каковыми являлись его кумиры – Великие Магистры Герман фон Зальца и его тёзка Конрад Тюрингский. И потому, завидев в здании ордена в Эшшенбахе польского князя Генриха Благочестивого, тотчас понял суть его визита, и потому в душе немедленно был согласен оказать любую поддержку земле Силезии. Да и прошёл, летел слух о неведомом воинстве из Азии, всесокрушающем, не знающем поражений.

«Helfen, wehren, heilen», – помогать, защищать, исцелять. Торжественный, но благородный девиз Германского Тевтонского ордена, как никогда, вдохновлял его на этот предстоящий поход направлением на восток, в котором он видел ясно отчётливо святость замыслов, да истинно высокое благородство духа. Потому и был воодушевленно окрылён, но, был и такой помысел, что, однако, относилось к корысти его неприкаянной души. То была некая задумка, такая надежда, в случае победы над неведомым азиатским войском самого ль Антихриста, войти в городок Вольфрамс-Эшшенбах, да и в земли баварские подобием возвращения несрав-

ненно великого Юлия Цезаря в вечный Рим после успешной кампании в лесах, долинах Галлии. Вот тогда уж и держись Великий Магистр...

Ближе к землям Польши к его отряду присоединялись отряды рыцарей из других германских земель, а когда вступили, то некогда речушка рыцарей стала разрастаться, расширяться в полноводную очистительную реку. То присоединялись к ним тевтонские рыцари, обосновавшиеся на правом берегу Вислы, да рыцари ордена тамплиеров из земли франков, расквартированные в Польше, успешно ведущие там торговлю, да дела, связанные с финансами. Что ж, вспомнили былые славные времена предков-крестоносцев.

Вскоре к нему представлен был гонец от самого Генриха, что сообщил о том, что это воинство азиатское предложило сразиться в бою на широком Добром поле у Легницы.

Утром 9 апреля 1241 года от Рождества Христова на Вальштатт, как говорили немцы, на Легницкое Доброе поле, как говорили в Польше, было по-весеннему тепло и ясно.

Величием торжественно пугающей стройности, в железных доспехах и кони, и всадники, твёрдо тяжёлой поступью единого строя выходили на Вальштатт, на Легницкое поле рыцари Европы – истинные аристократы благородного духа: польские рыцари земли Силезской, рыцари ордена тамплиеров земли Франции, ведомые Антуаном Бесстрашным, рыцари Тевтонского ордена земли германской.

На той стороне Доброго поля их уже ожидал строй неведомых воинов из глубин Азии. То была монгольская конница Байдара.

«Монголия существует, в значительной степени, благодаря гению Чингисхана, так же, как и Китай. Один из больших парадоксов истории состоит в том, что Китай обязан своим географическим охватом и территориальной идентичностью амбициям и убеждениям 20-летнего беглеца, прятавшегося в дальних уголках Монголии XII века. Вместе эти две страны воплощают подлинные мечты Чингисхана, которые были позже так раздуты, что было бы удивительным, если бы что-то из них осуществилось. Вместе эти две страны составляют четверть человечества и одну двенадцатую части суши планеты. Эти факты свидетельствуют о силе миссии и высоком уровне лидерства, не имеющим себе равных в истории человечества», – британский историк Джон Мэн. «Секреты лидерства Чингисхана».

В тени расцветающих чинар и яблонь прохладно, и потому он в преклонных годах своих изнеженно томлённым телом своим на мягких подушках готов часами слушать чарующую музыку мандолин, да без усталости следить сладострастно за каждым движением пылающих молодостью да здоровой свежестью тел изумительных танцовщиц, что да увлекают совсем в иной мир очарованных идиллий. Даже павлины прекрасных садов готовы вскружиться вслед за ними во всём оперении цветистых фейерверков. Ну, чем не рай?!

Так бы и длилась эта тихо сладостная вечность посреди безмятежной империи, не прерываемая никакими делами государственных значений. Но на этот раз суждено было прерваться этому изысканному удовольствию в виде появления перед глазами его этого постоянного проныры, каковым и явился в данный миг этот Чен-сян, министр, ведающий пограничными делами. Что на этот раз принёс он? Благостная весть или нечто такое, что и отобьёт всякий аппетит.

– Великий император великой империи Цзинь, моя весть не покажется Вам чем-то дурной, но и приятной не назовёшь... – говорил заливисто плавно министр пограничных дел, вроде как бы сразу беря быка за рога, но и оставляя такой же шлейф недомолвок, а то и дога-

док, что могло бы превзойти то, что он и собирался выложить ему как дело самой важной государственной значимости.

– По всему видать от этой твоей витиеватой новости не потускнеет моё благостное расположение духа. Что ж говори, – всё также развалившись, не повернув и головы, чтобы в очередной раз показать свою пренебрежительность этому проныре да нытику вечному, позволил он высказать тому такую непреложную новость, что тот посмел и здесь потревожить в сей благоуханный миг.

– Я хочу сказать про северо-западные степи... – опять та же недомолвка, как очередная уловка этого проныры, делающая весомость этому сообщению, при которой император всё же повернул голову в знак любопытства, ибо любой ветер с этой стороны всегда привнесёт что-то такое, что не оставит равнодушным никого и никогда.

– Что про дикие степи? – в голосе императора вскипели нотки нетерпения.

Само упомянутое пространство всегда вызовет в душе холодок тревоги. Его предки из чжурчженей, когда-то и сами кочевники, множество раз совершали набеги на эти северо-западные степи, дабы в охоте за невестами из тех краёв. Но что степи, когда они позарились на великую империю Поднебесной и сумели затем завоевать её обширные северные территории вместе со столицей Яньцзин. Более ста лет пронесли с тех пор воды седых времён. И потому безраздельно властвует чжурчженьская династия Цзинь. И так будет вечно. А что до дикарей степей, то всегда они относились к ним с большим пренебрежением, насылая на них, уже будучи императорами, войска через каждые три года, дабы уменьшить их население, дабы не расплодились по степным просторам, представляя хоть малейшую угрозу для империи. А то дай им волю размножиться во множественном числе, то в какой-то миг и ударят по империи. Вот потому-то и возводилась Великая стена, чтобы отгородить плодородные земли центральных равнин от этих дикарей-кочевников, но, прежде всего, от их предков чжурчженей Маньчжурии. Но, то было давно за порогами неумолимо истекшей реки-времени.

Вот уже более ста лет, как они, чжурчжени, сами за этой стеной отгородились от всяких вольных всадников, что появляются раз за разом от просторов северо-западных степей. Но ведь не мог предположить император династии Цзинь, что там, в тех степях, на которые он мог по старинке вскинуть уж весьма высокомерный взгляд, давно не те времена. Откуда мог знать он, что тамошние племена давно варятся, переварятся уж в сверх кипящем котле духовно волевых устремлений, среди которых давно и как всегда выделилась агрессивность человеческой натуры. Уж в пору, сравнивать с инстинктами бесподобных хищников. И что давно стремится молодёжь в «парни длинной воли», что означает, прежде всего, свободу волевым устремлениям да энергии кипучей. Вот таковы дела.

– Что дикие степи? – отвечал этот Чен-сян с весьма серьёзно озабоченным видом. – А то, что там скоро произойдёт интересное событие...

– Что за событие? – император и не старался скрыть нетерпение.

– Знать от многих племён, и лучшие воины от многих племён собираются на большое собрание – Курултай.

– И что за Курултай?

– По нашим сведениям там назначается единый хан для всех племён северо-западных степей.

– Как зовут его?

– Темучин.

– Темучин? Что-то припоминаю такое имя, но точно сказать не могу.

– Надо вспомнить те события северо-западных степей, когда он, вот этот тогда Темучин в союзе со старым вождём кэрэитов Тогрилом и в союзе с войсками Вашего императорского величества разбил сильное племя татар.

– Припоминаю те события. И что?

– Тогда от вашего имени и позволения я присвоил старому вождю кэрэитов Тогрилу звание «ван» – князь Поднебесной. А этому Темучину тогда ещё мужчине в самом расцвете сил, этому высокому статному богатырю степей от своего имени, от власти, назначенной мне самим императором Поднебесной, присвоил я звание «чжаохури» – «полномочный степной комиссар пограничных дел». Сам принц Вень-ян присутствовал на церемонии... (При упоминании этого имени невольно поморщился император). Он может подтвердить, как было.

– Припоминаю того развалину Тогрила, но Темучин... Не видел его никогда. И что из того, что он становится ханом всех дикарей. Да будь хоть трижды ханом, он, прежде всего, слуга Поднебесной империи.

– Конечно, это так, но...

– Что но? – императора начинала раздражать вот такая недосказанность, кажется, уже вошедшая в привычку министра пограничных дел.

– Когда присвоил старику Тогрилу от вашего имени звание ван-хана, то он радовался как младенец, которому подали яркую игрушку. Этот же Темучин выказал радость, но за этой радостью было скрыто что-то такое... Мне ли, старому чиновнику Поднебесной не разбираться в душах людей. Но вот душу этого человека я так и не распознал. Вот потому эта тайна и опасна для меня. Да ладно бы для меня, но для империи...

– От его тайны у тебя такое беспокойство? – кажется, императора ничуть не затронули все эти обстоятельства, душа которого так и стремилась окунуться вновь во все объятия чарующей музыки мандолин, да узреть полной негой плавно изгибающий стан, как одну из вершин бытия.

– Его серые глаза будто гипнотизировали тогда, навевая хищным огнём. Невольно подумал я тогда, что будь он не человеком, а зверем, то быть ему предводителем всех львов и тигров вместе взятых. В один миг, но подумал так. Хотя, он был тогда весь в ореоле почтения ко мне, как к министру пограничных дел великой империи. И понимал я, что это всего лишь виртуозная игра весьма искусного актёра. И говорил он тогда как истинный мудрец, будто сам даосский монах, тогда как старый Тогрил будто обезумел от неожиданного подарка на склоне лет, – говорил теперь министр как-то даже крадучись тихо, не обратив ни разу никакого внимания на всё вот это великолепие императорского дворца.

«Ух, как кошки извиваются...» – только и мог такими зловещими мыслями окинуть он всю вот эту, как казалось ему, беззаботно весёлую обстановку вместе со всей этой музыкой, тогда как глаза его старались выказывать одну лишь тревогу да озабоченность государственными делами, что и было ближе к истине и искренности одновременно. Этот приближающийся Курултай и представлялся ему вот таким предзнаменованием потенциально опасной ситуации для империи. Какое там спокойствие души.

– Хм, говоришь, как искусный актёр, – усмехнулся высокой мерой самодовольный император. – В твоих словах я понимаю, что сейчас же пора уделить самое пристальное внимание далёким степям северо-запада. Уйми свою дрожь. Что эта горсть песка, как этот Темучин со сворой диких племён, этот всего лишь чжаохури перед самым океаном. И это говорю я – император Поднебесной. Пусть правит своими кошечными кибитками да юртами, да исправно платит дань, а я уж через три года, как и положено, направлю войска, чтобы снова приуменьшить их численность, дабы не размножались слишком, да и перессорю эти жалкие племена, удумавших на единство. Для этих степных дикарей я – Алтан-хан, золотой хан. Какого ещё им хана надо? – злым блеском возгорелись глаза императора на вершине высокомерия. – Никогда не суждено взлететь этим степным червям, рождённым ползать, – и неожиданно самодовольный смех вот так разом мгновенных преобразений разразился при этом от императора всеильной империи, от этих завышено умных мыслей по рассуждению его. – Ступай, – затем послал его как можно подальше сквозь этот постигший довольный смех, так и, махнув вслед рукой, заплывшей от неги вслед за мозгами, такого же устройства, что и есть не больше и не меньше.

В подавленном настроении выходил Чен-сян из великолепного императорского дворца. На миг в глазах его показались обречёнными все эти люди под сенью благодной беззаботности, попадавшие ему по пути. Но отчего бы это? Он никогда не был предсказателем, всегда в делах, всегда в движении. «Какой же болван, пустоголовый болван, утонувший в луже хвастовства да высокомерия! Лучше бы этот степной чжаохури был императором Поднебесной...» – в пылу горячности взбудораженной души и промелькнул вот такие мысли. Знать бы, что недалеки они от тех самых предсказаний, от которых и отрекался. Вот так да! И не такие мысли взметнутся. Ох, и содрогнёшься.

Истина не дремала, окинув лукаво любопытным взором.

На следующий день над всем Яньцзинем нависла огромная чёрная туча и неожиданно повалил снежок, что таял сразу же, создавая мокрое земляное месиво на узеньких улочках многолюдного города. Крытый экипаж с занавешенными окошками, вместо колёс которому служили четверо довольно выносливых носильщиков, что говорило о некоем проявлении роскоши, ибо в большинстве своём имелись в наличии экипажа два носильщика, крепко держащих четыре выступающие ручки, был не столь приметен на оживлённой улице. Сколько таких? Свернув от основной улицы, ведущей своё начало от рыночной башни в переулок, носильщики свернули уже в другой переулок, а затем и пошли всякие разные переходы, до того узкие, что приходилось протискиваться сквозь некоторые из них. Проводник по этим лабиринтам, где и чёрт ногу сломит, продолжал свой неторопливый бег. Но ведь и носильщики, такие рикши, не отставали от него. Но вот, наконец, добежали. Видать, она и была та самая старая пагода с внутренним квадратным двориком, что всегда имел опрятный вид.

Во внешних стенах не было окон. «Это и к лучшему. Зачем лишние глаза». – подумал он, который ни за что не хотел бы лишнего свидетельства своего присутствия в таких местах, далеко не подобающих его рангу. Кажется, это подворье – типичный сыхэюань с одним выходом вполне надёжно в самом смысле истинного инкогнито. Заштатная рядовая пагода, крыша которой покрыта, весьма, серой черепицей, и есть олицетворение этого смысла.

Расплатившись с проводником, он отпустил его, надеясь, что носильщики запомнили дорогу и выведут как-нибудь его обратно из этого лабиринта всяких переулков, закоулков Яньцзиня. Во дворе его встречал мужчина примерно средних лет немного убогий на вид, но весьма услужливый, если судить по повадкам его.

– Надеюсь, доложили ему о моём визите? – спросил он тихо, оглядываясь немного, будто у стен имелись глаза и уши.

– Он знает, – коротко ответил встречающий, жестом предлагая войти внутрь.

Пройдя в комнаты с, весьма, скромной обстановкой он присел на низкий стульчик, предложенный ему. Оставалось ждать.

«Он слепой, но истинный провидец», – говорили ему про него.

Наконец, в комнату вошли трое. Двое из них за руки подвели того, к кому он и нанёс столь тайный визит. Усадив его напротив, те двое не поспешили удалиться, так и оставаясь за его спиной. Ну, что ж, их присутствие не так уж и раздражает его. Всех их сейчас объединяет таинственная аура над встречей, которую же он сам и облёк в тайну от всех, но прежде от тех, кто причастен к власти потому, как и он из власти, ибо высшей миссией визита и является радение за благополучие государства, которому он служит бескорыстно и верно.

Тот, к кому он явился, сидел перед ним, прикрыв веки, но те двое, стоящих за его спиной, проявили на слишком уж участливых лицах некое подобие улыбки, нет, скорее, усмешки, что и не скрылось от его бдительного взгляда по долгу службы. Похоже, над присутствующей аурой обратился некий зловещий оттенок. Ну. Что ж, пусть будет так. Он сам напросился на эту встречу.

Тот, к которому он нанёс визит, наконец, соизволил открыть глаза, что прикрылись веками, как тяжёлой занавесью. Но лучше бы не делал так. Мерзкий холодок прокатился по

спине, вносящий липкий холодок. Ехидные усмешки чиркнули огнём зловещим в глазах у тех, стоящих за спиной. Но что мог выражать взгляд того, к кому он и пришёл? А они выражали, ещё как выражали не естественную не гармоничность мира сего. Вздыхали на вершину самое, что ни на есть, уродство, торжествующее природное уродство, от которого и скрутит изнутри, и придёт во сне истинным кошмаром.

Вот такова была реакция его, что и бывает у каждого, и потому ехидные усмешки наложили зловещую тень на лица этих двоих, стоящих за спиной. Они знали, и видели не раз такую реакцию, одну единственную в таком роде. А что больше могут вызвать глаза слепца, что ярко белые белки навывкате, как мерзкое сияние, где зрачки и отсутствуют начисто?

– Министр пограничных дел Чен-сян пожаловал увидеть истину за изгибом будущего? – спрашивал голосом, достойным мрачной обстановки, невозмутимый слепец, этот оракул – обладатель другого взгляда.

– Да, мне важна истина будущего, – отвечал Чен-сян, немного оправившись от давящего впечатления.

– Истина касается тебя?

– Нет, скорее государства.

– Ох, хо-хо. Как же я забыл, что нанёс мне визит сам министр пограничных дел, – засмеялся голос замогильно, тогда как лицо с таким взглядом устрашающего уродства оставалось неподвижно каменным, открыто придавая мерзкому смеху присутствие неких зловещих сил. – Вот уж заботятся денно и ночью чиновники о благе государства, тогда как многие подданные императора вечно влачат саму нищету. Ну, да ладно. Что нам до них. Нам в этот миг важнее государство. Спрашивай.

– Что государство... – промямлил, было, Чен-сян немного с уязвлённым достоинством, но набравшись духу, сказал немного в другом ключе, не меняя суть. – Что ожидает людей, живущих на территории Цзинь, что ожидает столицу Цзинь, что ожидает меня, что ожидает тебя? – немного распалился Чен-сян и уставился нагло в невидящие глаза, мол, раз ты видишь по-другому, то покажи уж на самом деле.

– Тебе приснился сон и потому ты явился ко мне... – говорил предсказатель, чуть сменив тон.

– И я могу сказать то же самое. Приснился сон, прибежал ко мне, – уж в этом тоне Чен-сян не проявил никакого уважения.

– Тот человек с северо-запада... – начал было этот оракул лабиринтов тихо, даже вкрадчиво, где и нет подавно никаким подобиям усмешек, скорее, что-то похожее на тревожность, но умолк на время.

Одно лишь такое упоминание свело на нет забушевавшие, было, эмоции министра. Истинный провидец перед ним! Но вот то, что стало происходить дальше с этим прорицателем судеб людских и не только, заставило его содрогнуться в трепетном уважении.

Белки отсутствующих зрачков меняли свою сущность, меняя ужасную яркость уродливой белизны на блеклость, задумчивую блеклость, меняя даже суть пространства, в котором властвует одна лишь сосредоточенность. Другое озарение. Потому и затих в душе министр пограничных дел, ведомый тревожным ожиданием. Так и проходило время в гнетущей тишине, но наконец, оракул прервал молчание:

– Я не вижу, как все, простых вещей, я не вижу свет этой лампы, я не вижу дверь, я не вижу тебя. Из внутренних сущностей твоих возникает и витает над тобой вопрос – что же вижу я. Я вижу образы, образы будущего, ибо раскрыта передо мной завеса самой таинственности, под которой подразумеваем ожидающую предопределённость. Ты хочешь, прикрывшись интересом государства, заглянуть в глубины собственной судьбы, сокрытые тайной, сокрытые за стеной недоступности истинного могущества, что и есть время. Не каждому дано продвигаться разумом, войти самой сущностью в мир более просторный и потому богатый, чем вот

эта реальность обыкновенного бытия. Мой разум в данный миг шагает по другой долине, читая книгу Хаоса. Всё, что окружает нас, было сотворено, рождено из хаоса. И потому, находясь во власти хаоса, мне и видится предопределённость, сокрытая барьером времени. Я вглядываюсь в Хаос.

Застыли тени в злобещем свете лампы. Не шелхнутся в гнетущей тишине, сквозь которую ушли слова с загадочным шлейфом. Может, застыло и само время, как свидетельство редчайшего действия, творящегося под сводом необыкновенности.

– Что видишь ты? – спросил, наконец, Чен-сян, видя в этом слепце, что ни на есть, самого зрячего из всех.

– Обречённость империи. Обречённость этого города. Смерть витает над этой землёй. Но ведь и вызвали сами... – и замолчал оракул, в словах которого и открылся неведомо неотвратимый рок.

У двери слова провидца заставили обернуться его:

– В твоей судьбе предопределённость встречи с этим человеком.

Миновав лабиринты Яньцзиня, убогие окраины столицы, сиротливо примкнувших к центральной части, экипаж, то бишь носильщики, наконец-то вывернули на основную улицу, ведущую к рыночной башне. Предзакатным днём ощущалось оживление, большой оживление, нежели в тех местах, где он только что побывал. По большей части служащие возвращались домой, дабы на утро вернуться опять к делам государственных важностей, к делам империи, участь которой он вдруг посчитал предreshённой. «Уж слишком много вас развелось. Лучше бы пополнили войска императора. Бездарного императора, расплотившего всяких продажных чиновников», – зло подумал он. Не знал он значения того, что случилось с ним вдруг, будто охватило какое-то озарение, мрачное озарение, но увидел он другую картину перед собой. Что-то заложенное далеко изнутри, будто выждало своего часа и проявилось то ли галлюцинацией, то ли провидением. Быть может, все эти страхи недавних дней или вот эта неожиданная злость, или вот эта встреча с оракулом из лабиринтов и явились неким толчком к пробуждению неведомых возможностей. Он увидел ясно предопределённую участь этих людей. Неотвратимая смерть – как грозно нависший рок. Пожарище и груды тел. И смрад. И ворон стаи. Неужели та самая предопределённость? Чёрное дно глубокой впадины. Чёрный зигзаг реки-времени.

Пекин пережил и такие времена.

Он постарается, изо всех сил постарается предотвратить встречу с этим человеком. Надо убедить императора провести очередной рейд в северо-западные степи. На этот раз экспедицию небывалую по своей жестокости.

«Смерть витает над этой землёй. Но ведь и вызвали сами...» – злобещим отзвуком раздались те самые слова оракула, как напоминание о том, что и вызвали грядущую бурю сами же чжурчжени. И надо было с незапамятных времён, будучи сами кочевниками, совершать набеги в северо-западные степи? И надо было, будучи империей, посылать войска, даже через каждые три года, уничтожать племена степей лишь ради того, чтобы приуменьшить их, дабы этим и обезопасить империю Цзинь. И надо было казнить их предков, вождей племён да ханов, пригвоздив к деревянному ослу, дабы утешить эти племена северо-западных степей? И вот оно возмездие, о котором и не подозревает бездарный император, как и всё нынешнее государство с его продажными чиновниками. Что-то не зря этот вертлявый принц Вень-ян якшался с этим смотрителем каравана дани. Чересчур уж хитёр да умён тот степняк. Он постарается...

Дано ли щепке удержаться против мощного течения, против волны гиганта цунами?

«Наверное, если бы держава Дария не была полностью покорена Александром Македонским, то персидские авторы того времени с удовольствием писали бы о миллионных македон-

ских армиях. Между тем армия Александра Великого никогда не превышала пятидесяти тысяч человек, и количественно значительно уступала персидской, в той же мере превосходя её качественно. С полным основанием этот вывод можно отнести и к монгольской армии», – российский писатель, историк, педагог Доманин Александр Анатольевич. «Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники».

«Вооружение монголов превосходно: луки и стрелы, щиты и мечи; они самые лучшие лучники из всех народов», – Марко Поло.

«Бронемашина или лёгкий танк выглядит прямым наследником монгольского всадника», – британский теоретик механизированных подвижных соединений Лиддел Гарт.

«Кроме коня «чудо-оружием» монголов может считаться и так называемый «сложный лук». Несколько частей из различных пород дерева. Кости и рога подгонялись друг к другу и склеивались животным клеем. В результате появилось оружие, в умелых руках немного уступающее по точности и дальности стрельбы огнестрельному...

Даже обычный воин мог с расстояния 100 метров пробить кольчугу врага. При этом скорость стрельбы была значительно выше, чем из мушкетов и ружей. Стрелять на полном скаку монгол начинал с трёх лет.

...Для неповоротливых европейских армий такая маневренная война была непостижимым кошмаром. Монголы же воевали «умением, а не числом».

...Чингисхан оставил своим потомкам войско численностью всего 129000 воинов, но оно, скорее, напоминало современную армию в Средневековье», – историк Григорий Козлов. «Темучин – каратель неразумных». Журнал «Вокруг света» 2006 г.

Выстраивались рыцари перед встречным ветром, вставал цвет рыцарства Европы в решительности полной перед таинственным воинством, лица воинов которого были страшны, не видывали таких, и в страшном сне не привидится. Узкие расщелины глаз, из которых будто изрыгался чёрный огонь, были хищны, издалека ощущалось, все безбородые, усы кистью тонкой, видать, из неведомых глубин Азии выковались воины дьявола.

– Bog! Honor! Ojczyzna! Бог! Честь! Отчизна! – что есть силы, вобрав до полноты в лёгкие воздуха, вскричал, будто истошным ором, боевой клич рыцарей Польши отважный князь Генрих Благочестивый, дабы из всех сил встряхнуть, придать непоколебимой мощи боевому духу, повернувшись прежде к своим воинам, рыцарям земли силезской, земли польской, а его уже подхватывали рыцари из других орденов, что вместе плечом к плечу встали на Добром поле за ясный Свет Европы.

– Vivedieusaintamour! Да здравствует бог святая любовь! – издавал торжественно ли криком ярости клич рыцарей ордена тамплиеров Антуан Бесстрашный, хотя, смыслом слова такие должны бы произноситься в каком-то ином тоне, уж никак не в поле боя, но была в его крике полная решимость от тех гордо отважных рыцарей-тамплиеров, когда и зарождался сей славный орден во имя защиты странствующих паломников в далёко святую землю.

– Gotmituns! Бог с нами! – криком уверенности провозглашал клич рыцарей Тевтонского ордена земли германской славный Конрад Доблестный.

От таких, ором ли клича боевых всякие птицы, вороны, давно ль ожидающим полётом пира, вспорхнут напугано. А затем рыцари Европы сплошь все в устрашающих шлемах одним мерным тактом мечами пробивали барабанной дробью по широкой груди облачением железных доспехов, что и вознёсся полётом орлиным, так извзвизрился, неистово взвинтился дух боевой. О, рыцари, рыцари...!

Противная сторона демонов ли, этаких воинов из ада преисподней продолжала хранить нависшее молчание в такой же демонической неподвижности. Неужто их не пронял боевой клич рыцарей иль неистовость молчания и есть некий клич этого воинства дьявола?!

Зашевелились в первых рядах этого войска Антихриста ли, то с места принимали вскачь передние ряды дьявольского войска, и поначалу поскакали куда-то в сторону вбок, затем образовав дугу, разворачивались той же дугой, дабы пронестись на расстоянии. И увидели, видели благородные рыцари, что в руках этих всадников-воинов не пики, не мечи, не сабли, а у каждого по пруту в несколько штук, что у каждого топорщились, а то и развевались, то ли веером в руке у каждого. Что за чертовщина?!

Подскакивая близко в молчании полным, воины-всадники кидали прутья на весенние травы Доброго поля земли силезской. В этом ли усмотреть некий замысел дьявола? А всадники из неведомых глубин Азии продолжали такое магическое действие, такой непонятный манёвр. Но вот поскакали другие всадники-воины от противной стороны, в руках которых опять были не пики. Не сабли, не мечи, у каждого по горящему факелу, и тогда доходил смысл до каждого рыцаря смысл всей этой маневренности. И крепче сжимались мечи рыцарей.

Тем временем выдвигались другие всадники-воины в руках которых опять же не было никакого намёка на оружие, то несли они странные бурдюки, что были не так округлы. И подскакивали они к возлежащим хворостам, уже объятых пламенем. И выбрасывалось содержимое бурдюков, и затухали пламени, тогда как над полем начинало чадить не чёрным, синим дымом, а ветер, ветер именно в лицо гнал и гнал дым в глазники шлемов, что стоило помотать головами, но как глаза протереть. Но доставалось и глазам коней рыцарских, что от едкости само собой разрывался строй единый. И доходило понимание того, что это лишь предтеча, такое вот начало безумного восшествия злорадно дьявольского ада.

Всколыхнулся порывом неистовости следующий строй азиатских воинов. И безудержноuscoлыхнулся воздух Вальштатта от дико яростного крика, что вздыбилось боевым кличем воинства таинственного: «Урагшаа!!!»

Сжал крепко свой меч в пламени негодования сам Генрих Благочестивый, сам силезский князь священной польской земли. И повёл в атаку, и в момент такой торжественности яростного мига со всей болью ударило, вдарило по левому глазу, и далее брызнуло кровью по всей внутренней стороне шлема, покрытого материей, что сразу увлажнилась. И далее ниспадал с коня медленно благородный рыцарь земли силезской на травы, весенние травы родной земли, что в последний миг перед затемнением от света нынешнего бытия искрой быстротечности успел лишь подумать о матери, ожидающей в высоком замке Легницы.

«...он при назначении на высшие должности по войску и по администрации никогда не руководствовался только происхождением, а принимал в серьёзное внимание техническую годность данного лица и степень его соответствия известным нравственным требованиям, признававшимся им обязательным для всех своих подданных, начиная от вельможи и кончая простым воином. Огромную помощь в таком выборе сотрудников оказывало свойственное ему, как и большинству гениальных людей, глубокое знание человеческой души и умение распознавать людские характеры. ...

Вот на такой иерархической лестнице, слюдми такого психологического типа в качестве начальников и строил всю империю Чингис-хан, который будучи типичным монголом и человеком этого типа, искал и черпал таких же людей среди кочевых народов. Кочевые народы, то есть монголы, давали больше второго типа людей, так как они были религиозны оседлых, в силу кочевого быта они не накапливали движимое имущество, а потому и не впадали в соблазн из-за страха потери его кривить совесть, изменять.

Чингис-хана в оседлых народах отталкивала алчная приверженность к материальному богатству, не всегда честно приобретённому, высокомерное, оскорбительное обращение с низшими и униженное пресмыкание перед высшими. В их политической жизни он видел карьеризм, предательство и измену», – калмыцкий общественный деятель, доктор Эренжен Хара-Даван. «Чингис-хан. Как полководец и его наследие». Белград. 1926 г.

«К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников, и кончая рядовыми воинами, Чингис-хан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он ценил, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые особенно преследовал у своих подчинённых: измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингис-хана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести; поэтому они способны на трусость и измену. Когда такой человек подчиняется своему начальнику или господину, то делает это только потому, что сознаёт в этом начальнике известную силу и мощь, способную лишить его благополучия или даже жизни, и трепещет перед этой силой. За своим господином он ничего не видит, он подчинён только лично этому господину в порядке страха, то есть, в сущности, подчинён не господину, а своему страху. Изменяя своему господину или предавая его, такой человек думает тем самым освободиться от того единственного человека, который над ним властвует, но делая это из страха, своей привязанности к жизни и к материальному благополучию и даже утверждает в рабстве. Такие люди – натуры низменные, подлые, по существу рабские; Чингис-хан презирал их и беспощадно уничтожал. На своём завоевательном пути Чингис-хану пришлось свергнуть и низложить немало царей, князей и правителей. Почти всегда среди приближённых и вельмож таких правителей находились изменники и предатели, которые своим предательством способствовали победе и успеху Чингисхана. Но никого из этих предателей Чингисхан за их услугу не вознаграждал: наоборот, после каждой победы над каким-нибудь царём или правителем великий завоеватель отдавал распоряжение казнить всех вельмож и приближённых, которые предали своего господина. Их предательство было признаком их рабской психологии, а людям с такой психологией в царстве Чингис-хана места не было. И наоборот, после завоевания каждого нового царства или княжества Чингис-хан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоёванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингис-хан и хотел строить свою государственную систему. Люди такого ценимого Чингис-ханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обеспечить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живёт особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти. Уважая самих себя, они уважают и других, хранящих тот же внутренний устав, особенно тех, кто свою стойкую преданность этому уставу показал на деле. Преклоняясь перед велением своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором всё имеет своё определённое, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуется своему непосредственному начальнику, он повинуется не ему лично, а ему как части известной божественно установ-

ленной иерархической лестницы; в лице своего непосредственного начальника он повинуетя ставленнику более высоко стоящего начальника, являющегося в свою очередь ставленником ещё более высокого начальника и так далее, вплоть до верховного земного повелителя, который, однако, мыслится тоже как ставленник, но ставленник не человека, а Бога. Таким образом, человек рассматриваемого типа всё время сознаёт себя как часть известной иерархической системы и подчинён в конечном счёте не человеку, а Богу. Измена и предательство для него психологически невозможны, ...

Чингис-хан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших государств, он продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчинённость высшей воле и смотреть на себя как на орудие в руках Божиих.

Подразделяя людей на две вышеупомянутые категории, Чингис-хан это подразделение ставил во главу угла при своём государственном строительстве. Людей рабской психологии он держал тем, чем только и можно их держать, – материальным благополучием и страхом. Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Евразии и части Азии, обеспечения безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавал для жителей монархии Чингис-хана такие благоприятные экономические условия, при которых их стремления к материальному благополучию могли получить самое полное удовлетворение. С другой стороны физическая мощь его непобедимой, не останавливающейся ни перед какими препятствиями и беспрекословно ему повинующейся армии и неумолимая жестокость его карательных мероприятий заставляли трепетать людей, привязанных к своему физическому существованию. Таким образом, люди рабской философии были у Чингисхана в руках. Но этих людей он к правлению не подпускал. Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингис-хан. И если прочие подданные видели в Чингис-хане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нём прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала», – выдающийся лингвист, философ, князь Трубецкой Николай Сергеевич из рода Трубецких, восходящему к древнему роду литовских и русских князей Гедиминовичей под псевдонимом И.Р. «Наследие Чингис-хана». Берлин. 1925 г.

На следующий год весной, когда трава в степях во всю позеленела, набирая силы восхода, когда зная доведя до своих племён слова воли Великого Курултая, Чингисхан собрал малый курултай, на котором собирався обсудить со своими военачальниками и нойонами текущее и будущее степей, объединённых отныне велением Великого Курултая в единое государство. В просторной ханской юрте собрались военачальники и нойоны, усаживаясь точно по рангу. Пора уж было начинать, как вошёл в юрту довольно запоздавший шаман Кокчу, которого он и не звал на курултай. Вошёл и прошёл без уважения к церемониям к тому месту, где и восседал он – хан всех степей, толкнув небрежно Джэлме, он присел важно, чинно по левую руку от него. Толкнуть небрежно Боорчу, и сесть по правую руку от него он на этот раз не решился. Знал, что его уж очень высоко ценит Темучин, как того самого первого нукера, с которым и начинал «собираение степи». Но и Джэлме для него так, же, дорог.

– Тебя не звали, ты пришёл. Тебя не звали, ты опоздал, – проговорил не тихо Джэлме, и при этом не побоялся взглянуть в упор в глаза этому шаману, союзнику всесильности, как считают многие.

Тишина усугубилась. Все ждали, что может случиться с Джэлме, посмеявшегося вот взглянуть в страшные глаза всемогущего шамана, над которым покровитель само Вечное Синее Небо. Но нет, ничего такого не случилось. Но прозвучал ответ шамана, заставивший вздрогнуть всех, но прежде Джэлме:

– Не скакать долго по степи тому, кто смеет противоречить верному слуге Вечного Неба, но в особенности в год тигра. Если одумаешься ты, низкий рангом сын кузнеца, то могу помолиться за тебя перед карающей десницей Вечного Неба, потому как я и днём, и ночью, не зная сна, не зная отдыха, молюсь за всех вас.

Тишина усугубилась, ибо тот, кто и открывает каждый курултай, будь военный или не военный, молчал. Внимание от «чёрного» шамана, а так и подумали все в этот миг, перекинулось на того, над кем и воссияет сияние Вечного Неба. Но тот молчал? Какие думы посетили его?

Он давно стал замечать несносное поведение этого шамана Кокчу, которого и выделил среди всех остальных, имеющих связь с Вечным Небом. Но абсолютное покровительство? Не ему ли в раннем детстве, тогда ещё в степи под закат огромного красного солнца говорил ему отец Есуге, что родился он с печатью от Вечного Неба в виде сгустка запёкшейся красной крови, что и обозначил само предопределение, саму метку от Вечного Синего Неба. Вот над кем истинно и взяло оно высшее покровительство. И понимал он, а сейчас как никогда, что были нужны они друг другу по этому тернистому пути на вершину. В какой-то мере они и были в одной связке. Но не назвать эту связку чистой, благородной. И потому, что наделены они особенным признаком, идущих от души к глазам, что и выражают разные сущности и без всяких слов.

Годы детства и отрочества, полные лишений, неожиданных предательств, гнусных вероломств определили вот такой взгляд, вот такой подход к людям. Он твёрдо оценил в людях две противоположные стороны от разных характеров. Он твёрдо определил людей на две категории. В первую категорию он отнёс людей, наделённых такими добродетельными качествами как благородность, верность, преданность, стойкость. Во вторую категорию он относил людей, наделённых такими низменными качествами как измена, предательство, трусость. Конечно, шамана трудно отнести к людям второй категории, ибо у него не проявились вот эти низменные качества. Но и к людям первой категории его нельзя отнести. Пожалуй, среди всех присутствовавших на Великом Курултае он, шаман Кокчу, и был единственным, кого и обошли вот эти добродетели души, к которым он относится с уважением, с большим уважением. Вот уж кто начисто лишён всякого благородства.

Расположение и покровительство Вечного Синего Неба вели его на эту вершину. И благородство человеческое тоже. Скорость памяти в миг выхватывает те дни, те случаи, когда он шёл по лезвию заострённой сабли, стоял зыбко на острие наконечника копья.

Деревянная колодка, туго стиснувшая шею, удерживала его в глубокой воде небольшой реки. Сам Таргутай-Кирилтух и его тайчиуты пировали на празднике «обо», помолившись Вечному Синему Небу о подаянии дождя и всех благ, которые и возможны под взором Вечного Неба. Напился и стражник, охранявший его, дабы тоже получить дары свыше. Сейчас или никогда. Он оглушил деревянной колодкой пьяного стражника и побежал в степь. Но что степь, на виду, как на ладони. Повернул к кустарникам, что могли обозначить реку в степи. В них и скроется, если что. И оно, это что не замедлило проявиться без замедления погоней за ним. Легко было ему определить пьяные окрики в степи. Но смогут ли они определить его? Река. Оставалось одно, как войти в него. Под крутым обрывом глубина оказалась поверх головы, что вот эта деревянная колодка и удерживает его.

Гнетущая тишина господствует на курултае. Ушёл в свои мысли хан ханов, будто потерялся. И стихли военачальники, одарённые мудростью, и стихли сильные, отважные духом

кешиктены. Лишь этот шаман глядит поверх, оседлав коня высокомерия. На какую же вершину взметнулся он, за душой которого нет и горсти боевых подвигов?

Ушёл в свои мысли хан ханов в гнетущей тишине курултая. Что и не шелохнутся кешиктены, и военачальники тоже, устремившие в едином порыве взор на него. Но знать ли им, с какой бешеной скоростью мчится он от памяти к памяти.

Взгляд этот внимательный не угадать. Не распознать нельзя. Кто ты, человек над обрывом, узревший его убежище в холодной стылой воде неизвестной реки.

– Ты видишь здесь его? – пьяный голос прорезал ночь в степи.

– Здесь нет никого, – ответил человек над обрывом.

– Видать, ушёл в другом направлении, – и отдалился от берега владелец пьяного голоса, за которым последовали несколько таких же голосов.

Заиндевевший страх уступает место полному удивлению. Проходит ещё время, дающее утихнуть ушедшим голосам, когда говорит человек над обрывом:

– Вот за это тебя и боятся. Вот за это и держат тебя в деревянной колодке. Подожди немного. Я вернусь и освобожу тебя от колодки.

То был Сорган-Шира, батрак Таргутай-Кирилтуха из племени сульдуз. Не побоявшись жестокой кары, он, его сыновья Чимбай и Чилаун, его дочь Хидаун, упрятали его надёжно у себя, а затем, под покровом ночи дали ему коня. Так он был спасён провидением Вечного Неба и сердцами благородных людей.

От памяти к памяти. Прикрыл веки, чтобы не угадали, не увидели кешиктены и военачальники, но прежде этот шаман, оседлавший коня высокомерия, какой бушующий вулкан извергается изнутри. Но он подавит, чтобы не нарушить эту совсем ненужную тишину, что представилась сейчас одним из важных моментов в его сильно сложной жизни. От памяти к памяти.

Джэлме. Вот на кого решил задираться этот шаман, поставивший верхом положения самое непристойное поведение. Джэлме. В миг память примчала к той станции жизни. Та битва против тайчиутов. 30 куреней Таргутай-Кирилтуха, что составили 30000 всадников, напали тогда, когда его племена кочевали с летних пастбищ на зимние пастбища. Та битва против явно численного превосходства, которую укрепили и воины его анды, его названного брата Джамухи, в котором он вышел победителем. Но он получил в том сражении ранение стрелой в шею. Джэлме высосал ненужно запёкшуюся кровь, а затем, совершенно рискуя, пробрался во вражеский стан, чтобы добыть кумыс, что он и сделал. И утолил его жажду кислым кумысом. Как зыбко было в ту ночь, когда он отбивал атаку смерти. Не узнает никогда он, что через столетия напишут, что тогда грядущая победа висела на волоске, что та ночь противоборства со смертью решала значение самой мировой истории. И не отбей он атаку смерти, то быть бы миру совсем в другом виде, не той, которая предстаёт сейчас. Так напишут.

Расплывчатый взгляд в гнетущей тишине тут же охватывает одного из самых одарённых военачальников.

Прошло несколько дней после той битвы. Рана совершала крутой восход на заживление. И пора было браться за торжество победы в этой битве. Пока шло приготовление, заметила стража и указала на одинокого всадника в степи, чей конь не скакал, предпочитая понурый ход. Стоило подождать его, быть, может, весть, такая из рода неприятных, раз у коня понурый ход. При приближении увидели всадника с заострённым взглядом, из которого вырывалось мужество души. Но почему один? И удивление взлетело ввысь, когда узнали все, что он из войска побеждённого Таргутай-Кирилтуха. Так что же его привело в стан победителей?

– Я тот самый, чья стрела поразила шею вождя победителей... – говорил тихо этот человек, обладатель той самой стрелы, что повергла недавно Темучина на пропасть от жизни и смерти.

– Снести ему голову? – раздался мгновенный клич Джэлме, в руке которого и блеснула молнией кривая сабля, но не в единственном числе, ибо руки всех воинов тут же озарились блеском обнажённых сабель.

– Пусть скажет, – остановил их Темучин.

– Я сейчас перед тобой всего лишь горсть песка, которую можешь одним пинком превратить в прах, что и не останется от меня и пылинки. Но я пришёл и признаюсь, потому что вижу я перед собой самого достойного хана во славу всех степей. Я перед тобой весь в зависимости от твоего решения... – говорил тихо этот человек истинного мужества и благородства, что подвигнулся он, Темучин, заодно и призвав уважение к этому человеку.

– Ты готов верно служить мне?

– Я буду готов и на погибель за своего хана, великого хана.

– Как зовут тебя?

– Джиргуадай из рода Исут.

– С этого дня ты Джэбе. Мой наконечник копья. И будешь так же разить моих врагов, как недавно сразил меня.

– С благодарностью готов исполнить любой приказ от воина Вечного Синего Неба.

Гнетущая тишина от непредвиденной обстановки заставляет мыслям, подобно стремительным птицам, вздыматься от памяти к памяти, от станции жизни к другой. Расплывчатый взгляд уловил и родного дядю Даритай-отчигина. Огонь злорадства вспыхнул в глазах затаённых. Вот уж кто был на Великом Курултае ещё одним кроме этого шамана Кокчу, не наделённым никакой степенью благородства. Злорадствует унижению друга. Смотрит на его нынешнее положение. Что ж, злорадствуй, время потерпит. От памяти к памяти.

Одна из ранних станций жизни, когда он был счастлив, упоён беззаботным детством. То был жив отец – Есуге-багатур. Он с душой весёлой, радостной обходил всегда юрты большого, огромного куреня отца, а значит и всей их семьи. С почтительным уважением кланялись ему. И он отвечал им тем же. Не знал он тогда, что в ближайшем будущем они и отвернутся от семьи вождя.

Проходя мимо одной богатой юрты, он случайно услышал один разговор, скорее говорил один. Прошёл бы мимо, какое дело ему до всяких разговоров, но остановился. Разговор шёл о нём, совсем ещё мальчонке девяти лет. И голос был знаком. Догадаться, не трудно, ибо говорил хозяин богатой юрты. То был дальний родственник семьи, то был Таргутай-Кирилтух. Говорил он тихо, будто боясь, что услышат его, но он слышал:

– Я однажды прибыл после перекочёвки с летних пастбищ. Прошло два года, но я никогда не забуду тот закатный день, никогда. Такое уж не забудешь. Уставший конь подо мной едва обретался тихой иноходью, когда он вдруг ни с того. ни с сего встрепенулся неожиданно и взбрыкнул, чуть не сбросил меня с седла и задрожал. Я подумал – змею увидел. По велению Вечного Синего Неба есть два живых существа, не терпящие друг друга. Вы это знаете. Это лошадь и змея. Какой бы ни был объезженный конь, но он всегда взбрыкнет, увидев даже в отдалении эту поганую тварь. И ни одна змея не подползёт в степи, дабы ужалить, если ты пропах лошадиным потом. И подумал я тогда, может змей прополз где-нибудь. Огляделся зорко вокруг – не было никакой змеи. Но была коновязь, возле которой стоял какой-то мальчонка. О, Вечное Небо! От этого мальчика взбрыкнул конь и задрожал. Он устремил взгляд в глаза коня. Я присмотрелся к нему, устремил свой взгляд на него. О, Вечное Небо! Лучше бы я не делал этого никогда. Я взглянул в бездну ада. И по мне прокатилась дрожь. Его немигающие глаза зелёным отсветом будто пронизывали насквозь, будто душу выворачивали наизнанку. Но я узнал этого мальчика. И знаете, кто он был?

– Кто? – несколько повышенно любопытных голосов рванулись в нетерпении.

– Это был старший сын Есуге. Темучин зовут его. Помните, он назвал первенца в честь того отважного воина из племени татар, которого он взял в плен. Отвага и сила воина после смерти перейдёт к тому, кого и назвали в честь его. Вот потому он и казнил того пленника.

– Говорят, при рождении у этого первенца Есуге на ладони был твёрдый сгусток крови. Это знак от Вечного Синего Неба... – этот голос был незнаком ему.

– Вот будет рад Есуге-багатур на старости лет, – продолжал Таргутай-Кирилтух, – далеко пойдёт его сын, далеко вскинет крылья этот орлёнок, взглядом накидывающий дрожь. Эх...

После неожиданной смерти отца он и увидел зло радостную душу Таргутай-Кирилтуха, как он и не пытался изображать тогда непоправимое горе в связи с потерей такого родственника, самого вождя племён. А уж потом пошли такие времена, что оказались они в одной крепкой связке ненависти.

Пронизывающим взглядом видит он, как довольно торжествует изнутри его дядя – Даритай-отчигин. Не смог он раньше, как следует не то, что досадить, но нанести урон ему, племяннику брата, так пусть сегодня в день курултая его родной племянник, пусть и хан ханов, получит хоть какой-то щелчок от этого шамана Кокчу. Гнетущая тишина.

Птицы памяти примчали к Великому Курултаю, к которому он шёл через тернии к звёздам судьбы. С возвышения видит он урочище Делюн-Болдок, упирающееся о берег Онона, где и родился он, первенец у матери Оэлун на радость отцу Есуге-багатуру. О, воля Вечного Синего Неба!

Прежде чем сказать, он устремил тогда взор к священной горе Бурхан-Халдун, священный дух которой всегда покровительствовал ему, ведя по тернистому пути, где из-за каждого поворота поджидала смерть. Но вопреки всему он оставался жив и дошёл до Великого Курултая.

Он годами собирал степь, но, прежде всего, в духовном плане. Вся знать племён была введена в это поверхностное состояние от первых же слов его. Он говорил и это запомнят, и это дойдёт до самых глубин души с учащённым биением сердец.

В этом состоянии каждый заглянул в тайники собственной души. Он говорил, тогда как затаённое дыхание и тихое молчание окутало всё вокруг, что и не шевельнутся степные травы, и тучи разойдутся, и ветер не посмеет. Он говорил слова из самых волнительных глубин души, что сердце возгорелось. И потому его слова из этой пламенной речи произведут впечатление небывалой силы, дойдя проникновенно до самой глубинной сути вздыбленных сердец. Его слова будут важным смыслом для каждого воина, для каждого монгола нового народа. Все они вместе будут как единый кулак. И тогда их не победить.

Он говорил особым языком, в котором выразил необыкновенно ярко и образно величие духа нового народа степей. Вечное Синее Небо взял он в свидетели его словам и в покровители. Такого ни один курултай не видел, не припомнит, когда один человек сполна представил саму вершину великого искусства убеждения.

Ждут его слов в гнетущей тишине, когда он сидит, неподвижно прикрыв веки, что закрыли бушующий пламень души. Никто не видит. И лишь шаман, думающий о покровительстве Вечного Неба, выпускает самодовольный вид, ничуть не подозревая, ничуть. Он будет говорить:

– Двадцать лет собирал я степи не для того, как усаживаться на курултаях, где на каких местах восседать согласно происхождению или не происхождению. Я собираю курултай дабы сказать свои слова, дабы послушать ваши слова. Сегодня скажу другое...

То было другое, и то был другой, будто послан повелением Вечного Синего Неба, а, может, так и было. Раскрылись веки, и устремил он неподвижно остекленевший, холодно дикий взгляд на шамана Кокчу, на его переносицу. То было сравнимо с исчадием ада, с наказанием, ниспосланным свыше.

Вот оно – внутреннее состояние, которое изливает неотвратимо бушующей силой холодно хищный дух, примеривший одежду, каковым и явился взор, которому и дьявол позавидует. Но не позавидовать тому, на кого он и обращён неистовой силой.

Этот, сидящий не по праву слева, представился ему жареной тушей барашка на вертеле над тлеющим костром. Вкусный запах заполняет ноздри, тогда как пора детства после смерти отца – копать впроголодь корни трав, да ловить сурков уноры.

Этот, сидящий не по праву слева, представился застывшей мышью, тогда как он представился голодным змеем, устремивший неподвижно остекленевший, холодно дикий взгляд, в глубине которого и застыл хищником огонь неизвестной, но страшной сути. И не снести ему сосредоточенно ровного, но неимоверно мощного, тяжёлого взгляда истинно хищного духа истинного воина, что и пронизывает насквозь. Когда-то и от детского взгляда его шарахнулся конь Таргутай-Кирилтуха.

– Родственники даны нам с рождения, мы их не выбираем. Был бы выбор, разве мог бы выбрать я в родственники моего дядю Даритай-отчигина, – говорил он в гнетущей тишине, тогда как дядя и съёжился под обращёнными на миг взорами всех на курултае, ибо знали все его довольно бесславную историю. – Но к счастью нашему по велению жизни дано нам выбирать себе друзей. И это выбор разума и сердца души. Я выбрал в друзья Боорчу, он помог мне отбить моих лошадей. Мы вдвоём подростками противостояли против превосходящих сил взрослых мужчин, которых и одолели хитростью да смекалкой. Я выбрал в друзья Джэлме, он высосал из раны ненужную кровь и достал в стане врага кумыс, когда замучила меня жажда в бреду, – говорил он в гнетущей тишине, и Джэлме расправил мощные плечи, и знали все его славную историю. – Но не дано никому рангом своим унижать моих друзей, оскорблять их достоинство пресловутым рангом своим. И потому не бывать тебе Кокчу никогда на курултае, дабы не испортил изгнившим настроением своим сам воздух курултая, на который впредь и будут собираться лишь воины, благородные духом, – обратил он и взор свой на дядю Даритай-отчигина, но без слов в его адрес, тогда как тому и не было далее пространства съёжиться более. – Иди, беги лёгкими ногами с этой юрты. И если что случится с тобой, я и овечьей шкуры не поставлю за тебя, – таковым было обращение к Кокчу.

Застыло всякое движение в этом воздухе, напряжённом, что и всякий мускул не шелохнётся. Голос Чингисхана, как холод льда в заиндеветой стуже, как остриё холодного клинка разящего, вонзил, пронзил всё вокруг, что и ветер не посмеет ворваться в души застылых сердец. Вот так и всколыхнётся в завихрении неистовом тихая рябь на глади тихой воды. Что невыносимый скрежет по железу перед этим звуком голоса от невыразимого достоинства страшного духа, но и благородства высокого несоизмеримо.

Неужели понадобилось такое невыносимое выражение ярости в виде этого взгляда, поражающего всего и всех? И этих слов от самых глубин души? «Родственники даны с рождения, друзей мы выбираем в пути жизненном». Он не выбран в друзья этим человеком, мощь духа которого и разум рассудительный которого он использовал для достижения своей цели, именно своей личной цели, ибо какое-то величие степей пасынком устилало дорогу другому величию, одетому в одежды себялюбия, прежде всего. Какое дело ему до степных людей, муравьями копошащихся по степи. Так и думал, что они и будут таковыми на все времена, пока и всходит, и заходит солнце. Но нет, он проиграл, заведомо проиграл тому, у кого и была великая цель от мечты светло величественной – поднять на вершину вот эти самые степи. Потому и пошли за Темучином, а не за ним, у кого и в помыслах не могло быть даже и подобия. Теперь, когда и ощутил под собой не почву твёрдую, а само остриё лезвия ножа, лезвия бритвы, поймал эту мысль, которая безнадежно и обивала пороги, когда и брюхо в сытости, и голова в покое. Но неужели она не смогла прорваться раньше? В юрте на этом курултае, как и по всем степям давно уже не те люди некогда враждебных и не враждебных племён, живших сами по себе в просторах степей. Другое время. И эти люди на курултае, которых знал и не знал, другие люди.

Они – монголы! Не одно лишь повеление Вечного Синего Неба им указ. У них перед глазами есть живой бог – Чингисхан! И вот сейчас будто свежим ветром ворвались эти думы, когда он и балансирует вот так по лезвию бритвы. Запоздалая мудрость.

Не узнает шаман, как и сам многолетний собиратель степи, как и все в этой юрте и за его пределами, что и через восемь столетий Чингисхан и будет воплощением бога у монголов, бурят, калмыков. Такая мысль, как предсказание, и к порогу не подступила в начале и в пору эры сотрясений.

Поплёлся к выходу, ведомый силой неотвратимо непоколебимой, сторбленный шаман Кокчу, тогда как брат Чингисхана Хасар провожал его взглядом усмешки, а другой брат Чингисхана Темугэ так и норовился вызвать шамана на борьбу, он им нанёс обиды, что не забыть.

Ну, а кешиктены, эти верные воины личной гвардии, у выхода провожали его взглядами, что и сверкнули загадочно хищным огнём.

Через несколько дней нашли шамана Кокчу мёртвым, с переломанным хребтом. Говорили, что его на борьбу вызвал младший брат Чингисхана Темуге, отличавшийся громадной силой, да сноровкой искушённого борца. Конец шамана оказался без пролития крови, как и положено людям высокого ранга. Но также поговаривали тихо, что возникла какая-то ссора с одним из кешиктенов личной гвардии великого хана. Но вскоре затмилась эта история, ибо приближались совсем интересные времена, каковых никогда прежде и не было в степях от реки Селенги на западе до рек Онон, Керулен на востоке, от лесов Баргуджин-Тукум на севере до самых распалённых пустынь Гоби на южной оконечности.

На следующий курултай дядя Даритай-отчигин не явился, сославшись на наступающую старость, предпочитая тихий уголок где-нибудь в просторах степей, где исчезли всякие войны между племенами благодаря его племяннику. Племянник и пошёл навстречу, выделив ему тихий уголок с юртами, да слугами в придачу. Встречай совсем спокойно, без забот всяких для сердца изгнившего, конец своего бесславного пути.

А на следующем курултае, не отвлекаясь на какое-либо другое, и решались дела, что в последующем и сотрясут вселенную.

7

«Победа монголов над рыцарями знаменательна тем, что под Лигницем выявилось превосходство военного искусства Азии над Западной Европой, так как монголы были у себя в Азии первыми, а рыцари – в Западной Европе. Эта победа монголов над рыцарством доказала полную возможность завоевания монголами всей Западной Европы», – калмыцкий общественный деятель, доктор Эренжен Хара-Даван «Чингис-хан. Как полководец и его наследие» Белград 1926 г.

Едва ль утихал порывистый ветер в спину над весенними травами Доброго поля, развеивая гривы коней, притихших в ожиданье ли громового клича «Урагшаа!!!»...

Монгольская конница, как всегда, единым строем ждала противника, ждала тех, что стягивались значимо неспешно к краю силезского леса, что напротив. То были воины, облачение которых было никогда неведомо монголам, как и сами воины, о которых и были наслышаны. То стягивались германские рыцари Тевтонского ордена, рыцари ордена тамплиеров из земли франков, да рыцари воинства польского князя Генриха Благочестивого.

Монгольская конница Байдара, отделившись от основных сил, носилась с одиозностью ли ора «Урагша!!!» устрашающего, рывок за рывком проносясь ураганным смерчем вдоль бере-

гов Вислы, Одера, над расцветающими долинами, пробуждающимися от тихой зимы, над прекрасной землёй прекрасной Польши.

А тем временем основные силы монгольской конницы во главе с самим Бато, да с самим Субудэй-багатуром, перемахнув через Карпаты, уже рысили в сторону Больших и Малых равнин венгерской земли. От них также отделился в южном направлении тумены Хадана, рванувшие через Молдавию в земли Трансильвании и дальше до берегов моря Адриатики и дальше в земли некогда расцветшей античности Великой Греции – Эллады.

И поднималась земля Польши под знаменем отважного князя Генриха Благочестивого. И поспешили на помощь бесстрашные рыцари Тевтонского ордена, рыцари ордена тамплиеров – истинно аристократы благородного духа. Дабы сойтись на Добром поле у Легницы, поле битвы против врага, укрытого тайной, как летучих воинов дьявола.

Накануне Бандар в походной кибитке весь внимание выслушивал нескольких разведчиков-юртаджи, посреди которых и был он – самый молодой юртаджи именем Баир-Сур. В едином тоне подтвердили они силу, мощь невиданных воинов, закованных в железо; воинов, сокрушающих всё и вся в лобовой атаке, в которой меч уж куда мощнее, выгоднее сабли. Потому и стоило приготовить тактику...

Ох, была ли в этом возвышенная истина красоты мужественной, когда и встали в единый строй железные кони железных воинов устрашающих шлемов, образов ли воинственных демонов? О, рыцари! Но опоздали они, ибо весенний силезский ветер дул в лицо. Могло ли это иметь значение?

Тысяча Жаргалтэ, как и другие тысячи, застыла в ожидании. Но у него особенная тысяча, которая в отличие от других состоит сплошь из монголов, а не из воинов новых народов империи. У его тысячи особенная задача. Нет, не в резерве ныне его тысяча, она вступит в битву одной из первых. Как много раз ожидал он всегда с волнением сердца каждый бой, как и этот. Но думал сегодня и о другом, что довелось увидеть накануне, но точнее кого увидеть накануне. Рядом с самим Байдаром – сыном Чагатая, внуком Чингисхана посреди разведчиков-юртаджи увидел он издалека одного из них, молодого, но столь похожего на его друга Баяр-Туяа, того самого из берегов Уды земли Баргуджин-Тукум. Не сын, ли его? Но отвернул взгляд, устремив вперёд, туда, где ровный строй противника невиданных видов, что зашевелился.

Единым едва рысящим шагом подался вперёд единый строй коней, облачённых в железные доспехи, как и всадники, устрашающие железные шлемы, кое у кого и рога круговые, шлемы, придающие таинственность владельцев, бесстрашных воинов благородного духа. Ибо издали боевые кличи, и били барабанной дробью мечами по груди, что сплошь в железных доспехах. И разглядывала на всё такое воинственное действо молча монгольская конница, сколько противников повстречалось, сколько повержено.

Флажок в авангарде был поднят, застыл, взгляд флажкового на темника Байдара, что не спешил. Затем внук Чингисхана, сын его второго сына Чагада от первой жены Борте, наречённой в жёны в десятилетнем возрасте, молча, в раздумье ли взмахнул правой рукой вниз, чтобы и взлететь, вознестись в мировую историю.

И резкий взмах флажка. И ринулась вскачь, никак не опрометчиво сначала сотня, за ней другая, затем и третья, сжимающие не саблю, не пику, сжимающие хворост, насквозь ли пропитанный смолой. Очертив дугу в сторону, поджались затем на разворот, но по линии прямой далеко ль перед воинами железных доспехов, за шлемами которых разглядеть ли любопытство, удивление, что всколыхнётся наряду с воинственно боевой яростью, предвестницей ожесточённой сечи. Затем и разбрасывался хворост по линии...

Когда ускакали прочь сотни, предвестницы неожиданной тактики, как последовали такому же маршруту следующие сотни, сжимающие не саблю, не пику, но горящие факелы, что бросали на смоляные хворосты, что обдавались ярким пламенем. Когда ускакали прочь и эти сотни, на тот же маршрут выдвигались вскачь совсем другие сотни, сжимающие не саблю, не

пику, но странные бурдюки, что бросали на хворосты объятые пламенем. И ускокивали прочь, тогда как бурдюки, поначалу разгораясь, начинали затем чадить, не чёрным, синим дымом. Но мог ли знать противник железных доспехов, что предавался огню аргал – сухой навоз, собранный по ежедневным следам проходящих стад мирных поселян и близ города Легницы, как и по другим полям силезского княжества.

Юртаджи располагались на невысоком холме неподалёку от ставки Байдара. Отсюда открывался подробный вид зачинающейся битвы, когда противник железных доспехов слегка растерян. Но самое худшее впереди, оно надвигалось...

Всматриваются, наблюдают воины тысячи за началом расписанной битвы в Добром поле. Все воины тысячи следят в ожидании нетерпения, обузданного дисциплиной, за всей рассыпной игрой в силезской долине, что вознесёт смерть и смерть. И вот под напряжёнными взорами тысячи пар глаз поднимает правую руку Жаргалтэ, тогда как рядом изготовился воин с флажком для сигнала, тогда как тысяча в ожидании напряжённом, ибо взоры и прицелены на правую руку командира тысячи, когда в воздухе и застыла правая рука. Не долго ждать. И вот взмах, резкий взмах вниз правой руки Жаргалтэ, за которым следует внезапный гром ярости раздирающего клича «Урагшаа!!!»

То есть полёт неистовости в самом ярком выражении аллюра, когда тысяча подобно заострённому ножу, рассекающему масло, врежется в горячий воздух битвы сквозь синюю завесу дыма.

И выворачивается левый бок воина тысячи в боковой изготовке в унисон данной искромётности копыт вровень сочетания приземления и прыжка. Тетива натянута у челюсти в момент аллюра, в момент карьера, Затаённое дыхание. Поймана своя устойчивость, пойман свой миг. Воин – лук – монгольский конь – единая суть единого момента! Прицельный глаз и цель – одна суть. Возшедшее искусство, идущее от сердца, как иная музыка, когда сердце и разум, стрелок и выстрел как трепетная реальность согласованного единства. Потому вершина мастерства – воин мыслит и не мыслит. Он как падающий дождь, как ветер в степи, как тихое течение Селенги, Онона, Керулена. Движение пальца. И спуск тетивы. Пение стрелы, как шелестящий свист. Харбан на полном скаку! Вот она – кровь охотника и воина со времён, когда и был с тележную ось.

О, монгольский лук!

Стрела воина очерчивает линию, концом которой оказывается прорезь в шлеме, как и прорезь в наморднике коня, облачённого в доспехи. Цели справа, слева, в раз и со всеми. И началось...

В раз нарушен первый ряд единого ль строя гордых рыцарей, воинов чести, аристократов благородного духа. И если стерпит рыцарь доблести и отваги, то коню, бедному животному во всех войнах человеческих далеко не до кодекса рыцарской чести, потому как от боли и унести прочь, скинув ли всадника, облачённого в доспехи из железных пластин. Потому и посеяна растерянность.

«Gotmituns! Бог с нами!» – фатально обречённо ли, крик ором отчаянной ли души вскинул вверх вперёд руку Конрад Бесстрашный, что венчал прямой меч, клинком отразив блики солнечных лучей.

Нет, не блики славы смогли взыграться в бесстрашной душе отважного рыцаря, какое там, другое, другое рвануло душу, выразив другую истину, в которой отразилось самое лучшее наряду с воспитанным благородством. Какое там, уж к чёрту надежды, притязательность и лучей славы, и триумфальное возвращение под аркой победы, подобно Юлию Цезарю из похода в Галлию, и этот титул Великого магистра могущественного ордена Тевтонского. Баварские леса, стремнины альпийских рек, поля луговые, поля пшеничные, пестрота цветов полевых, травы, травы германской земли. И матери взгляд, и отца, и потому с гимном во славу смерти за это, что и предстанет миг последний ли, ибо видит всадника от воинства дьявола,

что вскинул лук наизготовку, и ещё миг, и боль, резкая боль через одно незащищённое место, что есть глазница. И кровь по материи изнутри шлёма, и прижался к гриве коня, дабы пасть на весенние травы Вальштатта, Доброго поля, вознесённым в небеса.

Жаргалтэ скакал, молча, впереди тысячи, сзади несло могучим ором громогласности «Урагшаа!!!», также, молча, Жаргалтэ вывернулся левым боком вперёд в боковой изготовке под скачки коня с натяжением монгольского лука, тетива под самой челюстью, чтобы поймать момент краткого полёта монгольского коня в момент галопа, в момент карьера. Впереди цель – рыцарь, что издаёт голосом громовым слова на языке, что он никогда не узнает, не поймёт, не услышит более, ибо будет дан другой приказ. Затаил дыхание, прицельным глазом, пальцами на тетиве и этой целью, что и есть этот рыцарь, слиться в одну единую суть отверженного времени. И спустил тетиву, и полёт стремительности стрелы до расщелины глазницы, что быстрым мигом позднее и пронзилось в незащищённое место в шлеме. А далее и коня на разворот, как учили такой маневренности там, у родных берегов Онона, Керулена, Селенги...

Тем временем тысяча монгольской конницы буйством играющих миражей, продолжает изгибы за изгибом от спланированной тактики поражать и поражать, усугубляя растерянность, потерянность. Тогда как помимо стрел дым стелется в глаза. И по завершении кровавой игры стремительно развернулась тысяча Жаргалтэ, дабы уступить другим тысячам авансцену смертоносного театра Вальштаттской битвы при Лигнице.

Но подвинулись было вперёд рыцари, смяв кое-где строй лёгкой конницы противника, как внезапно ли атакует тяжёлая конница Байдара. В поредевших рядах рыцарей растерянность. Потому сворачивается поредевший строй гордых воинов доблести и чести, однако же, стараясь придать отступлению нисколько не характер панического бегства. Теснимые с определённых сторон и тяжёлой, и лёгкой конницей противника, воинов ли дьявола, встают на единственный путь к отступлению, по которой и следуют воины железных доспехов. Путь, заведомо ведущий к болоту, откуда вряд ли есть спасение. Последний путь.

Вставали в полукруг рыцари, тогда как кони увязали в болоте, некоторые рыцари и вовсе спешили, но сомкнув теснее ряды.

И вновь тысяча Жаргалтэ приступала к делу...

Ох, Жаргалтэ?! Ох, парень из унгират, которые ныне и есть одно из монгольских племён, родное племя Борте – первой жены Чингисхана, бабушки Байдара, бабушки Гуюка, бабушки Бато! В военной кампании против империи Поднебесной династии Цзинь у китайской Великой стены он стал сотником, таким властителем на небольшом пространстве. Но до конца ли похоронил он в себе, столь несвойственные для той поры и для соплеменников ростки гуманности и миролюбивых начал, как когда-то его командир Джучи, старший сын Чингисхана, набрав опыта закалённого бойца по обеим сторонам Великой стены? Откуда ж знал он тогда, что этот опыт и проявился на всём скаку совсем в далёких краях другой империи, империи Хорезм. Но не знать ему, что за рядом изгибов будущего, укрытого за горизонтом непроницаемости, уже в довольно солидно возрасте он, уже командир тысячи, и остановит коня недалеко от города Вена, и повернёт обратно по случаю естественной кончины властителя огромной империи Угэдэй-хана, унаследовавшего трон отца, сотрясателя вселенной. И событие возымело значение, ибо эта случайность, или не случайность в беспристрастных жерновах времени, по свидетельству историков и самой логической сути от науки по истории, и явилась спасением для остальной Европы, а значит и для всего мира той эпохи мрачного Средневековья. Ох, Жаргалтэ!

И определена цель. Натянут с силой монгольский лук от тысячи. Посылы разумов преобразятся наконечником стрелы, что не задрожит, застынет в ореоле стен непроницаемости. Сосредоточенность взоров по линии стрел...

Стрелы поражали точно глазницы железных шлемов рыцарей Европы – аристократов благородного духа. До единого, до последнего. Редких числом не стали добивать в болоте, оставили в живых, дабы разнесли весть слухом...

Тевтонцы, тамплиеры, польские рыцари. Жить гордо, умереть достойно...

О, силезское небо!

О, рыцарство – сокровенный ветер от земли доброй многострадальной, земли Европы, Старого Света!

«Сы-и. Второе лето правления цзя-дин. Царства Гинь, правления Да-ань, первое лето. В шестой месяц монголы вступили в Лин-чжоу. Тангутский государь Ли-ань-цюань покорился», – Китайская всеобщая история – «Тхун-цзянь-ган-му». Составлен в XII веке под руководством Чжу Си (59 цзюаней – глав с хронологией с 403 года до нашей эры до 960 года нашей эры). Дополнен в 1476 году 27 цзюанями – главами.

«Чтобы оценить этого человека, мы должны подойти к нему в условиях обстановки его народа и современной ему эпохи, на семьсот лет предшествовавшей нашей. Мы не можем мерить его меркой нынешней цивилизации. Ни Темучин, ни преданные ему молодые храбрецы не были людьми мелкой души, в характере самого Темучина было глубоко заложено великодушие и чувство благодарности к тем, кто ему верно служил...

Он был приучен к тому, чтобы хитростью уравнивать коварство своих врагов, но слово, данное им кому-нибудь из своих, никогда не нарушалось. «Несдержанность своего слова со стороны правителя является гнусностью», – говаривал он в позднейшие годы», – американский сценарист, историк, романист, писатель Гарольд Лэмб. «Чингис-хан. Император всего человечества». Лондон. 1928 г.

«Когда я закончу большую работу, то я поделюсь с вами, люди, и сладким, и горьким, а если я нарушу слово, то позвольте мне стать, как эта вода», – слова Темучина, в будущем Чингисхана соратникам в дни после поражения в годы битв за объединение племён монгольской степи (собрание степи) на озере Балчжун. «Из китайских источников».

«Чингисхан был в хорошей компании. ...

В своём анализе о том, что делает хорошие компании великими, Джим Коллинз делает следующий вывод: «когда наступает время жестокой правды, можно испытать чувство восторга при словах: мы никогда не откажемся. Мы никогда не сдадимся. Это может занять долгое время, но мы найдём способ победить».

Сам, находясь на грани выживания, Чингисхан смог поддержать моральный дух своих сподвижников, открыто посмотрев в глаза правды, но оставаясь приверженным делу, которое казалось справедливым и великим победам во имя Вечного Неба...

Он с юных лет мечтал о том, как он будет строить национальное единство», – британский историк Джон Мэн «Секреты лидерства Чингисхана».

«Монгол не должен иметь слугой или рабом монгола», – Яса (свод законов) Чингисхана.

Феномен Великой Греции – Эллады всегда, навсегда заставит вздыбиться дух и разум, феномен, перед которым каждый высоко образованный человек да благопристойно снимет головной убор в уважении трепетном, да склонит голову в знак почтения перед множеством гениев, собранных в одном народе одного исторического отрезка.

Сократ, Платон, Аристотель, Гомер, Софокл, Демокрит, Демосфен, Пифагор, Архимед...

Одно лишь перечисление захватывает дух, перечисление гениев той эпохи той земли, достойнейших имён античности, свершивших прыжок над велико вечной Рекой Времени, когда электрических освещений улиц ждать, да ждать более двух тысячелетий. Ну, а что же потомки гордых эллинов? Имеющие всегда под рукой телефон мобильной связи, айфоны разного рода и так далее, познавшие всего и всего из достижений техники, технологии новейшей эпохи, способны заявить о себе всему миру лишь коллективным выклянчиванием благ, грома и грома при этом всё и всё, что попадётся под руку на улицах под электрическим освещением. Какой уж там прыжок, какой полёт. Лишь вот так и засветятся они, потомки Аристотеля, Гомера, Пифагора и многих, многих великих гениев в мировых новостях глобальной цивилизации, начало которой когда-то и положил человек степей, не познавший грамоты чтения и письма.

Феномен эпохи Возрождения продолжает и продолжает удивлять, изумлять в восхищении взор того, кто знает и ценит суть творений человека, ибо он, человек, в отличие от других занят не только добыванием пищи насущной, ибо он, как венец, и есть творец собственной культуры. Потому он человек.

Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Тициан, Донателло и иже с ними в Италии, Эль Греко в Испании, Альбрехт Дюрер в Германии, Ван Гог в Голландии и несть числа непревзойдённых из одной эпохи в истечении вечных вод фиксированной Истории. Но особенно в Италии..., хотя, в новейшей истории, несмотря на «итальянское экономическое чудо» во второй половине 20 века потомки гениев искусства не произвели прыжок над Рекой Времени.

Между двумя этими вершинами человеческой сущности происходило разное, но по большей части войны, как обычное проявление агрессивности натуры данного мира на данной планете от червяков до человека.

Разум проявил черту всепожирающей агрессивности по своему, предъявив такое отнюдь не творение, как замысел искусный, порой и как само искусство, в котором есть и свои мастера шедевров. Они-то и не замедлили предстать на авансцене текущих вод истории.

Ксеркс, Леонид, Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь...

Конечно же, Чингисхан стоит в этом ряду, но историки из разных стран ставят его первым и выше, нарекая вечным победителем. Что ж, разные разумы в единой точке воззрения.

Множество дискуссий проведено и будут проводиться на тему о роли личности в истории. И это имеет место. Ибо вождь стаи волков и миллион лет назад, и в начале третьего тысячелетия, в эпоху динамичной ноосферы, выполняет одну и ту же роль координатора коллективной жизни и коллективной охоты. Так будет и через миллион лет, как и во всех других видовых скоплениях животного мира. Другое дело, когда имеем дело с носителем нус, носителем интеллекта, каковым и есть единственный вид, разделённый на расы, на множество народов и племён.

Ни Тогорил-хан, ни Таргутай-Кирилтух, ни Тохта-Беки, ни Кучулук, ни Джамуха, ни мудрец Елюй-Чуцай, ни философ учения дао Чан Чунь, никто из перечисленных, и не перечисленных не смог бы, не вышел бы на арену всемирной истории. И вошли они в разные энциклопедии, в исторические трактаты и литературу, фильмы документального и художественного содержания, благодаря одному человеку, врагами ли, друзьями ли которого и явились они, ибо они и оказались лишь персонажами вокруг него. Так и продолжались бы бесконечные бои местного значения на широких просторах степей Центральной Азии, ничем не возмущая остальной спокойный, беспокойный мир. И не случилась бы тогда реконкиста в совсем другой части громадно огромного материка Евразии, на её самой западной оконечности, которая обозначена Пиренейским полуостровом, обусловленная именно в виду явного ослабления внешних оккупационных сил от сотрясающего фактора копыт монгольских коней, от которых и содрогнулось мироздание на том бурливом отрезке истечения мировой истории. Ибо плод реконкисты – новоиспечённые империи Испания и Португалия, росчерком пера на бумаге разделяющие

между собой открытые, не открытые моря и океаны в придачу к ним открытые, не открытые континенты и страны, совершили истинно прорыв Великих географических открытий, предъявив миру и южную оконечность Африки, и Новый Свет, и круглый шар.

Никто из перечисленных, и не перечисленных и мысли не допускал о революции, под которой, прежде всего, и подразумевается коренное изменение всего и вся. Но родился один в неприметном урочище Делюн-Болдок на берегу Онона...

Конечно же, не стоит проводить аналогию с Элладой, но выявилось тогда скопление талантливых полководцев в одной новой нации, созданной волей одного человека в одном отрезке времени. И не будь этого человека, то завоеватель Китая Мухали так и остался бы на всю жизнь батраком, домашним слугой. А Джиргоадай, этот азартно энергичный Джэбе «наконечник копья Чингисхана», побывавший с военным походом в Европе, так и оставался бы простолюдином, «утэгу-богол». А Субудай-багатур в пожилом возрасте, применив хитрую тактику, не форсировал бы Дунай по льду, оставшись на всю жизнь кузнецом по наследству. Боорчу, Джэлмэ, Чилаун, Наян, Шихи-Хутугу... простой люд, люди из народа, так и не вошли бы никогда ни в какие энциклопедии, исторические трактаты и литературу, фильмы документального и художественного содержания, в том числе во всемирно известные фильмы производства ВВС, если бы, не он. И это в тринадцатом веке...

Такое провидение истории? Как знать...

А на следующем курултае после того, где трагическим образом разрешилась участь шамана Кокчу, не отвлекаясь на какое-либо другое, и решились дела, что в последующем и сотрясут вселенную.

Его манила затаённая цель, которую взглядом охватил ещё тогда, когда был жив отец Есуге-багатур в тот самый день при свете предзакатного багрово красного, нависшего над горизонтом степей. То был взгляд на юго-восток, на империю, что раз в три года насылала в степи регулярные войска, дабы с целью санитарии уменьшать число людей племён степи, прореживать их, да брать в рабство детей и мальчиков, и девочек, вот такой утончённый геноцид.

Понимая, что первым делом ему нужно обезопасить своё молодое государство от какого-либо вероломства, удара в спину, Чингисхан предложил союз на равных Тангутскому государству Си-Ся, но получив дерзкий ответ от правителя ононого государства, мол какие такие мелкие кочевники вознамерились заключать с ним союз, первый хан новой монгольской нации вынужден был направить свой первый удар на государство тангутов – народа тибетской группы, что никак не входило в пределы его цели. Эх, глупость, недалёковидность правителей в те времена жестокой эпохи всегда оборачивалась бедой против подданных, да и самого государства в целом.

Монголы впервые оказались за пределами родной ойкумены, ареала обитания, кочевания от лесов Баргуджин-Тукум на севере до пустынь Гоби на юге, от Селенги на западе до Онона, Керулена на востоке. Для воинов-кочевников новой нации именно этой ойкумены и именно на данном истечении реки-времени, и именно на данном отрезке истории, пока совсем не замеченных, ничем не приметных в Мировой истории это время было ново, революционно. И конечно же всё это вызывало у новой нации огромный интерес, распирало такое любопытство громадного размера.

Чингисхан, волею обстоятельств жизни в детстве, в юности, волею судьбы хорошо усвоил одно очень важное качество – способность учиться, извлекать из всего уроки. Из этой победоносной кампании, когда легко была разгромлена армия тангутского государства Си-Ся, когда правитель в спешном порядке признал своё поражение, он усвоил, а затем и развил до высокой степени брать крепостные стены городов. Да, города он впервые увидел в своей жизни. Взяв много в багаж опыта он повернул своё победоносное войско назад в родные степи.

Чингисхан нередко смотрел на свои руки, на пальцы, что были послушны, едины в движениях. И новый народ его должен быть и как его пальцы, и как его разум. Да, он был от рож-

дения красноречив, и этого боялся, прежде всего, его родственник Таргутай-Кирилтух, как и взгляда его глаз. По мере его возмужания, его становления в высокий рост он всё более и более находил людей, что полностью разделяли его воззрение, что были верны во всём, что могли составить один из его пальцев, как полагал он, ибо для него единение в целеустремлённости стала верховенством и в жизни, и на пути к цели. Но не хватало одного пальца...

Баргуджин-Тукум – земля его предков по материнской линии; хори – племя его предков по материнской линии, ибо там и восходил род её матери, где у истока стоял Хорилар-дай-мэргэн, перед которым он также в ореоле почтительного уважения склоняет голову, как и перед предками его отца Кабул-ханом, Амбагай-ханом. Да, не хватало одного пальца...

Однажды он направлял туда войско во главе которого он поставил нойона Хорчи, который хотел взять в жёны тридцать красавиц из лесных племён Баргуджин-Тукум. Он – нойон Хорчи был одним из тех, кто скрывался вместе с ним после полосы неудач у озера Балчжун. Тогда изголодавшиеся, он и горстка ему верных людей, посреди которых были его братья, и его лучшие друзья – Боорчу, Джэлме, увидели дикую лошадь, прискакавшую с северной стороны. Младший брат Хасар поймал её, из кожи умудрились сделать подобие казана, воду черпали из озера. Тогда сварили мясо, утолили голод. И тогда говорил он при всех, воздев руки к небу, тогда слушали все, у которых возгорелись глаза от его слов: «Вечное небо видит нас, знает про нас, я черпаю воду, и она льётся меж моих пальцев. Будет время, настанет оно, текущее всевластно неумолимо. Я завершу это дело, закончу работу моей жизни, когда и будет единение всех племён, говорящих на одном языке, то поделюсь тогда с вами, мои верные люди, стоящие на кручине берегов озера Балчжун и сладким, и горьким. Если нарушу слово, что дано мной здесь на этом берегу, то стану я, как эта вода этого озера».

Весной следующего года он направил войско в земли Баргуджин-Тукум, поставив во главе его Джучи, который был любим его бабушкой Оэлун, который был более оглядистее, неспешнее в рассуждениях, который старался многое разрешить как-то мирным способом. А то доверь такое дело второму сыну Чгагадаю, столь скоропалительному в рассуждениях, то прямою своей и наломает дров. Но и третьему и четвёртому сыновьям – Угэдэю жа Толую также решил не доверять такое дело. Ему не хватало одного пальца...

Конница придерживалась правого берега Селенги. Обходя скалистые холмы, где и лошади, и человеку не пройти, она отдалялась, чтобы затем снова подойти к живописным берегам столь же трепетно прекрасной реки, самой широкой, какую и знали люди степей. Особенно расширилась она в пределах Баргуджин-Тукум, где проживали лесные племена вовсе не в лесах, но в долинах, может, не столь раскинуто широких как степи, но довольно просторных для выпаса скота. Но чем дальше на север, тем дремучее становились леса, совсем не как в берегах Онона, Керулена и других рек обширных степей. Только успевай поглядывать на синеву Селенги, дабы удостовериться в правильности тропы.

В самом арьергарде тысячи размеренным маршем продвигалась сотня Бату-Мунка, которого Жаргалтэ помнил ещё с детства и который приходился ему дальним родственником. И сотник помнил его, когда он ещё мальчонкой с тележную ось, играл подле кошменных кибиток, да учился сам седлать собственного коня. Как, никак, а оба они из племени унгират. И это тоже в какой-то мере имело значение. Сама жена хана ханов, родственница Борте, говоря о том, что и сам Чингисхан когда-то начинал с одним воином Боорчу, видимо, как-то да посодействовала, чтобы он попал под командование их старшего сына Джучи. «Какой это ещё зелёный юнец посмел командовать десяткой?» – могли задаться таким вопросом бывалые воины. Но, может, и по счастью его, десятка, кроме одного воина, сплошь состояла из таких же зелёных юнцов. Ну, а командирам стало всё ясно, когда его десятке представил сам Джучи. Всё понятно. «Ну, а почему тогда десятка. А почему даже не кешик, куда и берут сыновей знатных нойонов?» – мог возникнуть и другой вопрос. Но вопрос, вопросом, а когда вот и начались ежедневные занятия, то стало вовсе не до них. Конечно, неумелость, неопытность обнаружилась сразу, но вовремя

пришла помощь от бывшего воина, каковым и являлся его непосредственный командир Бату-Мунк. Благодаря старательности и отсутствия всякой заносчивости сумел он быстро восполнить вот эти самые пробелы. И вот теперь он направился на настоящую войну, к которой он никак не питал, как многие из молодёжи, вот такого безудержного рвения, когда и появляется шанс отличиться. И была этому своя причина.

Накануне похода его вызвал в юрту сам Джучи. Думал, что решил расспросить он о родственниках из племени унгират, откуда его мать, как и мать Чагадая, Угэдея, Толуя. Так и было вначале. Но затем за чашкой кумыса Джучи и сказал то, ради чего он и был приглашён:

– Мы скоро пойдём на север, в земли Баргуджин-Тукум.

Вздрыгнул неожиданно Жаргалтэ от одного лишь упоминания этой земли, разве что незрячий не мог заметить этого. Но промолчал.

– Я вижу, что-то смутило тебя? – спросил сын хана ханов, дабы удостовериться увиденным глазам, но и понять саму суть вот такого проявления.

– Я знаю одного парня оттуда... – отвечал Жаргалтэ, вызывая удивление Джучи, одним лишь значением такого знакомства, когда в степях редко встретишь, а то и не встретишь человека из лесных племён. – Он из племени хори. Даже сдружились мы, – и Жаргалтэ подробно рассказал о встрече, о том, как их вызволил сам Джэбе.

– Говоришь, из племени хори, – слова Джучи обрелись в некую задумчивость, суть которой навевала одну лишь догадку, которую сын хана ханов решил всё же развеять. – Мне говорила бабушка Оэлун, что одна из её ветвей, а значит и моего отца, самого Чингисхана, как и меня, как и моих братьев, ведёт начало оттуда, из этой земли, куда мы и пойдём походом. Одна из ветвей по линии бабушки Оэлун. Звали предка Хорилардай-мэргэн. Родная река, которого и была Уда.

Так вот оно что! И выходит не один он – Жаргалтэ, против похода на эти земли.

– Этому нойону Хорчи захотелось иметь тридцать жён из лесных племён. И чтобы сдерживать обещание, и отправляет отец войска на эти земли. В первый раз мне удалось мирно договориться с лесными племенами. Они приняли власть моего отца. Но вот зарвался этот Хорчи, за что и получил достойный отпор. Наян поведёт войска против племени тоома, а мне идти против племени хори. Но думаю, неспроста отец поставил меня против них, неспроста. Думаю, он надеется на то, что я, как и в тот раз, разрешу мирно этот вопрос. Но знаешь..., не всё может пройти так гладко. И потому, я подержу сотню Бату-Мунка позади, – говорил в той же задумчивости старший сын хана ханов, в котором он сейчас и усмотрел большей рассудительности, чем у других младших братьев, особенно Чагадая, готового порвать кого угодно.

На том и расстались тогда. И потому он ведёт без должного рвения свою десятку в составе сотни командира, который родом из племени унгират. Но как рвутся в бой его воины! Молодёжь зелёная. Потому и кровь кипит, и огонь изрыгается. Разве что этот старый воин не обладает такой прытью. И почему он до сих пор не командир? Да и знает про него не очень много. Ничего не говорит о себе. Из какого племени он? Всех знает, а про него нет. И не спросил, как следует. А это ошибка, серьёзная ошибка. За это, самое лучшее, наказание плетью. Но, ведь, никто и не знает про это. Никто. Да и служит он у Джучи, у Бату-Мунка. Ладно, будет время, спросит. Наедине.

В первом же походе стала происходить с ним какая-то странность. Пока стелились по обоим берегам степи такого не было, но началось оно с первым же перелеском на правом берегу. А когда пошли леса, то оно и не отступало. Навязчивое ощущение. Кто-то смотрит со стороны, следит за ним. Не стал говорить про это Джучи, не стал. Но если подумать, что следит за тобой кто-то из той стороны, куда они и направились, то как-то получается не по разумению. Следить следует за передними, и передавать за передвижением. Но ведь и у них разведка впереди. А, может, не один он в таком состоянии? Пригляделся внимательно к своим воинам. Как будто такие, как и были. По глазам видно, что рвутся в бой. Возгорелись бы ещё

сильнее глаза от пылающих сердец, жаждущих битвы. Молодые, как и он. Но вот этот старый воин. Уж он-то отличается от всех. Не горят глаза.

За три дня осторожных, но быстрых переходов, на закате третьего дня они добрались до места, где Селенга прибавлялась полноводностью ещё одной рекой, что спокойно плавно сливалась с ней с правой стороны, с востока, со стороны восхода. Что за река?

Здесь, на этом слиянии, остановились тысячи. Недолго пришлось любоваться некоторым из них этой красотой, растеклись по приказу Джучи. Одни переправились через Селенгу и приготовились, после отдыха, после ночёвки, принять марш по левому берегу вниз по течению на запад, другие переправились вот через эту реку и по правому берегу её верх по течению возьмут с утра на восток. Через сколько рек Азии и Европы, да намного шире, переправятся монгольские кони? Сокрылось будущее таинственно и плотно завесой неизвестности, за поворотом непроглядным, за таким порогом неукротимых течений реки-времени. Откуда знать.

Арьергардная тысяча, в которой и состоит сотня Бату-Мунка, на ночёвку осталась на этом слиянии рек. Изумительное место.

Переменился как-то старый воин. Устремился взгляд на эту реку. Какой же свет печали, отзвук таящей тоски от давних лет оставил след? Знал бы он, что не ускользнуло это с пристального внимания десятника. С чего бы это?

– Что за река? Ты знаешь? – спросил сзади Жаргалтэ, что и явилось неожиданностью для старого воина, что и обернулся, вздрогнув, поспешив упрятать то, чего и таил много лет.

– Скажут... – последовал короткий ответ, означающий знание воинского дела, да опыт воинского дела.

Как бы в подтверждение этого уже доносилось по рядам негромко, слегка с придыханием: «Уда, Уда...»

– Река племени хори? – спросил Жаргалтэ у этого старого воина, которого стал подозревать в том, что и утаил он какое-то тайное знание от него.

– Так говорят... – отвечал уклончиво этот воин.

– Мои воины стремятся в бой, почему ты не стремишься? – спросил Жаргалте совсем о другом, дабы застать, как следует, застать старого воина врасплох.

– Всегда так у молодых, идущих в первый поход, – похоже, воин отвечал подготовлено.

– Почему ты изменился, увидев эту реку?

– Новое всегда что-то меняет.

– Говоришь новое.

В ночь десятка Жаргалтэ отправилась в дозор.

При полной луне лес сохранял тишину. И две реки, сливаясь, и уносясь вместе ещё величавее в священное море Байкал, сохраняли тишину. Всегда ли будет так? Может, и есть у них свой разум, своя интуиция, свой дар предсказания, свой третий глаз, и увидят они, как через плотную завесу времён столетий у слияния двух прекрасных рек раскинется удивительно прекрасный город, воспетый птицами, встречающий рассвет, как песня, которой дорожишь с тех лет, когда и был с тележную ось.

– Остановиться здесь. Смотреть в оба. А мы с тобой осмотрим дальше, – приказал Жаргалтэ, кивнув при этом на старого воина.

Кони неспешно, не вышагивая грацией (какая грация у монгольских коней, один лишь пот трудовой) пошли берегом ночной реки, что поуже, идущей с востока. Молчание продлилось недолго, ибо нарушил его один из всадников, которому и было что сказать, и было что спросить:

– С той поры, когда мы из равнинных степей вошли в первый лес на правом берегу Селенги, у меня появилось ощущение, что кто-то непрерывно смотрит за мной, за каждым моим шагом. Ты старый воин, но есть ли тебя такое ощущение?

– У меня нет, – коротко ответил старый воин.

Свежей прохладой потянуло от реки. Вглядывайся, не вглядывайся – нет никого. «О чём бы спросить его. Что мог бы поведать он, этот старый воин, до сих пор не взявший никакой командной высоты. Может, до этих лет и не удостоился ничего, и не дано, что и не рвётся в бой. Но вижу, как-то вижу, что скрывает он что-то...» – вот так и подумал Жаргалтэ.

– Мой командир, а Вы почему не стремитесь в бой, – неожиданно спросил сам воин, даже и не спросив на то позволения.

Вздрогнул неожиданно Жаргалтэ. «Он что, читает мои мысли», – стрелой мелькнула догадка или ещё что, но быстро пришёл в себя и ответил, даже и, не пытаясь, указать на то, что и не подобает спрашивать простому воину первым:

– Мы говорим с ними на одном языке, – отвечал Жаргалтэ, подразумевая под ними тех, против кого они идут.

– Да, в том-то и дело. Я думал, прекратились всегда в степях войны между племенами, говорящими на одном языке. Но вот... – сказал и промолчал старый воин.

Что хотел сказать старый воин? Стоит спросить. И только хотел было раскрыть рот да произвести первые слова вопроса, как они и раскрылись, но совсем по другому поводу.

Они возникли, будто из ничего. Полная луна бледным светом отразила их фигуры, во всём наизготовку. Кони лишь чуть заржали, как бы приветствуя друг друга. Что им война.

– Сайн-байна. О-о, кого я вижу. Неужто, Ардан в родные края собрался, – надменно тихий голос одного из них более походил на голос солидного возраста.

– Он собрался воевать против своих, – тут же вмешался другой голос такой же надменности, не тихий, молодой, слишком молодой, примерно того же возраста, в каком пребывал Жаргалтэ.

– Если собрался бы, давно сказал бы про вас, как вы ещё с правого берега Селенги, считаете сколько нас, – отвечал тихо, но с достоинством вот этот Ардан, удивление которого совсем обошло стороной, тогда как Жаргалтэ пребывал полностью в нём, где и не нашлось никакого места страху.

Он знал, всё знал старый овин, но не сказал ему. Но и у него неспроста сыграло всюю это ощущение сразу после входа в первый лес на правом берегу Селенги. Но, ведь, ни у кого и не появилось такое ощущение, про которое он почему-то и не сказал Джучи. Хотя, тогда был совсем другой разговор.

– Он говорит нас. Слышите..., вот потому он идёт против нас, – раздался и третий голос, такой же молодой по звонкости.

– А что мне делать, воину Чингисхана? – отвечал тихо старый воин, в голосе которого в какой-то мере и ворвалась гордость.

Мгновенно наступила тишина. Имя хана ханов, одно лишь упоминание ввело в трепет и этих воинов лесного племени. Не стоит с воином такого человека разговаривать в подобном тоне. И как-то подобрались они, подобно сильно натянутой тетиве. Но ведь...

Ночные воины ещё больше напряглись наизготовку, что луки и пронзят насквозь, только попробуй дать сигнал. Вот тебе и первый поход. Покинет этот свет и, не приняв бой. Хотя, и не стремится в него.

– Есть ли среди вас родственник Баяр-Туяа или друг детства его, – наконец-то и он подал молодой голос.

Если имя хана ханов ввело в строгий трепет, то имя парня, с которым он сдружился после освобождения от плена, ввело их в лёгкое смятение, в котором проявилось в полной мере удивление. И луки опустились, и намерения изменились, и ушла сама собой куда-то эта воинственная напряжённость. Как будто облегчение наступило.

– Я его родственник, – выступил под светом полной луны и четвёртый голос, по тону которого и не понять о возрасте его обладателя.

– Я друг детства. Но откуда знаешь ты его? – пятый голос и выдавал молодость, как и, должно быть.

Выдержал паузу. Удивление продолжало властвовать над ночными воинами лесного племени. Но теперь оно охватило и его старого воина. Что ж, удивляйся. Теперь-то уж узнаешь причину его нежелания идти в бой против этого племени, родная река которого обдала сейчас освежающей прохладой. Жаргалтэ рассказал то событие из жизни в такой же последовательности и подробности, как недавно рассказал Джучи.

– Где он сейчас? – голос принадлежал тому другу детства.

– У Джэбе.

Это имя не произвело того должного трепета, что произвёл недавно. Но ведь и люди степей не вышли за окраины владений. Пройдут годы, и взлетит это имя, как имена и других гениальных полководцев, над просторами Азии, Европы. Откуда знать про это в ночь у слияния этих рек.

– Последовал за лошадьми и сгинул вместе с ними. Так мы и думали. А он... – говорил обладатель голоса солидного возраста, которого и высветил тускло лунный свет, показав, что и есть так на самом деле.

– Воин Чингисхана! – продолжил гордо Жаргалтэ, понимая ясно, что вряд ли витает над ним угроза быстрой стрелы от натянутой тетивы на близком расстоянии.

– Кто командует вами? – вмешался тут старый воин.

– Зачем тебе знать, – откликнулось сразу несколько голосов весьма недовольных таким вопросом.

– Может, и не зачем мне знать имя вашего командира. Но передайте ему, не будет сопротивления, не будет битвы, – говорил невозмутимо этот самый Ардан.

– Откуда знать тебе, простому воину. В твоём возрасте командуют... – говорил теперь за всех более старший по возрасту, который, по всему и являлся, главным из них.

– Может, и не дано мне командовать, никогда, но вижу я, что и ты не такой уж важный командир, если твои воины расчирикались как...

В миг опять натянулись тетивы и несколько стрел вот-вот готовы просвистеть в тишине да воткнуться разом, минуя Жаргалтэ, прямо в грудь старому воину. Главенствующий пытался рукой дать знак отстранения, но воины продолжали оставаться наизготовку, до того разгорячились молодые головы.

– Что хотел сказать ты? – спросил старший над ними.

– У воинов Чингисхана один взмах руки командира, одно повеление бровью и есть приказ, за который воины готовы на самую смерть. И если мой юный командир, который возрастом и доведётся мне в сыновья, лишь поведёт бровью, то дух мой устремится туда, куда и указано. А сейчас будет говорить он, а я послушаю, и вы послушайте, – говорил старый воин мерно, обволакивающе тихо, вот где истинно спокойствие и выдержка, но голос его проявлял, всё же, нотки некоего превосходства от того, что он и есть воин великого воина, ныне хана ханов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.